

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 19.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

472

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ: Стр.
- Слово, произнесенное въ день святого Апостола и Евангелиста Іоанна Бого-
слова. О томъ, какъ должно смотрѣть на новое ученіе о христіанствѣ, какъ
религіи любви. Преосвященнаго *Амвросія* 391—403
- Государственное положеніе римско-католической церкви въ Россіи отъ Ека-
терины Великой до настоящаго времени (продолженіе). *К. Богословскаго* . 404—438
- Сибирская Церковь до XVIII вѣка. *И. Овчинникова*. 439—462
- II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:
- Нравственная наука въ эмпирико-утилитарныхъ системахъ. *А. Красовскаго*. 265—279
- Вліяніе внѣшнихъ впечатлѣній на самосознаніе души. (По А. Сабатье). *Н.* 280—308
- III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:
- Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія
Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Журналъ
Харьковскаго училищнаго окружнаго съѣзда духовенства 1890 года.—Епархіальныя извѣ-
щенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣтной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Октября 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

С Л О В О

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьновснаго,
въ день святого Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова ¹⁾.

О томъ, какъ должно смотрѣть на новое ученіе о христіанствѣ, какъ
религіи любви.

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбилъ вы, да и вы любите себе (Іоан. 13, 34).

Весьма тяжелое впечатлѣніе на здравомыслящаго христіанина производитъ бродящее нынѣ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ,—по наружности благовидное, но въ сущности искаженное,—понятіе о христіанствѣ, какъ религіи любви. Стѣбитъ привести какое либо изреченіе слова Божія, или напомнить событіе изъ ветхаго завѣта, какъ вамъ многіе скажутъ съ дерзостію невѣрія: „о, ветхій завѣтъ! это религія страха и суровыхъ казней, ветхозавѣтный Богъ (какъ будто это иной Богъ, а не Тотъ, въ Котораго мы вѣруемъ) есть Богъ страха и казни; нашъ Богъ христіанскій есть Богъ любви и милосердія; христіанство есть религія любви“. Напомните о церковныхъ уставахъ относительно поста, покаянія, молитвы, посѣщенія храма Божія, вамъ отвѣтятъ, что это „безсодержательные обряды, что основной законъ хри-

¹⁾ Произнесено въ Харьковской Духовной Семинаріи 26 Сентлбрі.

стіанства—любовь“. Заговорите, наконецъ, о необходимости усиленія строгости правосудія въ виду крайняго размноженія преступленій,—опять услышите въ отвѣтъ: „нынѣ не то время, нынѣ надъ всѣмъ должны господствовать любовь и всепрощеніе“.

Что христіанство вмѣстѣ съ другими богооткровенными истинами и правилами нравственности содержитъ въ себѣ и ученіе о любви, это извѣстно съ самаго его основанія, но понятіе о немъ, какъ исключительно религіи любви, новѣйшаго происхожденія. Откуда же оно? Изъ того же источника, откуда исходятъ и всѣ ложныя мысли о предметахъ вѣры, распространяемая нынѣ въ нашемъ христіанскомъ обществѣ: отъ тѣхъ свободныхъ мыслителей, которые перемѣшали христіанское ученіе съ человѣческими измышленіями и исказили божественныя догматы вѣры. Для мыслителей новѣйшихъ философскихъ школъ, отвергающихъ бытіе Божіе, міръ духовный, признающихъ единственнымъ источникомъ знанія опытъ внѣшній и отрицающихъ свидѣтельства опыта внутренняго,—для этихъ мыслителей невозможно было составить надлежащее ученіе о человѣческой нравственности, которое обнимало бы всѣ свойства, потребности и недостатки души человѣческой. Между тѣмъ, нужно же было сохранить въ челоувѣчествѣ понятія о порядкѣ, долгѣ, справедливости, безъ чего немислима самая общественная жизнь. И вотъ они взялись за любовь, ограничивъ ее попеченіемъ людей другъ о другѣ съ матеріальной стороны (альтруизмъ), думая утвердить въ людяхъ эту любовь, а съ нею и добрую нравственность общими выгодами отъ взаимныхъ услугъ. Но такъ какъ эти мыслители живутъ и дѣйствуютъ въ средѣ христіанства, то для доказательства достоинства ихъ ученія и для успѣха въ его распространеніи имъ выгодно было указать, что

и ученіе христіанское проповѣдуетъ любовь и притомъ съ особенною силою, поставляя въ ней высшее чело-вѣческое совершенство. Это указаніе имѣетъ такое же значеніе, какъ со стороны проповѣдниковъ равноправности и насильственнаго раздѣла имуществъ богатыхъ между всѣми бѣдными (соціалистовъ) ссылка на первое христіанское общество, въ которомъ было все общее вмѣстѣ съ единомысліемъ духовнымъ (Дѣян. 4, 32. 34). Вотъ, откуда получили начало эти возгласы: „любовь, любовь! Въ ней сущность христіанства; все остальное въ немъ для христіанина необязательно“. Очевидно, все это повторяется нашими свѣтскими людьми съ чужого голоса, по наслышкѣ, и примѣняется къ разнымъ случаямъ жизни безъ размышленія. Между тѣмъ, какъ много зла происходитъ въ нашемъ обществѣ отъ этихъ ложныхъ мыслей. Во имя мнимой любви пренебрегаются неотложныя христіанскія обязанности, теряются добрые навыки, составляющіе основаніе христіанской добродѣтели, и самая любовь, этотъ цвѣтъ нравственнаго совершенства, теряетъ свои высокія свойства, превращаясь въ попеченіе только о матеріальномъ благосостояніи людей.

Чтобы при научномъ образованіи не увлекаться подобными ложными мыслями и сохранить цѣлость и чистоту своей вѣры, нужно соблюдать два правила, завѣщанныя намъ святыми отцами церкви:

Первое. Нужно понимать божественное откровеніе не такъ, какъ намъ желательно по нашимъ соображеніямъ, а какъ оно само даетъ разумѣть себя, или какъ Самъ Богъ, говорящій намъ въ немъ, хочетъ чтобы мы Его понимали.

Второе. Надобно изучать христіанское ученіе не въ начаткахъ только, не урывками, не по частямъ, какъ большею частію дѣлается нашими свѣтскими людьми,

а по возможности въ полномъ его объемѣ, какъ требуется при изученіи всякой человѣческой науки, чтобы всѣ части ея взаимно пополняли и поясняли одна другую.

Мы почувствуемъ силу и значеніе этихъ правилъ при изъясненіи взятаго нами ученія о любви, какъ сущности христіанства.

Господь Іисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ въ послѣдней бесѣдѣ предъ своими страданіями: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ,—такъ и вы да любите другъ друга“. Въ этомъ изреченіи заключаются два указанія. Первое: Господь даетъ *новую* заповѣдь о любви къ ближнимъ; это значитъ, что подобная заповѣдь о любви,—*древняя*, Имъ дана была прежде. Когда?—Въ ветхомъ завѣтѣ, такъ какъ Онъ же былъ основателемъ религіи ветхозавѣтной до своего воплощенія ¹⁾. Второе указаніе даетъ намъ понять, что сущность новой заповѣди заключается въ томъ, чтобы ученики Его любили другъ друга по примѣру и первообразу любви, явленной міру Имъ, Сыномъ Божиимъ, во время земной Его жизни въ Богочеловѣчествѣ. Ясно, что если нужна была новая заповѣдь, то потому, что первая была недостаточна, что по совершеніи искупленія, для человечества, возвращаемаго къ новой высшей жизни, требовались высшія и совершеннѣйшія дѣла любви. Но такъ какъ новая заповѣдь составляла восполненіе первой, то должно думать, что и въ первой заключался божественный законъ о любви, согласный съ состояніями ветхозавѣтнаго человечества. Отсюда слѣдуетъ, что любовь составляетъ сущность религіи ветхозавѣтной и христіанской, т. е. всей богооткровенной религіи.

Какъ высоко было ученіе о любви и въ ветхомъ

¹⁾ Св. Іоаннъ Злат. о покаяніи 6, 4.

завѣтъ, Господь объяснилъ это въ отвѣтъ одному законнику, вопрошавшему Его: какая наибольшая заповѣдь въ законѣ (разумѣется Моисеевомъ)? „Возлюбиши Господа Бога твоего, сказалаъ Господь, всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же, подобная ей: возлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мат. 22, 35—39). Раскрѣйте пятокнижіе Моисеево, и вы найдете въ немъ не только заповѣди, указанныя Іисусомъ Христомъ (Втор. 6, 5. Лев. 19, 18), но и подробное раскрытіе ихъ въ приложеніи къ жизни.

Вотъ эти подробныя постановленія: „Не обижай ближняго твоего; плата наемника твоего не должна оставаться у тебя до утра. Не злословь глухого и предъ слѣпымъ не клади ничего, чтобы преткнуться ему. Не дѣлай неправды на судѣ; не ходи переносчикомъ въ народъ твоемъ и не возставай на жизнь брата твоего; не враждуй на брата твоего въ сердце твоемъ; не мсти и не имѣй злобы на сыновъ народа твоего. (Лев. 19, 13—18). Пришлецъ, поселившійся у васъ, то же, что туземецъ вашъ; люби его, какъ себя. Да будутъ у васъ вѣсы вѣрныя и гири вѣрныя (Лев. 19, 36). Въ седьмой (субботній) годъ—прощеніе, чтобы всякій заимодавецъ, который далъ займы ближнему своему, простилъ долгъ. Если будетъ у тебя нищій, не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ (Втор. 15, 2. 7). Если дашь денегъ займы бѣдному изъ народа твоего, то не притѣсняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь въ залогъ одежду ближняго твоего, до захожденія солнца возврати ее: ибо она есть единственный покровъ у него; она одѣяніе тѣла его: въ чемъ будетъ онъ спать? Итакъ, когда

онъ возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу его, ибо Я милосердъ (Исх. 22, 26, 27). Когда увидишь осла брата твоего, или вола упавшаго на пути, не оставляй ихъ, но подними ихъ съ нимъ вмѣстѣ (Втор. 22, 4). Если найдешь вола врага твоего или осла его, заблудившагося, приведи его къ нему. Если увидишь осла врага твоего, упавшимъ подъ ношею своею, то не оставляй его, развьючь вмѣстѣ съ нимъ (Исх. 23, 4, 5). Въ субботу не дѣлай никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой (Втор. 5, 14). Въ праздникъ веселись предъ Господомъ Богомъ твоимъ и ты, и сынъ твой, и дочь твоя, и рабъ твой, и раба твоя, и левитъ, который въ жилищѣ твоемъ, и пришлецъ, и сирота, и вдова. Помни, что ты былъ рабомъ въ Египтѣ, и исполняй постановленія сіи (Втор. 16, 11, 12).

Въ виду этихъ постановленій ветхозавѣтнаго законодательства, отличающихся такою благостію и попечительностію объ утвержденіи взаимной любви между людьми, какъ назвать слышимыя нами нынѣ порицанія этихъ законовъ и самого Законодателя, Бога Израилева? Не иначе, какъ *богохульствомъ*.

Говорятъ: въ ветхомъ завѣтѣ повелѣно было требовать „глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу“ (Исх. 21, 24). Таковъ дѣйствительно законъ Моисеевъ объ увѣчьѣ. Но еще раньше Моисея данъ былъ законъ Ною объ убійствѣ: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію“ (Быт. 9, 6). Что же значать эти законы? То же, что во всякомъ законодательствѣ, т. е. требованіе правды и воздаянія за преступленіе, потомъ угроза людямъ развращеннымъ и предупрежденіе преступленій. Они, очевидно, направлены на вразумленіе обидчиковъ, а не заключаютъ въ себѣ повелѣнія потерпѣвшему непременно за зубъ,

вырванный у него, вырывать у ближняго зубъ, и за руку и ногу повреждать ему тѣ же члены. Но откуда же видно, что они исключаютъ во всякомъ случаѣ прощеніе обидѣвшему со стороны обиженнаго и всякое проявленіе состраданія и жалости къ людямъ, впадшимъ въ преступленія? Нигдѣ не запрещается милосердіе.

Говорятъ: въ ветхомъ завѣтѣ Богъ повелѣлъ истреблять съ жестокостію народы земли хананской и другія сосѣднія племена; на какая этому причина? Невозможность терпѣть на землѣ народы, плодящіе только зло и преступленія, въ которыхъ не осталось и признаковъ духовной жизни, а одни животные инстинкты. Такъ были истреблены люди допотопные, жители Содома и Гомморы и пр. (Быт. 6, 5—7. 12). Затѣмъ, — охраненіе народа Израильскаго, носителя истиннаго богопознанія и обѣтованій Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго отъ развращенія примѣромъ народовъ языческихъ. Сами благочестивые евреи понимали это, какъ нельзя лучше, такъ какъ они видѣли, что ихъ соотечественники „смѣшивались съ язычниками и научались дѣламъ ихъ, поклонялись истуканамъ ихъ, которые были для нихъ сѣтью, и приносили сыновъ своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ“ (Псал. 105, 35—37).

Но, говорятъ, что Богъ не щадилъ и народа своего и поражалъ его тяжкими казнями. И эту строгость понимали, какъ должно, сами избранные евреи, подвергавшіеся наказаніямъ за невѣрность Богу Израилеву. Они сознавались, что родъ ихъ „упорный и мятежный“, что они льстили Ему устами своими и языкомъ своимъ, лгали предъ Нимъ; сердце же ихъ было не право предъ Нимъ и они не были вѣрны Завѣту Его (Пс. 77, 8. 36. 37). И изральтяне молилися во дни гнѣва Его: „страшный въ правосудіи, услыши насъ, Боже Спаситель нашъ (Пс.

64, 6.), и видѣли плоды постигавшихъ ихъ наказаній: „Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро“ (Пс. 65, 10.).

Новѣйшіе мыслители не отрицаютъ любви въ религіи новозавѣтной и даже, какъ мы видѣли, полагаютъ въ ней сущность христіанства, называя его религіею любви. Но что имѣетъ общаго любовь, заповѣданная намъ Христомъ Спасителемъ, съ этою матеріальною, узкою, эгоистическою любовію новыхъ учителей, которая заключаетъ въ самой сущности своей только взаимный обменъ выгодъ и имѣетъ своею тайною цѣлію успокоить бѣдныхъ съ внѣшней стороны, чтобы они не обременяли богатыхъ своими жалобами и не препятствовали имъ наслаждаться своимъ избыткомъ? Такъ ли поставлена любовь въ христіанскомъ ученіи, что она можетъ быть самостоятельною и развиваться, не имѣя нужды въ поддержкѣ и питаніи со стороны другихъ христіанскихъ свойствъ и добродѣтелей? Исключаетъ ли она духовныя упражненія и нравственные подвиги, къ которымъ призываетъ насъ церковь Христова? На всѣ эти вопросы мы находимъ отвѣты въ ученіи Христа Спасителя.

Исусъ Христосъ въ своей новой заповѣди указалъ намъ на всѣ времена ясные признаки, по которымъ мы можемъ отличать истинную любовь къ ближнимъ отъ всякихъ одностороннихъ человѣческихъ чувствованій, привязанностей и увлеченій. Онъ не только въ ученіи своемъ раскрылъ высшій смыслъ ветхозавѣтныхъ заповѣдей о цѣломудріи, прощеніи долговъ, примиреніи тяжущихся, о клятвѣ, о соблазнахъ, о терпѣніи обидъ, о молитвѣ за враговъ и о пожертвованіи за ближнихъ самую жизнь (Мат. 6); но Онъ указалъ въ своей жизни для всѣхъ вѣрующихъ, ученыхъ и простыхъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и перетолкованій, пол-

ную картину всѣхъ подвиговъ своей божественной любви. „Какъ Я возлюбилъ васъ, сказалъ Онъ въ своей новой заповѣди, такъ и вы любите другъ друга“.

А *какъ* Онъ возлюбилъ насъ, и *какъ* повелѣлъ намъ любить другъ друга? На это мы находимъ отвѣтъ въ слѣдующемъ Его изреченіи, сказанномъ, какъ и новая заповѣдь, въ послѣдней Его бесѣдѣ съ учениками: „Не говорю вамъ, что Я буду просить Отца за васъ: ибо Самъ Отецъ любитъ васъ, потому что вы возлюбили Меня и увѣровали, что Я исшелъ отъ Бога“ (Іоан. 16, 26, 27). Безконечная любовь Бога Отца, даровавшаго Своего Единороднаго Сына для спасенія нашего, и послушаніе Отцу отъ Сына, совершившаго наше спасеніе, есть глубочайшее основаніе для нашей взаимной любви. Если Самъ Отецъ любитъ насъ, если Сынъ Его для Него возлюбилъ насъ: то и мы должны *любить другъ друга прежде всего для Бога*, т. е. въ удовлетвореніе любви Божіей къ роду человѣческому. Мы должны привлекать другъ друга къ Богу, какъ дѣти, на громкій призывъ отца, обращенный ко всѣмъ имъ, зовуть и ведутъ къ нему другъ друга. Отсюда открывается обширное поле для подвиговъ любви къ ближнимъ—*духовной*. Сюда относятся всѣ учрежденія для просвѣщенія нашихъ ближнихъ истиннымъ богопознаніемъ и полезными науками, для охраненія ихъ отъ заблужденій, для обращенія ко Христу невѣрующихъ, для общественныхъ молитвъ, для улучшенія народной нравственности, для исправленія преступниковъ и т. п. Во всѣхъ этихъ видахъ любви не только заключаются вѣрныя средства для благоустроенія нашей внутренней и внѣшней жизни, частной и общественной, но и открывается неизсякающій источникъ для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ нашихъ ближнихъ; такъ какъ любовь къ Богу и сердечное желаніе послужить

ближнимъ во славу Его питаетъ въ душахъ нашихъ любовь чистую, безкорыстную, наполняющую и услаждающую наше собственное сердце. Отсюда получаютъ истинно нравственный характеръ, *одухотворяются* и всѣ жертвы и учрежденія для облегченія физическихъ нуждъ и страданій нашихъ ближнихъ, каковы: больницы, богадѣльни, общества для попеченія о раненныхъ, слѣпыхъ, прокаженныхъ и т. под. Въ чемъ же состоитъ ихъ одухотвореніе? Въ обращеніи призрѣваемыхъ къ вѣрѣ въ Бога и къ благодарности Промыслителю, посылающему, въ лицѣ благотворителей, благовѣстниковъ и служителей Его любви къ человѣкамъ. Здѣсь невольно воспоминается древній христіанскій обычай просящихъ помощи и благотворителей обмѣниваться выраженіями вѣры во Христа: „подай Христа ради! прими Христа ради“!

Изъ жизни Спасителя нашего мы видимъ, что Онъ, по слову Евангелиста Іоанна, „возлюбивъ своихъ сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ“ (Іоан. 13. 1), т. е. что Онъ совершилъ подвигъ Своей любви съ совершеннымъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ. Онъ былъ безгрѣшенъ, не имѣлъ нужды, какъ мы въ борьбѣ со страстями и соблазнами, но по Своей природѣ человѣческой Онъ претерпѣлъ всевозможныя лишенія и труды, и наконецъ крестную смерть для удовлетворенія за насъ правды Божіей. И Онъ по человѣчеству предъ своими страданіями имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи и утѣшеніи Ангела (Лук. 22, 43.). Какъ же мы исполнимъ долгъ любви къ нашимъ ближнимъ?—Шутя и играючи, какъ это дѣлается въ благотворительныхъ увеселеніяхъ?—Нѣтъ, и намъ нужны личные труды, чтобы принести ближнимъ истинную пользу, нужно ограниченіе нашихъ потребностей и удаленіе отъ роскоши по наукѣ христіанскаго смиренно-

мудрїя и нищеты духовной. Только такимъ образомъ мы можемъ имѣть свободу въ средствахъ для благотворенїя, большую часть которыхъ пожираетъ наша плоть съ своими наслажденїями. Намъ нужны и духовныя добродѣтели: терпѣніе, смиренїе, кротость для перенесенїя несправедливостей отъ людей озлобленныхъ и неблагодарныхъ, для прощенїя обидъ отъ порицателей, всегда преслѣдующихъ истинно подвижническую благотворительность. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вѣрою въ Христа Сына Божїя, отъ котораго получаемъ озаренїе нашего ума, очищенїе и умягченїе нашего сердца и въ святыхъ таинствахъ причастїе любви Божїей, дѣлающей насъ способными „радоваться (безъ зависти) съ радующимися, и плакать (безъ лицемерїя) съ плачущими“ (Рим. 12, 15). А это значитъ, что христіанство есть сколько *религія любви*, столько же, и еще прежде, *религія отры*.

Какъ утверждая, что религія ветхозавѣтная есть религія только страха и казней, новые мыслители отказываютъ ей въ любви: такъ, называя христіанство только религіею любви, отказываютъ ему въ правдѣ и правосудїи. Дѣйствительно, Іисусъ Христосъ во время земной своей жизни не каралъ никого за преступленїя, какъ вообще противъ закона, такъ и лично противъ Него Самого. Такъ, когда ученики просили у Него позволенїя низвести на негостепрїимную весь самарянскую огонь съ неба по примѣру пророка Іліи, Онъ отвѣчалъ: „не знаете, какого вы духа“ (Лук. 9, 54. 55.). Что это значитъ?—Не то, что по духу Христову должны оставаться безнаказанными всѣ обидчики и преступники, но то, что время земной Его жизни было временемъ совершенїя искупленїя рода человѣческаго, а не суда. Онъ сказалъ: „если кто услышитъ слова Мои и не повѣритъ, Я не сужу его; ибо Я пришелъ не судить мїръ,

а спасти міръ“ (Іоан. 12, 47). Время суда Его будетъ во второмъ Его пришествіи, и именно Онъ, Основатель христіанской религіи, будетъ судіею и мздовоздаателемъ праведнымъ и грѣшнымъ: „Отець не судитъ никого, сказалъ Онъ, но всякій судъ отдалъ Сыну“ (Іоан. 5, 22). Между тѣмъ, изрекая законъ любви и милосердія, Онъ возвѣщалъ вмѣстѣ и законы суда и правды. Такъ Онъ сказалъ, при извѣстіи объ избіеніи Пилатомъ Галилеянь и о паденіи башни Силоамской, задавившей восемнадцать человѣкъ: „если не покаетесь, всѣ также погибнете“. (Лук. 13, 3). И судъ Его строже, чѣмъ ветхозавѣтный. Онъ возвѣщалъ наказаніе не за дѣла только, но и за имя оскорбительное для ближняго (Мат. 5, 22), за всякое слово праздное (Мат. 12, 36) и мысль нечистую (Мат. 5, 28). Онъ возвѣщалъ „горе“ лицемѣрамъ, невѣжественнымъ и развратнымъ учителямъ, обидчикамъ вдовъ (Мат. 23), богачамъ безпечнымъ, пресыщеннымъ, всегда веселящимся и тщеславнымъ (Мат. 23, 24—26). Онъ предсказывалъ и земныя бѣдствія за беззаконія не менѣе страшныя, чѣмъ казни ветхозавѣтныя. Такъ, во время торжественнаго входа въ Іерусалимъ, приближаясь къ городу, „Онъ заплакалъ смотря на него и сказалъ: о, если бы ты хотя въ день сей узналъ, что служить къ миру твоему, но сіе сокрыто отъ очей твоихъ; ибо придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ камня на камнѣ, за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“ (Лук. 19, 42 - 44). Кому же Господь являлъ и впредь обѣщалъ являть Свое безконечное милосердіе и всепрощеніе? Всѣмъ грѣшникамъ и преступникамъ, всякимъ беззаконникамъ, убійцамъ и разбойникамъ, но только *кающимся* и прибѣгающимъ къ Нему съ мольбою о помилованіи во имя Его всепокрывающей отъ гнѣва и правосудія

Божія искупительной жертвы. Св. Іоаннь Златоустъ съ дерзновеніемъ утверждаетъ, что и Іуда, предатель самого Искупителя, былъ бы помилованъ, если бы не отчаялся, не кончилъ жизнь самоубійствомъ, и поплакалъ бы также горько, какъ Петръ послѣ троекратнаго отреченія отъ своего Учителя ¹⁾).

Къ какому же заключенію мы приходимъ относительно догматическаго и нравственнаго значенія новаго ученія о христіанствѣ, какъ религіи любви, судя по тому разъясненію и приложенію къ жизни, какое даютъ ему его проповѣдники? Оно:

Во-первыхъ, вопреки историческимъ свидѣтельствамъ Слова Божія несправедливо отрицаетъ ученіе о любви въ ветхомъ и о правосудіи въ новомъ завѣтѣ.

Потомъ,—оно отвергаетъ ученіе о вѣрѣ, какъ источникъ всѣхъ духовныхъ силъ, необходимыхъ для усовершенствованія человѣка и для воспитанія въ немъ самой любви.

Далѣе,—оно искажаетъ и уничижаетъ высокое евангельское ученіе о любви христіанской и всепрощенія.

Наконецъ, оно отвлекаетъ христіанъ отъ церкви, ея спасительныхъ таинствъ и уставовъ, предоставляя каждому жить, какъ вздумается, *по волю плоти и помыслиній* (Еф. 2, 3), какъ жили язычники, утѣшая себя только нѣкоторыми вещественными услугами ближнимъ, подъ именемъ любви.

Изъ всего этого видно, что это понятіе о христіанствѣ—одностороннее, ложное и въ нравственномъ отношеніи вредное. Въ немъ и его распространеніи въ нашемъ образованномъ обществѣ мы должны находить новое побужденіе къ основательному изученію божественнаго откровенія, его исторіи, законовъ и установленій „церкви Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію своею“ (Дѣян. 20, 28). Аминь.

¹⁾ Злат. о покаяніи 1, 3.

Государственное положеніе римско-католической церкви въ Россіи отъ Екатерины Великой до настоящаго времени.

(Продолженіе *)

Архіепископство въ Могилевѣ императрица Екатерина учредила своимъ указомъ отъ 1782 г. 17 января. „Мы, писала она, распространяя нынѣ попеченія наши о вѣрныхъ подданныхъ нашихъ римскаго исповѣданія, разсудили за благо учинить въ г. Могилевѣ архіепископство римскаго исповѣданія“¹⁾. Въ архіепископа былъ возведенъ Могилевскій же епископъ Стефанъ Сестренцевичъ. Аркетти особыми актами утвердилъ то и другое постановленіе императрицы. „По довольномъ освѣдомленіи, писалъ онъ въ одномъ актѣ“²⁾, подлинно усмотрѣли мы, что городъ Могилевъ въ Бѣлоруссіи сдѣлался недавно весьма пространнымъ и въ окружности его находятся многія католическія церкви и около 1500 католиковъ римскаго исповѣданія, такъ что по справедливости можетъ онъ назваться архіепископскимъ городомъ“. „Вслѣдствіе сего, писалъ онъ въ другомъ актѣ“³⁾, какъ въ сихъ странахъ обитающаго католическаго стада нужда требовала, рѣшились уполномочить въ духовныхъ дѣлахъ почтеннаго брата Станислава и опредѣлить его первымъ Могилевскимъ архіепископомъ“. Утвердивъ Сестренцевича въ архіепископскомъ достоинствѣ, Аркетти, согласно желанію императрицы и уполномоченію отъ папы, далъ ему палліумъ. Относи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г. № 17.

1) П. С. З. ХХІ, 15326.

2) Актъ объ учрежденіи архіепископства въ Могилевѣ. П. С. З. ХХІІ, 15982, стр. 113.

3) Актъ о возведеніи Сестренцевича въ архіеп. достоинство, *ibid.* стр. 119.

тельно епископскаго палліума нужно замѣтить, что онъ дается въ католической церкви не просто только въ качествѣ награды или отличія извѣстнаго епископа, а съ нимъ соединяются извѣстныя права въ епархіи. Епископы, не имѣющіе палліумовъ, не имѣютъ никакой юрисдикціи надъ своимъ духовенствомъ и всѣ дѣла должны представлять папѣ или его уполномоченному. Поэтому, палліумы даются непременно отъ самого папы и не составляютъ постоянной принадлежности ни лица, ни кафедръ: переходя на другую кафедру, епископъ, имѣющій палліумъ, лишался его и отъ папы зависитъ дать ему палліумъ вновь или оставить безъ палліума. Поэтому, и для Ст. Сестренцевича палліумъ имѣлъ важное значеніе. Правда, онъ стоялъ къ папѣ въ нѣсколько иномъ отношеніи, чѣмъ всѣ другіе католическіе епископы, и административныя права въ церкви онъ получилъ не отъ папы, а отъ русскаго правительства, такъ что *de facto* онъ пользовался ими и до полученія палліума. Палліумъ для него имѣлъ такое же значеніе, какъ и утвержденіе его въ архіепископскомъ званіи со стороны папы, т. е. онъ показывалъ, что всѣ судебныя полномочія его утверждаются самимъ папою.

Что же касается правъ и полномочій новаго архіепископа, то въ разсматриваемое время папскій нунцій утвердилъ за нимъ только власть рѣшать брачныя дѣла о разводѣ и власть надъ монахами. Всѣ дѣла о разводѣ, по установленію папы Климента XIV, должны были разбираться въ римской конгрегаціи. Но такъ какъ вслѣдствіе дальности разстоянія Бѣлоруссія отъ Рима, а также „ради крайней скудости“ (т. е. бѣдности) жителей ея не всегда удобно и возможно обращаться въ Римъ, то папа и предоставилъ право рѣшать дѣла такого рода Могилевскому архіепископу. Послѣдній долженъ рѣшать ихъ не своею властію и не по своему личному усмотрѣнію, а послѣ разсмотрѣнія дѣла въ особомъ назначенномъ для этой цѣли совѣтѣ. „Папа Пій VI подтвердилъ, дабы къ приговору о разводѣ браковъ, по каковой бы ни требовался причинѣ, вы, знаменитѣйшій и почтеннѣйшій господинъ, приступать не могли, если на то двухъ или трехъ богослововъ, апостолическимъ нунціусомъ въ королевствѣ Польскомъ обрѣтающимся, на два года изби-

раемыхъ, не будетъ мнѣнія и согласія“¹⁾. При этомъ нунцій еще напоминалъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ брачный разводъ, архіепископъ поступалъ весьма осмотрительно и по зрѣломъ обсужденіи вопроса²⁾. Что же касается власти Могилевскаго архіепископа надъ монахами своей епархіи, то она ему уже принадлежала фактически и была даже утверждена папою въ 1778 г., но только на 3 года. Въ данномъ случаѣ Аркетти, вслѣдствіе окончанія трехгодичнаго срока, снова подтвердилъ ее, причемъ уже не указалъ и срока для пользованія ею³⁾.

Утвержденіе за Сестренцевичемъ этихъ двухъ правъ было только какъ бы первымъ видимымъ проявленіемъ папскаго къ нему благоволенія. Екатерина осталась весьма довольна отношеніемъ папы къ Могилевскому архіепископу и въ благодарность къ нунцію просила папу удостоить его кардинальскаго званія, на что папа, конечно, согласился. Она послала еще князя Юсупова въ Римъ лично благодарить папу, но при этомъ не приминула воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы еще больше возвысить Могилевскаго архіепископа,—именно, она наказала Юсупову просить у папы кардинальство и для Сестренцевича. Папа показывалъ видъ, что онъ готовъ исполнить желаніе русской императрицы, но что установившаяся обычаями практика, относительно дарованія этого званія, удерживаетъ его. „Вы знаете, отвѣчалъ папа князю, что кардиналовъ мы производимъ въ странахъ, гдѣ государи исповѣдуютъ ка-

¹⁾ Грамота о власти рѣшать брачныя дѣла. П. С. З. XXII, 15982.

²⁾ Но получивъ право разрѣшать разводъ, могилев. архіепископъ не получилъ еще отъ папы права дозволить браки въ родствѣ, хотя со стороны рус. правительства это послѣднее право и было признано за нимъ. Въ нач. 1786 г. двое изъ дворянъ просили архіепископа разрѣшить бракъ одному на родной сестрѣ умершей его жены, а другому—умершей же жены на родной племянницѣ. Сестренцевичъ былъ въ затрудненіи и обратился съ запросомъ въ Сенатъ, можетъ ли онъ—архіепископъ снести по этому дѣлу съ папой. Сенатъ, припомнивъ всѣ распоряженія императрицы о правахъ Бѣлорусскаго епископа и объ отношеніи его къ папѣ, отвѣчалъ, что онъ не можетъ дозволить обратиться за разрѣшеніемъ даннаго вопроса къ папѣ и что пусть архіепископъ самъ рѣшитъ его согласно съ существующими узаконеніями относительно этого, въ случаѣ же сомнѣній обратится въ Сенатъ (П. С. З. XXII, 16333, п. 2). Со стороны же папы утвержденіе за архіепископомъ этого права послѣдовало послѣ въ томъ же году.

³⁾ Грамота о власти надъ монахами. П. С. З. XXII, 15982.

толическую вѣру.... Будьте, однако, увѣрены, что я всегда радъ доказать мое уваженіе къ ея величеству“. „Дѣло это требуетъ времени, сказалъ папа князю Юсупову въ другой разъ, мнѣ основательно нужно узнать объ образѣ мыслей архіепископа“¹⁾. Но такъ какъ образъ дѣйствій послѣдняго безъ разрѣшенія римскаго двора былъ не угоденъ папѣ, то онъ и отказалъ Сестренцевичу въ кардинальствѣ, оффиціально мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что онъ—Сестренцевичъ былъ рожденъ и жилъ до 23 лѣтъ своей жизни въ реформатствѣ.

Вмѣсто кардинальства архіепископъ Сестренцевичъ скоро (въ 1178 г.) получилъ отъ папы грамоту съ подробнымъ перечисленіемъ (въ 29 пунктахъ) всѣхъ его правъ, которыя, нужно сказать, были очень обширны и давались папою далеко не всякому епископу. Грамота эта, согласно существующему узаконенію, была чрезъ генераль-губернатора представлена въ Сенатъ. „По довольномъ и внимательномъ разсмотрѣніи“ ея послѣдній носелъ нужнымъ исключить только 21-й пунктъ, въ которомъ разрѣшалось архіепвскопу имѣть при себѣ и читать книги еретиковъ для опроверженія ихъ, но запрещалось это для всѣхъ другихъ. Сенатъ мотивировалъ свое опредѣленіе относительно исключенія этого пункта тѣмъ, что онъ „заключаетъ въ себѣ нѣкоторый видъ стѣсненія умовъ и родъ явнаго отвращенія къ другимъ исповѣданіямъ, каковое вводимое вновь изъ Рима положеніе не соотвѣтствовало бы разуму и намѣренію человеколюбивыхъ ея императорскаго величества узаконеній“²⁾. Всѣ остальные пункты грамоты сенатъ утвердилъ и повелѣлъ Сестренцевичу поступать согласно съ ними. Особенно важнымъ признанъ былъ 16-й пунктъ, въ которомъ папа уполномочивалъ архіепископа „прощать во всѣхъ случаяхъ, предоставленныхъ нѣкоторымъ образомъ апостольскому престолу“. „Посредствомъ сего, писалъ сенатъ, всякія впредь со стороны архіепископа Сестренцевича по частнымъ случаямъ переписки и связь съ Римомъ уменьшатся“³⁾. Главнѣйшія полномочія, предоставленныя Могилевскому архіепископу пап-

1) Толстой. Рим. кат. т. II, стр. 38—39.

2) П. С. З. XXII, 16521.

3) Ibid.

скою грамотою, были слѣдующія. Онъ могъ посвящать въ духовныя степени безъ предварительныхъ сношеній съ папой, даже, въ случаѣ недостатка въ достойныхъ кандидатахъ, имѣлъ право ставить во священники не достигшихъ на одинъ годъ совершеннаго возраста. Въ области брачной юрисдикціи ему давалось право разрѣшать браки въ 3-й и 4-й степеняхъ родства и свойства, въ духовномъ родствѣ кромѣ воспріемника и крещеннаго дозволять язычникамъ и невѣрнымъ, имѣющимъ многихъ женъ, по обращеніи въ католичество, оставлять только ту, которая вмѣстѣ съ нимъ приметъ крещеніе ¹⁾. Могилевскій архіепископъ, далѣе, могъ самъ освящать муро, при томъ по нуждѣ во всякое время, „кромѣ дня вечера Господней“. Ему давалась власть прощать впавшихъ въ ересь или расколъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ при видѣ ихъ раскаянія, особенно въ случаѣ смерти ихъ. Если настoitъ самая крайняя нужда, то какъ самъ онъ, такъ и священники, съ его разрѣшенія, могутъ совершать литургію дважды въ день—одну за часъ до восхожденія солнца, другую—пополудни; можетъ, далѣе, совершать литурію на открытомъ воздухѣ и подъ землею, безъ мощей святыхъ и въ присутствіи еретиковъ. Самъ онъ можетъ и другимъ дозволяетъ носить свѣтское платье, если почему либо нѣкоторыя мѣста, врученныя ихъ попеченію, нельзя было посѣщать въ своемъ собственномъ платьѣ. Всѣ эти полномочія, и нѣкоторыя другія, имѣвшія менѣе важное значеніе, должны были, по постановленію папы, принадлежать Сестренцевичу только въ теченіе 10 лѣтъ, послѣ которыхъ онъ долженъ снова испрашивать ихъ. Сенатъ выразилъ было желаніе, чтобы они были даны навсегда, но рѣшительнаго требованія папѣ отно-

¹⁾ Что же касается браковъ католиковъ съ исповѣдниками др. христіанскихъ вѣръ (правосл. и протест.), то объ этомъ ничего не говорилось ни въ перечисленіи правъ архіепископа, ни въ одномъ изъ постановленій императрицы. Относительно этого продолжало дѣйствовать постановленіе, сдѣланное при заключеніи вѣчнаго мира съ Польшей. Именно: браки между исповѣдниками всѣхъ христ. исповѣданій не должны быть запрещаемы, а дѣти отъ такого брака должны воспитываться—сыновья въ отцовской вѣрѣ, а дочери—материнской, „исключая договоръ для дворянства, если бы каковой чрезъ контрактъ брачный, предъ свадьбою заключенный, состояться имѣлъ“. Самый обрядъ бракосочетанія долженъ совершаться священникомъ той вѣры, къ которой принадлежитъ невѣста. (См. Трактатъ вѣчный между Россіей и Польшей. II. С. 3. XVIII, № 13071, п. 10).

сительно этого не предъявилъ и они остались въ такомъ видѣ.— Такимъ образомъ, императрица Екатерина, благодаря твердости своего намѣренія, возвысить авторитетъ римскаго католическаго епископа въ Могилевѣ, приобрѣла для него такое положеніе и права, какія другому епископу и въ другомъ государствѣ дать папа не легко согласился бы.

Съ возведеніемъ Сестренцевича въ архіепископа произошли нѣкоторыя перемѣны и въ самой оргинизаціи управленія подвѣдомственной ему церковію. Прежде всего, къ его кафедрѣ назначенъ былъ коадьюторъ (викарій). Назначеніе епископа коадьютора теперь требовалось отчасти болѣе высокимъ и почетнымъ положеніемъ Могилевскаго католическаго архипастыря, для отличія его отъ простаго епископа, отчасти же новыми полномочіями его, въ силу которыхъ онъ естественно нуждался въ помощникѣ при отправленіи своихъ многосложныхъ обязанностей. Распоряженіе императрицы о коадьюторѣ было утверждено Аркетти. Далѣе, при кафедрѣ Могилевской учрежденъ былъ канитулъ. Самъ Аркетти сознавалъ, что „достоинство архіепископскаго престола требуетъ, дабы при ономъ была канониковъ капитула“¹⁾. Такъ какъ это не противорѣчило и желаніямъ императрицы, то онъ тогда же и учредилъ его. По назначенію своему онъ долженъ быть постояннымъ совѣтомъ при архіепископѣ и потому находится всегда подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ; кромѣ того, члены канитула должны были участвовать при совершеніи архіепископомъ богослуженія. На первый разъ Аркетти предписалъ слѣдующія общія правила относительно состава капитула и главныхъ обязанностей его членовъ. Капитулъ долженъ состоять изъ 12 членовъ—4-хъ настоятелей и 8 канониковъ. Членами его могутъ быть только тѣ духовныя лица, которыя принадлежатъ къ знатымъ фамиліямъ „для славы Могилевской архіепископской капитулы“, какъ объяснялъ Аркетти это свое требованіе, и притомъ которые служатъ въ предѣлахъ бѣлорусской архіепископіи, чтобы имъ удобнѣе было, въ случаѣ нужды, собраться въ капитулъ. Исключеніе было сдѣлано только

1) Актъ объ учрежденіи архіепископства. II. С. З. XXII, 15982, стр. 114.

для Петербургской, Московской и Херсонской церквей, настоятелямъ которыхъ предоставлялось только почетное званіе канониковъ, но они могли совсѣмъ не являться даже на генеральныя засѣданія капитула. Четыре члена—два настоятеля и два каноника попеременно должны всегда находиться въ Могилевѣ. Однажды въ годъ должно быть генеральное собраніе капитула, въ которомъ, кромѣ дѣлъ епархіальнаго управленія, должны были обсуждаться вопросы о духовномъ воспитаніи юношества. Члены, не являющіеся на очередныя и генеральныя собранія, должны были подвергаться взысканію по усмотрѣнію архіепископа, послѣдній же, чтобы расположить ихъ къ болѣе усердному выполненію своихъ обязанностей, долженъ раздѣлять между ними сумму, собираемую съ жалованныхъ приходовъ. ¹⁾

Наконецъ, сообразно съ новымъ положеніемъ Могилевскаго католическаго епископа, высшее завѣдываніе дѣлами римско-католической церкви въ Россіи вмѣсто Юстиць—Коллегіи было передано Сенату. „Юстиць-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ въ дѣла, до римской церкви принадлежащія, вступаться вовсе запретить“,—такъ сказано было въ указѣ императрицы Екатерины объ учрежденіи архіепископства въ Могилевѣ. ²⁾ Въ Сенатъ теперь должны были поступать и апелляціи на судъ епископа или его консисторіи.—Относительно послѣдней было сдѣлано разъясненіе, что въ составъ ея могутъ входить только члены, въ россійскомъ подданствѣ родившіеся или утвердившіеся въ немъ продолжительнымъ пребываніемъ въ Россіи, но отнюдь не вновь прибывающіе изъ—за границы ³⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда суду ея будутъ подлежать не духовныя, а свѣтскія лица по духовнымъ дѣламъ, она должна призывать отъ гражданскаго правленія депутата для присутствія въ консисторіи по этому дѣлу ⁴⁾.

Таково было введенное императрицей Екатериной высшее административное устройство римско-католической церкви въ

¹⁾ Актъ объ учрежденіи капитула или собора Могилевскаго. II. С. З. XXII, 16982.

²⁾ II. С. З. XXI, 15326, п. 7.

³⁾ Ibid. п. 6.

⁴⁾ Ibid.

областяхъ, перешедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши въ 1773 году.

Но скоро русское государство еще расширило свою территорию на счетъ польскихъ владѣній. Въ 1793 году по второму раздѣлу Польши и 1795 г. по третьему къ Россіи были присоединены области Минская, Волынская, Подольская и Литовская съ г. Вильною. На долю Екатерины Великой выпала новая задача—заняться устройствомъ церковныхъ дѣлъ и въ этомъ краѣ. Но теперь она выполняла ее уже безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ могла идти по пути проложенному и испытанному.

Указанныя области, находясь подъ польскимъ владычествомъ, въ церковномъ отношеніи составляли четыре самостоятельныя епархіи—Виленскую, Каменецкую, Луцкую и Кіевскую. Съ переходомъ же ихъ подъ русское подданство отъ личнаго усмотрѣнія императрицы зависило—соединить эти епархіи подъ властію одного епископа, или же просто присоединить ихъ къ епархіи архіепископа моголевскаго, или же, наконецъ, оставить ихъ по прежнему въ вѣдѣніи особыхъ епископовъ. Имѣя въ виду возможно лучшее устройство церковныхъ дѣлъ, Екатерина рѣшила образовать изъ вновь присоединенныхъ областей три самостоятельныя епархіи съ назначеніемъ въ нихъ особыхъ епископовъ, и издала указы объ учрежденіи епархій Пинской, Летичевской и Инфляндской. Первая замѣняла прежнія епархіи Луцкую и Кіевскую и обнимала тогдашнія губерніи Минскую и Волынскую; вторая епархія учреждалась въ замѣнъ Каменецкой епархіи и заключала въ себѣ губерніи Подольскую, Брацлавскую и Вознесенскую, а третья епархія замѣнила прежнюю Виленскую и составила изъ губерніи Литовской и земли Жмудской или Самогитіи. Епископомъ Пинскимъ оставленъ былъ кіевскій епископъ Тетишевскій; за нимъ оставлены были всѣ имѣнія, принадлежащія его кафедрѣ, на доходы съ которыхъ онъ и долженъ былъ содержать себя съ консисторіей. Летичевскому епископу—Шераковскому назначено жалованье по 3 тыс. руб. въ годъ изъ казны (изъ доходовъ губерній, входящихъ въ его епархію), Инфляндскому епископу—Коссаковскому—по 4 тыс. руб. изъ того же источника (т. е.

изъ доходовъ губерній, своей епархіи). Всѣ эти три епископа были независимы не только другъ отъ друга, но и отъ могилевскаго архіепископа; по правамъ и власти въ своихъ епархіяхъ они были равны послѣднему. Въ вѣдѣніи ихъ должны были находиться всѣ католическія церкви и монастыри, имъ дано право имѣть консисторію, въ которую, при рѣшеніи духовныхъ дѣлъ свѣтскихъ лицъ, должны были приглашаться, по примѣру могилевской консисторіи, члены отъ губернскаго правленія. Всѣ апелляціи на рѣшеніе епископа или консисторіи должны поступать такъ же, какъ и въ могилевской епархіи, въ Сенатъ. Наконецъ, для нихъ было подтверждено запрещеніе признавать себя зависимыми отъ какой-либо власти, находящейся внѣ русскаго государства, и принимать папскія буллы и другія посланія римскихъ духовныхъ властей безъ предварительнаго разрѣшенія правительства ¹⁾.

Въ заключеніе обзора устройства епископскаго управленія въ западномъ краѣ, присоединенномъ по тремъ раздѣламъ Польши, нельзя не сказать нѣсколько словъ о присягѣ, какую давали епископы папѣ при своемъ посвященіи въ санъ. Текстъ ея былъ составленъ папскимъ нунціемъ Аркетти и утвержденъ русскимъ правительствомъ. „Я (имя) съ сего часа, такъ начиналась она, напредъ вѣренъ и послушенъ буду блаженному Петру апостолу и св. Римской церкви и Государю нашему папѣ (имя) и онаго преемникамъ, по законнымъ правиламъ вступающимъ во владѣніе“ ²⁾. Далѣе епископы давали обѣщаніе не быть ни словомъ, ни дѣломъ въ согласіи съ тѣми людьми, которые замышляютъ что-либо противъ папы, соблюдать, сохранять и распространять права, достоинства, преимущества и власть римской церкви и своего государя папы, лично посѣщать всѣ церкви своей епархіи каждые три года и доставлять папѣ отчетъ объ ихъ состояніи, принимать и исполнять „повелѣнія апостолическія“. Аркетти было включено въ формулу присяги еще обѣщаніе преслѣдовать схизматиковъ и всѣхъ отступниковъ отъ Христа и его помазанниковъ и не

¹⁾ П. С. З. XXIII, 17379 и 17380.

²⁾ Образецъ присяги архіепископовъ и епископовъ римск. исповѣд. П. С. З. XXII, 15982.

распоряжаться церковными имѣніями безъ воли папы. Но императрица потребовала, чтобы эти два пункта были исключены изъ присяги, а вмѣсто нихъ въ концѣ ея прибавлено: „сіе все и въ подробности тѣмъ ненарушимѣе соблюду, что удостовѣренъ я, что ничего въ ономъ такого не содержится, что бы присягѣ въ вѣрности моей законной верховной государынѣ, августѣйшей императрицѣ и императорскаго ея престола преемникамъ, мною учиненной, противно быть могло“. Если правительство Екатерины II не нашло нужнымъ внести другія измѣненія въ формулу присяги, то оно, стало быть, не находило въ ней ничего, противнаго своимъ намѣреніямъ и распоряженіямъ относительно предѣловъ папской власти въ русской католической церкви и не видѣло ничего оскорбительнаго для русскаго самодержавія въ наименованіи папы государемъ ¹⁾).

Такъ организовала императрица Екатерина II управленіе католическою церковію въ своемъ государствѣ. Эта церковь была поставлена ею въ такое положеніе, что она не представляла изъ себя замкнутаго въ себѣ института, имѣвшаго своего осо-

¹⁾ Но преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, называетъ присягу эту, по выраженному въ ней значенію папской власти въ церкви, „жалкимъ анахронизмомъ“ не только для нашего времени, но и для того, когда она была составлена, вслѣдствіе чего западные государства не только протестантскія, но и католическія давно уже измѣнили ее. „Въ этой присягѣ, говоритъ преосвященный, дающій ее присягаетъ панѣ, какъ государю, стало быть у него два государя—императоръ всероссійскій и папа римскій. Не существенная ли это контрадикція и въ словахъ и въ мысляхъ?“ „Папа, говоритъ онъ далѣе, долженъ трактоваться только какъ глава церкви, коему епископы обязаны повиноваться, а онъ трактуется, какъ государь свѣтскій, отношенія къ коему не совмѣстны съ отношеніемъ къ своему собственному государю“. Это замѣчаніе преосвященнаго Иннокентія будетъ дѣйствительно справедливо, если слово „государь“ понимать такъ, какъ онъ понимаетъ. Но это наименованіе, лат. Dominus, можетъ указывать и на духовную власть папы, или же быть просто почетнымъ титуломъ безъ всякаго особеннаго значенія. Въ которомъ нибудь изъ двухъ послѣднихъ смысловъ понимало это слово и русское правительство, когда въ титулѣ „государь“ не видѣло посягательства на самодержавныя права русскаго государя. Вслѣдствіе этого и переводъ лат. слова „Dominus“ словомъ „государь“, а не господинъ, могъ произойти не „отъ незнанія латинскаго языка въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ“, какъ думаетъ преосв. Иннокентій, а отъ отождествленія этихъ двухъ понятій. (См. „Три записки Иннокентія, архіеп. Херсонскаго и Таврическаго“. Рус. Архивъ 1867 г. стр. 1329—1341).

баго государя и не подчинявшася мѣстной государственной власти, какъ это было въ Польшѣ. Въ административномъ отношеніи она была сдѣлана совершенно независимою отъ папы. Епископы католическіе получили такія права въ своей епархіи, какихъ не имѣли они, находясь подъ польскимъ владычествомъ: имъ подчинены были не только церкви и бѣлое духовенство, но и монастыри всѣхъ орденовъ и все монашествующее духовенство. Зависимость монашескихъ орденовъ отъ своихъ генераловъ и право патронатства надъ церквами, господствовавшія при польскомъ правительствѣ, теперь отмѣнены были въ пользу епископовъ. Въ самое управленіе епархіальное внесено больше порядка и стройности. Лишнихъ епископовъ и ихъ коадьюторовъ, существовавшихъ прежде не по нуждѣ для пасомыхъ, а только для счета и блеска, теперь не стало. Оправдывать свою бездѣтельность отсутствіемъ дѣла сдѣлалось въ виду этого менѣе возможнымъ для епископовъ; вмѣшиваться въ гражданскія дѣла и чрезъ это оставлять въ небреженіи свои обязанности по управленію епархіею они также не могли. Собранія капитуловъ утратили свой прежній характеръ шумныхъ, беспорядочныхъ собраній; капитулъ не могъ уже идти противъ своего архіепископа и своимъ голосомъ препятствовать его благимъ начинаніямъ, потому что онъ не имѣлъ вліянія на избраніе архіепископа и самъ находился въ зависимости отъ него. Заискиваніе предъ свѣтскимъ правительствомъ, заботы о расширеніи своихъ земныхъ владѣній, барьба съ богатой аристократіей,—все это кануло въ вѣчность для католическихъ епископовъ и знатныхъ канониковъ. Отсюда вполне понятно, какъ высока была по своимъ достоинствамъ учрежденная императрицею Екатериною система управленія католическою церковію въ Россіи. Историки католичества въ Россіи (гр. Дм. Толстой, о. Морошкинъ, Самаринъ и др.) восторгаются плодомъ дѣятельности Екатерины и видятъ въ этомъ одно изъ доказательствъ глубокаго ума и широкой государственной мудрости этой императрицы ¹⁾.

¹⁾ Правда, мнѣніе высокопреосвященнаго Иннокентія и въ этомъ случаѣ расходится съ мнѣніемъ большинства. Онъ думаетъ, что учрежденіе Могилевской епархіи въ 1773 г. было совершенно напрасно и не нужно (см. вышеуказанныя три за-

Покончивъ съ вопросомъ объ организаціи управленія католическою церковію, слѣдуетъ перейти къ вопросу о положеніи при Екатеринѣ В. католическаго духовенства бѣлаго и монашествующаго.—О первомъ можно сказать очень немного. Бѣлое духовенство теперь не призывалось изъ—за границы, а рукополагалось въ предѣлахъ Россіи католическими епископами. Опредѣлять къ церквамъ епископы должны лицъ, родившихся въ русскомъ подданствѣ или жившихъ долгое время писки въ Рус. Архивѣ). „И десятилѣтній дипломатикъ, говоритъ зонъ, могъ легко предвидѣть, что въ слѣдъ за Бѣлоруссіей примкнуть къ Россіи прочія области русскія, еще оставшіяся подъ Польшею, а вмѣстѣ съ ними войдутъ подъ русскую державу и латинскіе епископы, въ нихъ находящіеся, отъ коихъ зависѣли бѣлорусскіе костелы“. Пусть бы учредили епископа, соглашается преосв. Иннокентій, но только одного, просимаго епископа, а не архіепископа съ двумя викаріями (?). „Зачѣмъ было такъ вдругъ возвышать латинство?“ Послѣ третьяго раздѣла Польши „не только (будто бы) не закрыто ни одной епископской кафедръ, но учреждена еще вновь Мниская“ (?), и вотъ „пала отыстия намъ за Польшу и взялъ назадъ себѣ то, что мы возвратили отъ нея“. Причины такого отношенія русскаго правительства времяъ Екатерины В. къ латинской церкви, по мнѣнію преосв. Иннокентія, заключались „въ самохвальствѣ и можно сказать въ оппозиціи нашей всей тогдашней Европѣ“, недружелюбно относившейся къ папѣ и католичеству. Въ возвышеніи католической церкви въ Западномъ краѣ онъ видитъ униженіе православія. Это мнѣніе преосв. Иннокентія оригинально, но едва ли съ нимъ можно согласиться послѣ того, что намъ уже извѣстно о тѣхъ мотивахъ, которые руководили дѣйствіями нашего правительства относительно западно-русскихъ католиковъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ не замѣтно было ни „самохвальства и оппозиціи тогдашней Европѣ“, ни желанія угодить папѣ и поднять католичество въ западномъ краѣ въ ущербъ православію, а просто они происходили изъ желанія внести возможно больше порядка и стройности въ управленіе и духовную жизнь новыхъ русскихъ подданныхъ. Въ Высочайшихъ указахъ относительно этого постоянно встрѣчаемъ такіа выраженія: «для спокойствія и добраго порядка между духовенствомъ римско-католическимъ за благо Мы разсудили»... (П. С. З. XIX, 14122), или: „распространяя попеченія наши о вѣрныхъ подданныхъ къ лучшему управленію дѣлъ разсудили за благо учинить“... (П. С. З. XXI, 15326) и т. д.—Нельзя думать, чтобы такимъ возвышеніемъ католичества въ юго-зап. краѣ унижалось православіе. Помимо всѣхъ распоряженій о строгихъ наказовъ, чтобы кат. духовенство не привлекало въ свою вѣру православныхъ подъ страхомъ строгаго наказанія (П. С. З. XIX, 13922, п. 7; XXIII, 17379, п. 8 и др.), наказавъ, показывавшихъ, что господствующая вѣра въ государствѣ православная, а не католическая, помимо этого, приняты были положительныя мѣры къ поднятію православія въ этомъ краѣ. «Православіе въ новоприсоединенной области, говоритъ о. Морозкинъ, не только было ограждено и защищено отъ всѣхъ враждебныхъ вліяній и давленій на него уніатства и латинства, но и получило силу развивать и распространять свое дѣйствіе на латинство, а особенно на уніатство. (Иезуиты... т. I, стр. 39). Православные

въ Россіи и ни въ какомъ случаѣ вновь прибывшихъ. ¹⁾ Духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ—за границы на время, назначать къ приходамъ запрещалось; тѣхъ изъ нихъ, которые уже занимали свои мѣста, повелѣно было отрѣшить ²⁾. На содержаніе приходскаго духовенства не было ассигновано никакой суммы отъ правительства; оно должно было жить доходами отъ земельныхъ владѣній, оставленныхъ за ними ³⁾ и на средства своихъ пасомыхъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ оно должно было находиться подъ вѣдѣніемъ своего епископа. Для удобства управленія было оставлено раздѣленіе приходовъ на деканаты (или благочивія), причемъ деканы избирались и назначались епархіальнымъ архіереемъ ⁴⁾.

Монашествующее духовенство больше обращало на себя вниманіе правительства. Латинское монашество въ новоприсоединенныхъ областяхъ было довольно многочисленно. По свидѣтельству Сестренцевича ⁵⁾, изъ 23 монашескихъ орденовъ, существующихъ въ латинской церкви, „развѣ немногіе“ не были въ Россіи. Кромѣ мужскихъ монастырей, было девять женскихъ. По донесенію ген.-губ. Чернышева, въ вѣдѣніи одного только Могилевскаго архіепископа было 24 монастыря. ⁶⁾ Если со-

храмы, по словамъ того же историка, по возможности принимали видъ благоустроенный, духовенство было выведено изъ униженнаго, нищенствующаго и невѣжественнаго состоянія, получило средства для матеріальнаго и умственнаго своего развитія.

На томъ основаніи, что записка, въ которой заключаются указанные мысли, найдена между черновыми бумагами преосв. Иннокентія и напечатана послѣ его смерти, можно сомнѣваться, чтобы выраженный въ ней мысли были постояннымъ и твердымъ убѣжденіемъ ея автора. Подтвержденіемъ этому можетъ служить и то, что она, кромѣ односторонности сужденій, заключаетъ въ себѣ грубыя историческія ошибки. Напримѣръ, въ ней говорится, что у Могилевскаго архіепископа было два викарія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ былъ только одинъ (два явилось послѣ), что чрезъ 5 лѣтъ послѣ Бѣлоруссіи присоединились къ Россіи новыя польскія провинціи, тогда какъ между этими двумя событіями прошло 11 лѣтъ, что, кромѣ существовавшихъ тогда епархій, учреждена новал—Минская, тогда какъ всѣхъ епархій было только четыре (вмѣсто прежнихъ семи), и т. д.

¹⁾ П. С. З. XXI, 15326, п. 8.

²⁾ П. С. З. XXI, 15876.

³⁾ П. С. З. XIX, 14042, п. 5.

⁴⁾ П. С. З. XXV, 18504, ст. 6.

⁵⁾ «Изображеніе происшествій»... Рус. Архивъ 1870 г. стр. 1750—1751.

⁶⁾ П. С. З. XX, 14287.

поставить это количество монастырей съ числомъ приходскихъ церквей въ той же епархіи, то окажется, что монастырей тамъ было больше, чѣмъ церквей (церквей было 21). Само собой разумѣется, что и духовенство монашествующее превосходило своею численностію бѣлое приходское духовенство. Уже это одно ненормальное явленіе, невозможное въ православной церкви, бросалось въ глаза правительству. Но помимо этого, подъ польскимъ владычествомъ латинское монашество, какъ намъ извѣстно, значительно пало въ нравственномъ отношеніи. Все это и было причиною того, что русское правительство приняло свои мѣры къ преобразованію католическаго монашества.

Переустройство монашескихъ орденовъ Екатерина начала съ того, что уничтожила ихъ самоуправленіе. Въмѣсто орденскихъ генераловъ, которые были верховными и безконтрольными распорядителями своего ордена, высшая власть надъ ними была передана епархіальному архіерею. Планъ такой организаціи управленія монашескими орденами созрѣлъ въ умѣ императрицы еще прежде, чѣмъ былъ назначенъ католическій епископъ. Имепно, въ указѣ отъ 1772 г., Екатерина писала, что „епископъ скоро будетъ и ему она поручитъ всѣ латинскія церкви и монастыри Имперіи“¹⁾. Въ 1780 г. изданъ былъ спеціальныи указъ о власти могилевскаго епископа надъ всѣми католическими монастырями въ Россіи²⁾. При учрежденіи новыхъ кафедръ въ 1795 г. епископы ихъ также получили въ свое распоряженіе всѣ монастыри. „Всѣ монашескіе ордена, сказано было въ указѣ, имѣютъ единственно зависѣть отъ епархіальныхъ своихъ епископовъ“³⁾. Какую цѣль преслѣдовало правительство при установленіи этого новаго порядка въ управленіи монашескими орденами, понять не трудно. Подчиненіе ихъ единой верховной духовной власти въ Россіи, близость этой власти къ монахамъ, безпристрастный надзоръ съ ея стороны за ихъ жизнию,—все это вело къ упорядоченію ихъ поведенія, къ поднятію нравственнаго уровня монашескихъ орденовъ, къ урегулированію ихъ отношеній къ православнымъ. Но русское правительство вышеуказанными

1) П. С. З. XIX, 13922, п. 3.

2) П. С. З. XX, 14966.

3) П. С. З. XXIII, 17379, п. 7.

распоряженіями достигало и другія не менѣ важныя для себя цѣли. Дѣло въ томъ, что генералы почти всѣхъ монашескихъ орденовъ, находившихся въ Россіи, жили внѣ предѣловъ русскаго государства, и, слѣдовательно, если бы русскіе монашескіе ордена были оставлены въ ихъ вѣдѣніи, то въ предѣлахъ Россіи стали бы дѣйствовать распоряженія чуждой власти. Строго оберегая свои права въ предѣлахъ своего государства и не дозволяя иностранной власти вмѣшиваться во свои распоряженія во всѣхъ другихъ случаяхъ, русское правительство не могло, конечно, не устранить ея вліянія и въ данномъ случаѣ. Посему то, подчиняя всѣхъ монаховъ епархіальнымъ епископамъ, правительство въ своихъ указахъ разъясняло, чтобы они, завися отъ епископовъ, „не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой-либо духовной власти, внѣ имперіи нашей пребывающей, высылать имъ доходы или же имѣть къ нимъ какое-либо отношеніе подъ опасеніемъ мірскаго суда за преступленіе въ неисполненіи указовъ верховной власти“¹⁾.

Уничтоженіе власти генераловъ надъ монашескими орденами и подчиненіе ихъ епископамъ было самою важною перемѣною въ ихъ положеніи. Во всемъ остальномъ монахи и монастыри сохранили за собой почти все, что имѣли раньше. Въ 1774 г. жалованною грамотою бѣлорусской католической епархіи за всѣми монашескими орденами оставались принадлежащія имъ монастыри, школы, а также движимое и недвижимое имущество, причемъ на епископа возлагалась обязанность слѣдовать, чтобы „такое торжественное обнадеживаніе въ разсужденіи всѣхъ орденовъ католическихъ твердымъ и непоколебимымъ на вѣчныя времена оставалось“²⁾. Это распоряженіе, само собой разумѣется, не простиралось на тѣ монашескіе ордена, которые не хотѣли переходить въ русское подданство. Земельныя владѣнія этихъ послѣднихъ, а также тѣхъ монастырей, которые оставались внѣ русскихъ предѣловъ, поступали въ казенное управленіе³⁾. Но оставляя за латинскими монастырями ихъ земельныя владѣнія, русское правительство не дозво-

1) П. С. З. XXI, 15326, п. 11; также XXIII, 17379, п. 7.

2) П. С. З. XIX, 14122.

3) П. С. З. XIX, 13808, п. 19.

ляло имъ пріобрѣтать вновь таковыя. Впрочемъ, на первыхъ порахъ такого постановленія не было; оно появилось уже въ 1786 г., когда представился случай, вызвавшій недоумѣніе со стороны архіепископа, который и обратился за разрѣшеніемъ его къ правительству. Вдова Минскаго воеводы графа Гильзена хотѣла закрѣпить въ вѣчное владѣніе за построенными ею монастырями пожертвованныя имъ деревни. Сенатъ, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе этого дѣла, разсмотрѣлъ всѣ данныя за и противъ права монастырей пріобрѣтать земельныя владѣнія. По литовскому статуту, какъ справлялся Сенатъ, Шляхетству было дозволено записывать свои владѣнія на церкви и монастыри, точно также и по конституціи 1635 г., но по конституціи 1669 г. это право шляхты отмѣнено, а въ 1726 г. „духовнымъ особамъ пріобрѣтать земельную собственность прямо запрещено. Основываясь на этихъ постановленіяхъ польскихъ сеймовъ, согласныхъ и съ намѣреніями русскаго правительства, а тѣже на томъ, что, по присоединеніи бѣлорусскаго края къ Россіи, въ Высочайшемъ наказѣ губернаторамъ было предписано только оставить за монастырями ихъ прежнія владѣнія, а о пріобрѣтеній новыхъ умолчано,—основываясь на этомъ, Сенатъ отвѣчалъ Могилевскому архіепископу, что „на отдачу деревень ксендзамъ и кляштору въ вѣчное ихъ владѣніе и распоряженіе и на содержаніе ихъ крѣпости Сенатъ позволенія дать не можетъ“¹⁾. Впрочемъ, этимъ указомъ не запрещалось дѣлать денежные вклады въ монастыри и церкви.—Но и этотъ указъ не предрѣшалъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ затрудненій. Въ 1788 году архіепископъ долженъ былъ спрашивать Сенатъ, простирается ли сдѣланное запрещеніе относительно пріобрѣтенія земельныхъ владѣній „духовными особами“ на епископовъ и бѣлыхъ священниковъ, причемъ со своей стороны прибавлялъ, что въ Польшѣ эти послѣднія духовныя лица правомъ владѣнія и пріобрѣтенія земель пользуются. Сенатъ, принявъ во вниманіе польское постановленіе отъ 1726 г., по которому запрещается пріобрѣтать имѣнія только духовнымъ об-

¹⁾ П. С. З. XXII, 16333, II. 1.

ществамъ, какъ то: монастырямъ и монахамъ разныхъ орденовъ, разъяснилъ постановленіе 1786 года въ томъ смыслѣ, что оно простирается только „на общества и на людей духовнаго званія, т. е. монашествующихъ, яко отрекшихся уже отъ всѣхъ мірскихъ правъ, не касаясь лично тѣхъ, кои къ симъ монашествующимъ обществамъ не принадлежатъ, и происхожденіе свое ведутъ отъ дворянства, каковыя бывають епископы, каноники и другіе бѣльцы“. Эти послѣдніе могутъ пріобрѣтать земельныя владѣнія, потому что, какъ объяснялъ сенатъ, по смерти ихъ они „не идутъ къ духовнымъ обществамъ, а достаются во владѣніе законнымъ наслѣдникамъ“¹⁾.

Оставляя земельныя владѣнія въ пользованіи католическихъ монастырей и церквей, правительство все-таки смотрѣло на нихъ, какъ на свою собственность и дѣлало распоряженія о томъ, чтобы они не были раззоряемы со стороны своихъ владѣтелей, не были употребляемы ими, какъ собственность въ уплату личныхъ долговъ и проч. Въ 1796 г. кн. Рѣпинъ, генераль-губернаторъ западнаго края, издалъ спеціальное предписаніе по этому предмету, въ которомъ духовнымъ лицамъ напоминалъ, чтобы они свои имѣнія, принадлежащія имъ только временно, пока они находятся при мѣстахъ, не разоряли „яко не ихъ, а государственныя, церкви Божіей принадлежащія“²⁾.

Такъ опредѣлило правительство внѣшнее положеніе монастырей и монашескихъ орденовъ и обезпечило ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Въ благодарность за свою заботливость русское правительство желало видѣть въ католическихъ монахахъ не праздныхъ тунеядцевъ, а усердныхъ работниковъ на пользу пріютившаго ихъ государства и общества. Могилевскому архіепископу и прочимъ епископамъ поставлялось въ обязанность прислать обстоятельную вѣдомость о монастыряхъ своихъ епархій, съ обозначеніемъ, какіе изъ нихъ занимаются богоугодными и полезными обществу дѣлами, какъ то—просвѣщеніемъ юношества, благотворительностію, служеніемъ немощнымъ и т. д., и какіе живутъ въ праздности, „въ тягость

1) П. С. З. XXII, 16616.

2) Толстой, т. II, стр. 46, примѣч. Заимствовано изъ дѣлъ Тельнеевской рим.-кат. дух. консисторіи.

міру“,—„дабы мы, прибавлялось въ указѣ, въ славу Божию и на пользу общества могли о всемъ томъ учредить лучшимъ по возможности образомъ“¹⁾). Монастырямъ поставлялось въ обязанность не только у себя основывать школы, но и доставлять матеріальныя средства для содержанія епархіальныхъ семинарій²⁾). Что же касается до закрытія монастырей излишнихъ и ненужныхъ, то оно едва ли примѣнялось на дѣлѣ въ царствованіе Екатерины. Отвѣты на запросы императрицы, приносятъ ли монастыри какую нибудь пользу обществу и нѣтъ ли между ними праздныхъ, должно быть всегда носили благопріятный для нихъ характеръ, вслѣдствіе чего правительство дальше запросовъ и не шло. Извѣстно только, что Екатерина закрыла до 145 базилианскихъ (уніатскихъ) монастырей, почти совершенно олатынившихся и занимавшихся усердною пропагандою среди православныхъ уніи и латинства³⁾).

Изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, постушившихъ подъ русское подданство съ присоединеніемъ западнаго края, первое мѣсто по многочисленности, значенію для края и богатству занималъ іезуитскій орденъ. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ, успѣлъ твердо укрѣпиться, увеличить число своихъ членовъ и обогатить себя земельными владѣніями. Въ одной только Бѣлоруссіи было около 200 іезуитовъ, гдѣ они имѣли шесть коллегій, нѣсколько миссій и резиденцій; во всей же Литовской провинціи считалось до 1077 іезуитовъ, изъ которыхъ 475 были священниками⁴⁾). И все это множество іезуитовъ и ихъ учрежденій разнаго рода, съ присоединеніемъ Польши, переходило подъ русское подданство!... Между тѣмъ въ Россіи еще съ Петра Великаго дѣйствовалъ законъ, запрещающій іезуитамъ пребываніе въ предѣлахъ государства⁵⁾). Мудрой Екатериной ничего не стоило выдти изъ представившагося затрудненія. Она во имя Петровскаго указа не сочла возможнымъ прекра-

1) П. С. З. XXI, 15326, п. 12; XXIII, 17380, п. 7.

2) Толстой, т. II, стр. 12.

3) Морозкинъ, т. I, стр. 253.

4) Ibid. стр. 53—54.

5) П. С. З. V, 3356.

тить существованіе іезуитскаго ордена, многочисленнѣйшаго изъ всѣхъ латинскихъ орденовъ въ Польшѣ. Уничтоженіе его помимо того, что повело бы ко многимъ не легко устранимымъ беспорядкомъ въ церковной жизни католическаго общества, что было всегда противно желаніямъ императрицы, помимо этого оно было не согласно и съ общепринятымъ образомъ отношеній ея къ католической церкви въ западномъ краѣ. Характеръ этихъ отношеній былъ тотъ, чтобы оставлять все въ прежнемъ видѣ, поскольку это не сопровождалось вредомъ для православной вѣры и государства, и все вредное въ немъ по возможности не уничтожать, а только обезвреживать. Согласно съ этимъ—то образомъ дѣйствій, а не съ закономъ Петра, и поступила Екатерина въ отношеніи къ іезуитамъ. Она оставила ихъ въ своемъ государствѣ, но, такъ сказать, приставила къ нимъ стражу, или, по мѣткому выраженію о. Морошкина, „оставила змѣю, но прежде выдернула у нея жало“.—Дѣйствительно, тотчасъ же, по переходѣ въ русское подданство, іезуиты поступили подъ особый надзоръ правительственной власти. Въ наказѣ губернаторамъ бывшихъ польскихъ областей императрица предписывала: „іезуитскимъ монастырямъ, школамъ и училищамъ сдѣлайте особую перепись. Вы за сими наипаче недреманно смотрѣть имѣете, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ, ибо у нихъ безъ согласія начальниковъ подчиненные ничего предпринять не могутъ“¹⁾. Іезуиты, такимъ образомъ, представлялись опасными съ одной стороны потому, что были коварнѣйшими изъ людей, а съ другой—что находились въ тѣсной связи съ своимъ генераломъ и ничего не дѣлали безъ его повелѣнія. Последнее опасеніе, какъ видно, не пропало у императрицы даже и тогда, когда она іезуитовъ, наравнѣ съ другими монашескими орденами, подчинила епархіальному архіерею.

Іезуиты, конечно, хорошо понимали свое положеніе подъ новымъ правительствомъ, и не могли не знать, что вообще политика его въ отношеніи къ нимъ не особенно для нихъ благоприятна. Вѣроятно, руководясь этимъ сознаніемъ, съ цѣлію заручиться хорошей репутаціей въ глазахъ новаго прави-

¹⁾ П. С. З. XIX, 13808, п. 19.

тельства и чрезъ то улучшить свое внѣшнее положеніе въ государствѣ, они спѣшатъ угодить правительству точнымъ исполненіемъ всѣхъ его предписаній, издаваемыхъ для новыхъ подданныхъ, и побужденіемъ къ тому же послѣднихъ. Въ 1772 г. было объявлено жителямъ Бѣлоруссіи, что они становятся подданными Россіи и обязуются немедленно принести присягу въ вѣрности новой государынѣ, причемъ о духовенствѣ латинскомъ прибавлено: „оно долженствуетъ подать собою, яко пастыри духовные, первый въ учиненіи присяги примѣръ“¹⁾. Когда же духовенство на самомъ дѣлѣ не только не подавало примѣра въ этомъ дѣлѣ, но подъ разными предлогами само уклонялось и народъ отклоняло отъ присяги, то іезуиты и нашли этотъ моментъ самымъ удобнымъ для того, чтобы заявить о себѣ предъ лицомъ императрицы съ хорошей стороны. Въ то время, когда оппозиція духовенства увлекла за собой простой народъ и угрожала волненіемъ и смутами, они вдругъ первые присягаютъ на вѣрность русскому правительству и отправляютъ въ своемъ костелѣ молебствіе о здравіи царицы и наслѣдника. Кромѣ этого, въ день тезоименитства императрицы (24 нояб.) они торжественно совершаютъ литургію и произносятъ двѣ проповѣди, въ которыхъ восхвалялись ея достоинства. Въ заключеніе всего провинціалъ литовской и іезуитской провинціи Черневичъ отправляется въ Петербургъ для принесенія присяги даже отъ имени заграничныхъ членовъ своего общества. Іезуиты не ошиблись въ своемъ расчетѣ,—этими своими дѣйствіями они очень много содѣйствовали ослабленію того предубѣжденія противъ своего общества, которое сдѣлалось какъ бы историческимъ наслѣдствомъ въ русской политикѣ. Сама императрица, называвшая ихъ „коварнѣйшимъ орденомъ“, теперь перемѣнила свой взглядъ на нихъ. Генералъ-губернаторъ западнаго края Чернышевъ, проживавшій почти все время въ Петербургѣ, благодарный іезуитамъ за успокоеніе народа во ввѣренномъ ему краѣ, встрѣтилъ Черневича съ распростертыми объятіями. Такимъ образомъ, іезуиты заручились милостями новаго правительства. Теперь они могли быть спокойны за свою будущность, и висѣвшая надъ ними

¹⁾ Ц. С. З. XIX, 13850.

гроза, признаки которой уже ясно обнаруживались, для нихъ была не особенно страшна.

Въ 1773 году 21 Июля издана была папою Климентомъ XIV, по настоянію многихъ европейскихъ дворовъ, булла „Dominus ac Redemptor“, которою іезуитскій орденъ подвергался уничтоженію. Іезуитское общество, какъ церковный институтъ, по смыслу этой буллы, упразднялся повсемѣстно; всѣ его уставы отмѣнялись, пріемъ новыхъ членовъ прекращался, а всѣ прежніе должны были выдти изъ общества, причемъ непосвященные въ іерейскій санъ освобождались отъ данныхъ монашескихъ обѣтовъ и увольнялись для избранія рода жизни, получившимъ же священство предоставлялось на выборъ—вступать въ другой орденъ или въ ряды бѣлаго духовенства. Въ заключеніе папа приглашалъ всѣхъ христіанскихъ государей употребить свою власть для исполненія его распоряженія. Булла, содержащая въ себѣ смертный приговоръ іезуитскому ордену, была разослана по всѣмъ государствамъ. Папскій нунцій въ Варшавѣ, объявивъ ее въ своей епархіи, прислалъ ее для этой же цѣли и Ст. Сестренцевичу. Послѣдній, не имѣя права обнародовать ее, безъ утвержденія правительства, отправился съ нею въ Петербургъ.—Іезуиты желали во что бы то ни стало продлить существованіе своего ордена и подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ не подчиниться папскому распоряженію. Защита русскаго правительства, которое уже успѣло въ это время проявить свою самостоятельность въ отношеніи къ папѣ и на защиту котораго они имѣли основаніе надѣяться, потому что уже принесли ему извѣстную долю пользы, была, по ихъ представленію, единственнымъ средствомъ спасти себя и въ тоже время не обезусловить себя открытою измѣною своему первосвященнику. Поэтому провинціалъ Черневичъ, узнавъ о полученіи Сестренцевичемъ папскаго декрета, самъ поспѣшилъ съ товарищами въ Петербургъ и прибылъ туда раньше архіепископа. Переговоривъ со своими придворными покровителями, представители іезуитскаго общества рѣшились, повидимому, на очень странный и непонятный шагъ—подали императрицѣ прошеніе о дозволеніи имъ подчиняться папской волѣ. „Мы благодаримъ ваше величество, писали они, за то, что можемъ публично исповѣдывать римско-католическую

вѣру въ вашей славной имперіи.... Это-то самое и даетъ смѣлость мнѣ и всѣмъ іезуитамъ—вѣрнымъ подданнымъ вашего величества—повергнуться ницъ предъ августѣйшимъ престоломъ и умолять всѣмъ священнымъ ваше величество дозволить намъ публично и безпрекословно покориться той власти, которой представителемъ служить римскій первосвященникъ и исполнить тѣ предписанія, которыя даны папою касательно уничтоженія нашего общества. Таковы чувства и прошенія всѣхъ іезуитовъ и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности“¹⁾. Неискренность этого іезуитскаго прошенія очевидна. Если бы іезуиты пожелали исполнить волю папы, то зачѣмъ имъ было волноваться и спѣшить въ Петербургъ.—Сестренцевичъ, отправившійся туда за санкціей правительства на папскую буллу, возвѣстилъ бы имъ о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства относительно ихъ ордена, каковыя намѣренія едва ли бы были противны папской буллѣ, и іезуитамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ спокойно ожидать окончательнаго рѣшенія своей участи и приготовляться къ своей смерти, какъ ордену. Если, далѣе, они имѣли искреннее намѣреніе подчиниться папскому декрету, то они могли бы сдѣлать это и безъ разрѣшенія свѣтскаго правительства, потому что папа въ данномъ случаѣ не требовалъ отъ нихъ ничего такого, что бы стояло въ противорѣчій съ русскими гражданскими законами. Наконецъ, еслибы у іезуитовъ было искреннее желаніе послушаться папы, то они могли бы для этой цѣли оставить Россію, какъ и сдѣлали нѣкоторые изъ бѣлорусскихъ іезуитовъ, —власть папы надъ ихъ орденомъ, какъ духовнымъ обществомъ въ церкви, во всякомъ случаѣ для нихъ должна была быть гораздо выше и священнѣе, чѣмъ власть императрицы, признаваемой ими по вѣрѣ схизматичной. Нѣтъ,—сами іезуиты всѣмъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ правительству доказали, что искренняго желанія покончить свое существованіе у нихъ не было, и, стало быть, прошеніе о дозволеніи подчиниться волѣ папы имѣло совершенно другую цѣль. Этимъ прошеніемъ они хотѣли оправдать свое неповиновеніе главѣ католической церкви, сдѣлать извѣстнымъ всему католическому

1) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, т. I, стр. 78—79.

міру, что они рѣшились на него не добровольно, а по принужденію своей гражданской власти, и что на самомъ дѣлѣ всѣ ихъ желанія были противъ нарушенія папскаго постановленія. Сама Екатерина понимала дѣйствительный смыслъ іезуитскаго прошенія, и получивъ его, „не могла, по выраженію Самарина, утаить въ себѣ ироніи“ ¹⁾. Она отвѣтила просителямъ: „Вы обязаны послушаніемъ папѣ въ дѣлѣ догматовъ, а во всемъ остальномъ вашимъ государямъ. Я вижу, что вы совѣстливы. Впрочемъ, для успокоенія вашего я спшусь съ варшавскимъ нунціемъ чрезъ моего повѣреннаго“ ²⁾. Чернышевъ же къ этому присоединилъ свое мнѣніе, что „папа, который католичнѣе католическихъ государей, не безъ удовольствія будетъ смотрѣть на существованіе іезуитовъ въ Бѣлоруссіи“ ³⁾.

Итакъ, императрица Екатерина, сохранившая за собой право разсматривать папскія буллы и не давать хода тѣмъ изъ нихъ, которыя не согласны были съ ея желаніями, и въ дѣлѣ іезуитовъ не нашла нужнымъ принять и обнародовать папское посланіе объ уничтоженіи ихъ ордена и утвердила его существованіе въ предѣлахъ своего государства. Свое распоряженіе относительно этого она дала устно Сестренцевичу чрезъ Чернышева, покровителя іезуитовъ.—Въ то время, какъ самъ глава католической церкви уничтожилъ этотъ вредный во многихъ отношеніяхъ орденъ и когда во всѣхъ католическихъ странахъ охотно согласились съ волею духовнаго владыки, православная царица поддерживаеъ въ своемъ царствѣ его существованіе, даетъ у себя пріютъ исконнымъ врагамъ православія, изгнаннымъ со своей родины. „Не знаешь, чему тутъ болѣе удивляться, говоритъ по этому поводу графъ Д. Толстой, явному ли ослушанію ордена, не повиновавшагося папѣ, котораго онъ называлъ себя вѣрнѣйшимъ слугою, или покровительству, оказанному ему образованнѣйшею монархиней своего времени“ ⁴⁾. Насколько историки восхваляютъ Екатерину за введенную ею организацію управленія католи-

¹⁾ Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, Самарина, стр. 251.

²⁾ Ibid.

³⁾ Морошкинъ, т. I, стр. 82.

⁴⁾ Рым. кат. въ Россіи, т. II, стр. 17.

ческой церковію въ Россіи, настолько же не одобрительно отзываются о ея покровительствѣ іезуитамъ. Графъ Толстой говорить, на примѣръ, что „оставленіе въ Россіи іезуитовъ было важною государственною ошибкою“¹⁾. Точно также смотритъ на это дѣло и о. Морошкинъ, хотя онъ лично Екатерину и оправдываетъ, такъ какъ она была, по его мнѣнію, введена въ заблужденіе „махинаціями“ іезуитовъ. Ю. Ѡ. Самаринъ также не рѣшается одобрять поступокъ императрицы, хотя это и не мѣшаетъ ему смотрѣть на оставленіе іезуитовъ, какъ на актъ государственной мудрости. „Екатерина надѣялась, говоритъ онъ, подчинить себѣ іезуитовъ, какъ орудіе, наиболѣе пригодное для ея цѣлей, и увѣрена была, что въ ея рукахъ это орудіе останется безвреднымъ и покорнымъ ея волѣ. На то она и была мудрая“²⁾.—Дѣйствительно, всякій, кому дороги интересы православія и русской народности, не можетъ одобритъ дѣйствій русскаго правительства относительно іезуитовъ въ то время, когда во всѣхъ другихъ государствахъ были приняты мѣры къ уничтоженію этихъ вредныхъ людей. Россія тогда пригрѣла ядовитую змѣю на своей груди, оставила въ своихъ нѣдрахъ злѣйшихъ враговъ православія, которые не постыдились потомъ наносить вредъ своей благодѣтельницацѣ утвержденіемъ уніи и совращеніемъ въ нее православныхъ.

Но въ то же время строго осуждать императрицу Екатерину за ея благосклонное отношеніе къ іезуитскому ордену нельзя. Сужденіе о ея поступкѣ Ю. Ѡ. Самарина, кажется, самое справедливое. Екатерина В. имѣла достаточныя разумныя основанія для того, чтобы покровительствовать іезуитамъ. Она видѣла въ нихъ своихъ покорныхъ слугъ, водворителей общественной тишины и порядка и, наконецъ, незамѣнимыхъ учителей. Мы уже знаемъ, какую услугу русскому правительству оказали они во время присоединенія Бѣлоруссіи, предотвративъ возможность широкаго и пагубнаго возмущенія со стороны католическаго населенія. Если принять во вниманіе тѣ трудныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія въ то время,—именно: войну съ турками, появленіе самозванца, взволновавшаго все Поволожье,—то услуга іезуитовъ станетъ еще

¹⁾ Ibid. стр. 18.

²⁾ Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, стр. 247.

дороже въ глазахъ правительства. Могла ли императрица не отблагодарить іезуитовъ милостію въ критическія минуты ихъ существованія?—Но этого мало. Екатерина смотрѣла на нихъ, какъ на опытныхъ и незамѣнимыхъ педагоговъ. По поводу учрежденія іезуитскаго новиціата, она писала: „булла папы Климента XIV о іезуитахъ не была опубликована въ имперіи нашей и общество сохранено въ неприкосновенной цѣлости, яко полезное и удобнѣйшее для воспитанія тамошняго юношества, въ чемъ никто замѣнить ихъ еще не могъ“¹⁾. Наконецъ, оставляя у себя іезуитовъ, императрица надѣялась найти въ лицѣ ихъ ревностныхъ защитниковъ своихъ мѣръ относительно устройства католической церкви въ Бѣлоруссіи.—Дѣло объ уничтоженіи іезуитскаго общества началось задолго до 1773 года. Во все это время іезуиты внимательно слѣдили за развитіемъ его и предвидя опасность, въ порывѣ увлеченія ненавистію ко всѣмъ участникамъ его, наговорили очень много оскорбительнаго и для папской власти. Они, напр., въ своихъ письмахъ, публикуемыхъ въ газетахъ, доказывали, что соборъ епископовъ выше папы, что не всѣ распоряженія его обязательны для вѣрующихъ католиковъ, что свѣтскія власти имѣютъ законное основаніе не выполнять невыгодныхъ для себя его предписаній, что обиженные папскимъ судомъ могутъ искать защиты у государей и проч. Вообще іезуиты, предвидя свою гибель отъ папы, изъ преданныхъ ему слугъ готовы были превратиться въ злѣйшихъ враговъ. Екатерина, умѣвшая выбрать себѣ сотрудниковъ и хорошо знавшая характеръ іезуитовъ, не безъ основанія рассчитывала на ихъ защиту въ томъ случаѣ, когда ей придется встать въ столкновеніе съ главою католическаго міра въ вопросѣ объ устройствѣ бѣлорусской католической церкви. И она, дѣйствительно, не ошиблась въ своихъ расчетахъ. Въ то время, какъ папа и вѣрное ему польское духовенство въ самомъ же началѣ церковныхъ реформъ проповѣдывали во всеуслышаніе, что католичество въ Бѣлоруссіи утратило свою чистоту и обратилось въ схизму вслѣдствіе того, что подчинилось несогласнымъ съ церковными кононами рас-

¹⁾ „Письмо имп. Екатерины II къ гр. Штакельбергу“. Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. I, стр. 488--489.

пораженіямъ схизматической императрицы,—когда, такимъ образомъ, новоприсоединенному краю угрожала опасность религіознаго возмущенія противъ новаго правительства, тогда являюся на помощь послѣднему іезуиты, уже доказавшіе свой авторитетъ и вліяніе на толпу при первоначальномъ принесеніи присяги, и провозглашаютъ, что русская императрица не только не извращаетъ католичества, а напротивъ утверждаетъ его, что самъ папа отступилъ отъ чистоты католичества, уничтоживъ іезуитскій орденъ, это украшеніе католической церкви, а Екатерина послана самимъ Богомъ для поддержанія его въ прежней чистотѣ и неповрежденности. Понятно, что такіа рѣчи успокоивали истинныхъ католиковъ относительно своей вѣры. Папа же съ кардиналами, испугавшись теорій, проповѣдуемыхъ бѣлорусскими іезуитами, сочли за лучшее оставить ихъ въ покоѣ, не раздражать ихъ еще болѣе, а Екатерину предоставить ея собственнымъ намѣреніямъ и планамъ касательно организациі латинской церкви въ ея государствѣ. А Екатеринѣ это и было нужно,—при помощи іезуитовъ она восторжествовала надъ папой. Все это, намъ кажется, достаточно оправдываетъ императрицу Екатерину въ ея отношеніяхъ къ іезуитскому ордену, хотя и не слагаетъ съ нея совершенно вины въ дозволеніи продолжать существованіе ордену, запятнавшему себя незаконными и безнравственными дѣйствіями ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ объ оставленіи іезуитскаго ордена въ Россіи занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи отношеній рус. правительства къ католичеству и потому очень естественно, что всѣ историки удѣляютъ ему очень много вниманія. Каждый изъ нихъ старается объяснить поступокъ императрицы своимъ собственнымъ соображеніемъ, критикуя соображенія другихъ. Всѣ главные мнѣнія по этому вопросу можно свести къ уже указаннымъ тремъ. Именно, гр. Толстой думаетъ, что Екатерина оставила іезуитовъ для утвержденія своей власти въ новоприсоединенной странѣ. Это утвержденіе, какъ основанное на фактахъ, никѣмъ не оспаривается, хотя и не считается единственно достаточнымъ основаніемъ для поступка Екатерины. Тейнеръ въ своемъ изслѣдованіи о папѣ Климентѣ XIV приводитъ мнѣніе защитниковъ іезуитовъ, что они оставлены были въ Бѣлоруссіи потому, что кромѣ нихъ не было способныхъ и подготовленныхъ для воспитанія юношества людей, но онъ же и опровергаетъ это соображеніе во 1-хъ тѣмъ, что учить іезуиты могли и въ качествѣ бѣлаго духовенства, а 2-хъ ссылкой на прѣмѣръ Германіи, гдѣ, подъ вліяніемъ іезуитскаго образованія, просвѣщеніе не только не поднялось, но въ значительной степени понизилось (А. Поповъ „Екатери-

Итакъ, какими соображеніями руководствовалась мудрая Екатерина въ своихъ отношеніяхъ къ іезуитамъ и какіе надежды возлагала на нихъ, мы можемъ только предполагать и гадать. Для насъ несомнѣннымъ и очевиднымъ остается только самый фактъ оставленія въ Бѣлоруссіи іезуитскаго ордена, вопреки волѣ главы католической церкви и рѣшенію почти всѣхъ европейскихъ государей. Нужно прибавить еще, что благоволеніе къ іезуитамъ русскаго правительства не было только оффиціальнымъ, какъ людямъ нужнымъ, могущимъ послужить орудіемъ для достиженія цѣлей русской политики, а было выраженіемъ вмѣстѣ и личнаго расположенія къ нимъ императрицы. Екатерина, повидимому, совершенно измѣнила о нихъ свое мнѣніе и изъ „коварнѣйшихъ и опаснѣйшихъ“ они вдругъ превратились въ ея глазахъ „въ самыхъ пріятныхъ и отличныхъ людей“¹⁾. Только этимъ личнымъ благорасположеніемъ импе-

на и іезуиты“. Вѣстн. Европ. 1869 г. кн. I, 364—365). Въ виду этого и о. Моршквинъ считаетъ невозможнымъ допустить, чтобы дальновидная Екатерина могла дѣйствительно признать іезуитовъ опытными педагогами, хотя въ своихъ письмахъ папѣ она педагогическими способностями іезуитовъ и объяснила оставленіе ихъ. „Мы столько имѣемъ доказательствъ политической мудрости Екатерины, ищеть о. Моршквинъ, что позволяемъ себѣ усомниться въ этомъ и осмѣливаемся думать, что Екатерина предлогомъ необходимости іезуитовъ для образованія ея подданныхъ лат. исповѣданія въ Бѣлоруссіи только хотѣла дипломатически прикрыть свои истинныя, но не помедливъ въ дипломатическія акты, побужденія, (Іезуиты.... т. I. стр. 103). Самъ же о. Моршквинъ, а равно и авторъ ст. „Екатерина и іезуиты“ А. Поповъ склоняются къ тому мнѣнію (хотя послѣдній не отвергаетъ совершенно вышеуказанныхъ), что покровительство Екатерины іезуитамъ имѣло свой корень въ враждебномъ настроеніи ихъ по отношенію къ папѣ и оправданіи ими всѣхъ установленій въ кат. церкви, введенныхъ исключительно свѣтскою властію безъ согласія папы. Трудно отдать предпочтеніе которому-либо одному изъ этихъ соображеній, потому что всѣ они одинаково возможны и естественны и, можно думать, всѣ имѣли свою долю вліянія на ходъ дѣйствій императрицы Екатерины. Другія объясненія отношенія Екатерины къ іезуитамъ, приводимыя у Тейнера, не имѣютъ особенно важнаго значенія,—напримѣръ, что императрица оскорбилась, что посланіе объ уничтоженіи ордена—пала сообщать не прямо ей, а чрезъ посредство нунція, или императрица хотѣла чрезъ іезуитовъ просвѣтить инородцевъ Сибиря и т. п. Не лишнимъ является замѣтить, что и Фридрихъ В. вмѣстѣ съ Екатериною оставилъ у себя іезуитовъ, мотивировавъ свой поступокъ педагогическими способностями ихъ, но скоро же разочаровался въ возлагаемыхъ на нихъ надеждахъ и удаляя іезуитовъ.

1) Въ письмѣ къ Гримму въ 1775 г. Екатерина писала: „Мнѣ сдается, что папа Браски (Пій VI) немного іезуитъ; и ничего не имѣю противъ этого и вы знаете, какъ я дорожу этимъ драгоценнымъ отродьемъ; и ихъ берегу и считаю этихъ

ратрицы и ея любимцевъ и можно объяснить появленіе нѣкоторыхъ очень выгодныхъ для іезуитовъ распоряженій. Такъ, былъ изданъ Екатериной указъ, запрещающій даже письменную полемику съ іезуитами. Когда ей сдѣлалось извѣстно, что въ Москвѣ (Новиковымъ) готовились къ изданію исторія іезуитскаго ордена, она чрезъ московскаго оберъ-полиціймейстера Архарова повелѣла запретить это изданіе на томъ основаніи, что „давъ покровительство наше сему ордену, мы не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было“¹⁾. Въ 1774 г. милость императрицы къ іезуитамъ выразилась въ новомъ указѣ, повелѣвающимъ съ крестьянъ, живущихъ въ ихъ имѣніяхъ, не брать податей „поголовныхъ и за винную продажу впредь до указа“,—это для того, чтобы о.о. іезуиты не имѣли недостатка въ содержаніи и могли свободно въ своихъ коллегіяхъ заниматься преподаваніемъ²⁾. Важность этого для іезуитовъ была несомнѣнна, потому что въ ихъ вѣдѣніи было до 14 тыс. душъ крестьянъ³⁾. Но важнѣе всѣхъ было дозволеніе іезуитамъ открыть новиціатъ.

Русское правительство не только оставило у себя іезуитскій орденъ, но и приняло мѣры къ тому, чтобы онъ не уничтожался постепенно и имѣлъ возможность замѣнить выбывшихъ членовъ новыми,—оно дало разрѣшеніе іезуитамъ учредить новиціатъ. Просилъ объ открытіи его провинціалъ ордена Черневичъ, какъ ближе всѣхъ стоящій къ ордену и болѣе другихъ заинтересованный вопросомъ относительно его будущности; но онъ желалъ въ то же время, чтобы правительство испросило на это дѣло дозволеніе и отъ папы. Екатерина, въ указѣ выразивъ полную увѣренность („Я мало сомнѣнія имѣю“) въ томъ, что утвержденіе отъ папы будетъ получено, распорядилась, чтобы іезуиты начали построеніе новиціата до полученія этого

людей самыми пріятными и разумными между обитателями Бѣлоруссін. Правду сказать, что эти мошенники—отличные люди“. (Рус. Архив. 1878 г. т. III, стр. 17). „Для меня іезуиты—люди, пясала она въ другое время, и люди, кои страждутъ. Я на нихъ жаловаться причинъ никакихъ не имѣю, но напротивъ ихъ поведеніемъ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ весьма довольна („XVII вѣкъ“, т. III, стр. 224).

1) Толстой. Рим. кат. въ Россіи, т. II, стр. 17, примѣч.

2) П. С. З. XIX, 14102.

3) Морошканъ, I, 245.

разрѣшенія ¹⁾. По этому поводу и Сестренцевичъ издалъ „окружное посланіе“, въ которомъ, какъ глава католической церкви въ Россіи, исполняя повелѣніе своей государыни, давалъ съ своей стороны разрѣшеніе на открытіе іезуитскаго новиціата. „Получа изустное и письменное повелѣніе, писалъ между прочимъ могилевскій епископъ, оказывать всевозможныя благосклонности іезуитамъ, и сверхъ сего имѣть попеченіе о продолженіи ихъ бытія, „мы вознамѣрились дать имъ позволеніе принимать новиціатовъ“ ²⁾. Но папа ни за что не хотѣлъ согласиться на учрежденіе іезуитскаго новиціата, потому что это значило для него встать въ противорѣчіе съ самимъ собою, принять мѣры къ умноженію ордена, на основаніи каноновъ несуществующаго. Особенно же раздражало папу то, что Сестренцевичъ въ своемъ посланіи оправдывалъ свое разрѣшеніе на открытіе новиціата предоставленною ему отъ папы властію надъ всѣми монашескими орденами, что было искаженіемъ папской грамоты, имѣвшей въ виду только законно существующіе ордена. По этому поводу завязалась продолжительная переписка между русскимъ правительствомъ и папскимъ дворомъ, представившая только Екатеринѣ удобный случай болѣе рѣзко высказаться противъ власти папы. „Это дѣло домашнее, писала она Штакельбергу, въ которомъ посредствованіе постороннее не можетъ ни мало быть совмѣстно съ достоинствомъ нашимъ“, и что въ случаѣ противодѣйствія папы, ему угрожаетъ „потеряніе и той невеликой власти, которою мы папѣ надъ церквами римскими въ областяхъ нашихъ дозволяли“ ³⁾. Новиціатъ все таки былъ открытъ въ Полоцкѣ и безъ разрѣшенія папы, и съ этого времени начинается приливъ иностранныхъ іезуитовъ въ этотъ городъ и во всю Бѣлоруссію.

Наконецъ, подъ вліяніемъ расположенія къ іезуитамъ своего личваго и своихъ совѣтниковъ, главнымъ образомъ князя Потемкина, въ милость котораго также успѣли вкратиться іезуиты, императрица Екатерина едва не поступилась въ пользу ихъ своими первыми и вмѣстѣ главными распоряженіями объ упра-

¹⁾ П. С. З. XX, 14582.

²⁾ „Переводъ окружнаго посланія Ст. Сестренцевича 30 іюня 1779 года“. Сборн. Рус. Ист. Общ. т. I, стр. 465.

³⁾ „Письмо къ гр. Штакельбергу“. Сборн. Рус. Ист. Общ. т. I, стр. 488—490.

вленіи монашескими орденами. Именно, у нея было намѣреніе дать самоуправленіе іезуитскому ордену съ освобожденіемъ его отъ зависимости могилевскаго епископа. Въ іюнѣ 1782 г. вышелъ даже и указъ, которымъ юрисдикція послѣдняго надъ орденомъ значительно сокращалась. „Хотя сей орденъ, говорилось въ немъ, и обязанъ надлежащимъ повиновеніемъ истинному своему пастырю архіепископу могилевскому, но помянутый архіепископъ имѣетъ наблюдать, чтобы правила онаго ордена въ цѣлости и безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія сохранены были, поколику оныя согласны съ гражданскими нашими установленіями“¹⁾. Этимъ же самымъ указомъ повелѣвалось ордену избрать для себя генеральнаго викарія, который бы управлялъ орденомъ по его правиламъ, назначалъ своею властію провинціаловъ и др. начальниковъ и проч. Но, къ счастью, императрица скоро признала свою ошибку, чему много способствовали сами же іезуиты, поторопившіеся воспользоваться своимъ независимымъ положеніемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ указаннаго распоряженія, вышелъ новый сенатскій указъ на имя Сестренцевича, которымъ вся власть надъ орденомъ передавалась ему. „Іезуиты и другіе монахи, гласилъ этотъ новый указъ, обязаны вамъ повиноваться не токмо какъ своему митрополиту, но и еще какъ своему высшему генералу.... Сенатъ не думалъ, что эти монахи въ будущемъ будутъ ссылаться на законы своего ордена, чтобы подъ этимъ предлогомъ избавиться отъ законнаго повиновенія“²⁾. Этимъ указомъ, такимъ образомъ, правительство отказывалось отъ своего прежде даннаго дозволенія іезуитамъ имѣть своего генеральнаго викарія и поставляло ихъ по прежнему въ зависимость отъ архіепископа. Только этотъ послѣдній, на правахъ генерала ордена, дозволилъ имъ избрать генеральнаго викарія, который бы управлялъ орденомъ отъ его, — архіепископа имени. Такимъ образомъ, русское правительство при Екатеринѣ Великой во время замѣтило интриги іезуитовъ приобрѣсти себѣ самоуправленіе и скоро пресѣкло ихъ.

Всѣ разсмотрѣнныя распоряженія относительно низшаго бѣ-

1) П. С. З. XXI, 15443.

2) Морошкинъ, I, 191. Этотъ указъ не внесенъ въ полное собраніе законовъ, хотя онъ несомнѣнно подлинный.

лаго и монашествующаго духовенства въ западной Россіи даютъ достаточное основаніе для того, чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ началахъ, изъ которыхъ исходило русское правительство, а также о томъ, что система управленія этимъ духовенствомъ, впервые введенная Екатериной, была гораздо совершеннѣе и плодотворнѣе той, которая дѣйствовала при польскомъ владычествѣ. Русское государство прежде всего видѣло въ латинскомъ духовенствѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, подающихъ въ этомъ отношеніи добрый примѣръ всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ областей; по этому самому оно не должно было зависѣть ни отъ папы, ни отъ другихъ духовныхъ начальниковъ, пребывающихъ за предѣлами русскаго государства, а должно подчиняться во всемъ своему ближайшему начальнику епархіальному архіерею, а чрезъ него верховной власти въ Россіи. Іезуиты, далѣе, призывались во имя вѣрноподданической присяги къ дѣятельности на пользу своего новаго отечества, главнымъ образомъ къ трудамъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія католическаго населенія вообще и школьнаго обученія юношества въ частности. Нечего и говорить, конечно, о томъ, что духовенство католическое не должно было совращать въ свою вѣру православныхъ и уніатовъ. Всѣ эти мѣры русскаго правительства имѣли свои благія послѣдствія и вели къ тому подъему духовенства, съ которымъ не знакомо было польское правительство. Самою важною мѣрою было, несомнѣнно, подчиненіе всего духовенства власти одного лица епархіальнаго архіерея. Беспорядки, которые происходили въ немъ при безначаліи или многоначаліи, теперь уже не могли имѣть мѣста. Строгий и безпристрастный выборъ кандидатовъ на приходскія мѣста и строгая дисциплина для монаховъ—вотъ первое и главное послѣдствіе единовластія епархіальнаго архіерея. Бѣлое духовенство вышло изъ-подъ тягостнаго и иногда унижительнаго для себя деспотизма приходскихъ патроновъ и было если не богато въ матеріальномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ достаточно. Для монаховъ постоянный надзоръ архіепископа сопровождался поднятіемъ ихъ нравственнаго уровня. Не говоримъ уже о тѣхъ мѣрахъ, которыя издалъ своею собственною властію моголевскій архіепископъ въ силу предоставленныхъ ему полномочій, мѣрахъ, направленныхъ къ под-

нятію духовнаго просвѣщенія и общественнаго значенія церквей и монастырей. О благотворномъ вліяніи по крайней мѣрѣ на монашествующее духовенство новыхъ установленій Екатерининскаго правительства мы имѣемъ свидѣтельство лица, близко стоявшаго къ латинскому монашеству и знавшаго его дѣйствительное положеніе—Станислава Сестренцевича. „Въ наше время, сказалъ онъ въ одномъ обращеніи къ монахамъ, когда такъ справедливо жалуются на развращенность и упадокъ монашескихъ сословій и когда почти никто не думаетъ о томъ какъ сдѣлать ихъ полезными для государства, суждено было златому вѣку Россіи и безсмертной Екатеринѣ обратить ихъ на пользу другихъ своихъ подданныхъ“¹⁾. Одно только не гармонировало съ общимъ характеромъ правительственныхъ отношеній къ латинскому духовенству—это оставленіе іезуитовъ. Они не вразумились крайнею милостию къ нимъ императрицы и не оставили своей обычной дѣятельности. „Удивительно, писалъ объ нихъ Сестренцевичу министръ духовныхъ дѣлъ, какъ это іезуиты не могутъ оставить въ покоѣ православныхъ и лютеранъ? Вѣдь мы же подаемъ имъ примѣръ, не позволяя даже господствующей церкви переступить свои предѣлы и посягать на другія вѣроисповѣданія“. Однако, въ несомнѣнную заслугу Екатеринѣ въ отношеніи къ іезуитамъ нужно поставить то, что она ихъ держала очень строго, не давала имъ большой свободы и не разрѣшала появляться внѣ предѣловъ Бѣлоруссіи, несмотря на всѣ ихъ домогательства утвердиться въ Петербургѣ и другихъ городахъ Имперіи.

Послѣ обозрѣнія положенія и административнаго устройства католической церкви въ западно-русскихъ областяхъ слѣдуетъ сказать о положеніи католичества при Екатеринѣ въ остальной Россіи. Вопросы этого мы уже касались, но только до времени раздѣла Польши. Теперь нужно показать, какъ отразилось на положеніи католическаго вѣроисповѣданія въ коренныхъ русскихъ областяхъ появленіе въ предѣлахъ Россіи высшей католической іерархіи и новой церковной организаціи.

Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что католическія церкви обѣихъ столицъ и всѣхъ другихъ городовъ русскихъ вошли

¹⁾ Ц. С. З. XXII, 16188, п. 125.

въ составъ епархіи моголевскаго епископа ¹⁾). Тотъ пунктъ Регламента, по которому духовныя лица должны были выписываться изъ-за границы чрезъ посредство Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а для колонистовъ—канцеляріи опекуинства, теперь съ появленіемъ католическихъ епископовъ долженъ былъ потерять свою силу самъ собою. Теперь всѣ церкви должны были своевременно доносить епископу объ освободившихся мѣстахъ для духовныхъ лицъ въ ихъ приходахъ, которые онъ и замѣщаль по своему усмотрѣнію. Для церквей коренной Россіи было сдѣлано исключеніе изъ общаго правила относительно кандидатовъ на духовныя должности, именно—на нихъ могли быть опредѣляемы не только русскіе подданные, но и иностранцы. „Въ разсужденіи, что въ числѣ подданныхъ нашихъ, говорилось въ указѣ императрицы отъ 1784 года, исповѣдующихъ римскій законъ и временно по торговлѣ и дѣламъ въ имперіи нашей, особливо же въ столицахъ, пребывающихъ, того же исповѣданія суть люди различныхъ языковъ и народовъ, всѣмилостивѣйше соизволяемъ, чтобы архіепископъ моголевскій римской церкви имѣлъ стараніе о снабженіи церковнослужителями разныхъ языковъ таковыхъ церквей, кои въ томъ нужду имѣть будутъ“ ²⁾). Въ силу этого указа, если въ числѣ русскихъ подданныхъ не найдется достойныхъ кандидатовъ на духовныя мѣста, гдѣ требуется знаніе иностранныхъ языковъ, то архіепископъ могъ опредѣлять на нихъ иностранныхъ духовныхъ. Впрочемъ, при этомъ поставлялось въ непремѣнную обязанность для послѣднихъ принести присягу на вѣрноподданство русскому правительству въ теченіе того времени, въ которое они будутъ проживать въ предѣлахъ Россіи, причемъ опредѣленнаго срока для этого не назначалось, и они во всякое время, по своему желанію, могли выѣхать въ свое отечество ³⁾). Право призывать духовныхъ лицъ изъ-за границы принадлежало исключительно Моголевскому архіепископу, сами же приходы не могли этого дѣлать „подъ опасеніемъ суда за неисполненіе законовъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Ibid.

²⁾ И. С. З. XXII, 15943.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ И. С. З. XXIII, 17379, п. 6.

Всѣ иностранные духовныя лица, которыя безъ ущерба для прихода могли бы быть замѣнены русскими подданными и пребываніе коихъ не необходимо для иностранцевъ—прихожанъ, должны быть отрѣшены отъ своихъ мѣстъ ¹⁾). Монахи къ приходскимъ церквамъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть назначаемы, потому что, какъ объяснено въ одномъ указѣ, они и „прежде терпѣлись только по неимѣнію въ Россіи собственнаго епископа римской вѣры“ ²⁾). Для католическихъ монаховъ теперь назначались монастыри, которыхъ раньше не было въ Россіи, и тѣ изъ монаховъ „кои къ какому-либо извѣстному монастырю того закона, въ Россіи дозволеніемъ снабдѣнному, не причислены, тѣ подъ стражею за-границу высылаемы быть должны“ ³⁾). Построеніе новыхъ католическихъ храмовъ, если въ нихъ была неотложная потребность, вообще не запрещалось, но только каждый разъ должно быть испрашиваемо разрѣшеніе губернскаго начальства ⁴⁾).

Что же касается положенія отдѣльныхъ католическихъ приходовъ, то за петербургскимъ были оставлены тѣ привилегіи относительно избранія церковныхъ старшинъ, управленія церковными доходами и т. п., какія даны были ему Регламентомъ ⁵⁾). Различіе было только въ томъ, что верховный надзоръ за ходомъ дѣлъ принадлежалъ уже не Юстицъ-Коллегіи, у которой, какъ извѣстно, съ учрежденіемъ могилевской архіепископіи, отняты были всякія права вмѣшиваться въ дѣла католической церкви, а С.-Петербургской палатѣ гражданскаго суда „до дальнѣйшаго впредь повелѣнія“ ⁶⁾). Въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, по просьбѣ французовъ, эмигрировавшихъ въ Россію по случаю революціи, былъ построенъ новый костелъ во имя св. Людовика ⁷⁾). Когда прихожане его не хотѣли выслать 100 червонныхъ, издержанныхъ архіепископомъ на вызываемаго спеціально для нихъ священника изъ Парижа, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они, по

1) П. С. З. XXI, 15326, п. 8.

2) Ibid. п. 9.

3) П. С. З. XXII, 15943.

4) П. С. З. XXI, 15379, п. 58.

5) П. С. З. XXI, 15326, п. 9.

6) П. С. З. XXI, 15566.

7) П. С. З. XXIII, 16822.

существующимъ узаконеніямъ, должны получать духовныхъ лицъ отъ архіепископа безъ взноса всякой платы, тогда Сенатъ разъяснилъ, что „выписываніе иностранныхъ патеровъ и возвращеніе ихъ въ отечество должно принимать на счетъ прихожанъ“¹⁾. Но чтобы на будущее время не поставлять прихожанъ, нуждающихся въ иностранныхъ духовныхъ лицахъ, въ необходимость дѣлать такія издержки, „господину архіепископу рекомендовать“ позаботиться о приготовленіи кандидатовъ на духовныя мѣста, знающихъ иностранныя языки, въ своей генеральной семинаріи²⁾. По присоединеніи Новороссійскаго края, Могилевскій архіепископъ объѣхалъ его въ свитѣ Потемкина, возобновилъ тамъ развалины прежнихъ католическихъ храмовъ и построилъ новый въ Херсонѣ, производившемъ и въ то время значительную торговлю съ заграничными государствами, и въ которомъ въ виду этого было очень много иностранцевъ, а между ними и католиковъ³⁾. Въ заключеніе нужно сказать, что главные настоятели церквей Петербурской, Московской и Херсонской состояли членами капитула при Могилевскомъ архіепископѣ въ званіи канониковъ, при чемъ они, вслѣдствіе отдаленности отъ епархіальнаго города, были освобождены отъ обязанности являться какъ на очередныя, такъ даже и на генеральныя засѣданія капитула.

К. Богословскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ П. С. З. XXIII, 16822.

²⁾ Ibid.

³⁾ Толстой. Рим. кат. въ Россіи, II, 42.

СИБИРСКАЯ ЦЕРКОВЬ ДО XVIII ВѢКА.

Цѣль предлагаемой статьи—представить для интересующихся исторію Сибири возможно полную картину сибирской церковно-исторической жизни за первый ея періодъ, обнимающій время отъ окончательнаго утвержденія русскаго владычества въ Сибирскомъ краѣ (1586) до 18 вѣка. Это время, по нашему мнѣнію, можно считать отдѣльною эпохою потому, что съ начала 18 столѣтія, если еще не съ конца 17-го, начинается улучшение дѣла церкви, до того времени находившагося въ сильномъ упадкѣ со всѣхъ почти сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Если нельзя сказать, чтобы эпоха распространенія христіанства въ Сибири была совершенно темною въ исторіи Русской церкви, то во всякомъ случаѣ она еще недостаточно освѣщена и не приведена въ надлежащую ясность. Мы хотѣли бы по возможности восполнить этотъ пробѣлъ; мы хотѣли бы сгруппировать всѣ факты по дѣлу просвѣщенія Сибири христіанскимъ свѣтомъ, въ надлежащей связи и послѣдовательности, насколько это возможно для насъ, при нынѣшней разработкѣ церковно-исторической науки въ нашемъ отечествѣ; поэтому мы заботились, главнымъ образомъ, о возможной полнотѣ и правдивости въ изложеніи фактовъ, чтобы читатель самъ могъ видѣть все, что сдѣлано было русскою Церковію въ дѣлѣ просвѣщенія Сибири свѣтомъ Христовымъ.

А. Первоначальное знакомство Русскихъ съ Сибирью и начало русскаго владычества въ Сибирскомъ краѣ. Въ тѣ отдаленныя времена, когда Новгородская вольница совершала свои

разбойничьи—торговые набѣги какъ на сосѣднія области, такъ и на болѣе отдаленныя страны, начинается первое знакомство русскихъ съ Сибирью и ея обитателями. Въ лѣтописяхъ находится нѣсколько упоминаній о походахъ Новгородцевъ на Югру и Самоядь, подъ какими названіями слыла тогда Сибирь ¹⁾. Когда кончилось Новгородское государство, и вѣчевой колоколъ перевезенъ былъ въ Москву (1478 г.), когда главенство среди русскихъ областей перешло къ Московской, то и въ это время походы въ Сибирь еще продолжались. Изъ нихъ извѣстны намъ бывшіе въ 1483 и 1499 годахъ, послѣ чего „Сибирь паки пришла въ совершенное забвеніе“ ²⁾. Впослѣдствіи при Іоаннѣ Грозномъ, своими завоеваніями такъ увеличившимъ область русскаго государства, снова начинаются сношенія съ Сибирью, кончившіяся ея завоеваніемъ. Благодаря усиленію русскаго государства, сибирскій ханъ Едигеръ шлетъ (въ 1555 или 1556 г.) посольство въ Москву, а съ 1557 или 58 года платитъ дань ³⁾. Но ограничиваясь сборомъ дани, Грозный, быть можетъ, и не успѣлъ бы захватить Сибирскихъ странъ, если бы не явился отважный казацкій атаманъ Ермакъ, который въ короткое время успѣлъ овладѣть столицей сибирскаго царства и подчинить русскому владычеству мѣстности, лежація по рѣкамъ Иртыша, Оби и ихъ притокамъ ⁴⁾. Захвативъ много земель, казаки однако не основали въ занятыхъ мѣстностяхъ ни одного укрѣпленія. Это и было причиною того, что съ уменьшеніемъ ихъ численности и со смертію Ермака (1584) они были вынуждены бѣжать изъ Сибири. Между тѣмъ казацкое посольство, съ Кольцо во главѣ, передало покоренныя области подъ державную руку царя, и Грозный отправляетъ въ Сибирь войско. Впрочемъ, первый походъ Мансурова (1585) былъ неудаченъ ⁵⁾, а потому слѣдующіе воеводы Сукинъ и Чул-

¹⁾ Года, подъ которыми въ лѣтописяхъ находимъ указанія на походы въ Сибирь, слѣдующіе: 1096, 1114, 1187, 1198, 1323, 1329, 1346, 1446. См. Полное собраніе лѣтописей, тт. I—IV ср. списокъ населенныхъ мѣстъ Тобольская губернія, стр. 62—65.

²⁾ Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, стр. 63—64, 67.

³⁾ Грозный поэтому носитъ титулъ „повелителя сѣверной страны, а иногда именуется царемъ всел Сибири“. Миллеръ, *ib.* 70. 74.

⁴⁾ Мил. *ib.* III глава. Спис. нас. мѣстъ. *ib.* 75—76. Щегловъ. Хронологическій перечень важн. данн. о ист. Сибири, стр. 35—44.

⁵⁾ Мил. *ib.* Сп. п. м. *ib.* 77—78. Щегловъ. Хр. пер. стр. 47.

ковъ измѣнили тактику и не стремились впередъ, не обезпечивъ себя съ тыла. Такимъ образомъ началась постройка первыхъ укрѣпленій, изъ которыхъ возникли сибирскіе города. Въ 1586 году основанъ первый русскій городъ въ Сибири—Тюмень, построенный на мѣстѣ прежняго городка Чингитур¹⁾. Годъ основанія этого города можно уже считать годомъ прочнаго водворенія русскихъ въ Сибири. Отсюда и изъ другихъ центровъ русская колонизація быстро и неудержимо двигалась все далѣе и далѣе, открывая широкое поприще православнымъ миссіонерамъ для просвѣтительной дѣятельности и предоставляя русскому народу великую задачу—культивировать дикихъ инородцевъ, насадить гражданственность и слить инородческія племена въ одно цѣлое съ тяготѣніемъ къ общему центру—престолу русскаго царя. Къ сожалѣнію, не такое было время и не такіе были люди,—въ самой Россіи еще царствовалъ густой мракъ и онъ легко перешелъ въ Сибирь и такъ прочно укоренился здѣсь, что слѣды его и по настоящее время еще не разсѣяны.

Б. *Сибирская колонизація и расширение предѣловъ церкви.* Церковная исторія извѣстнаго края начинается, конечно, распространеніемъ въ немъ церкви, т. е. приобрѣтеніемъ для нея новыхъ членовъ изъ туземныхъ жителей. Говорить о распространеніи церкви въ Сибири въ этомъ смыслѣ въ началѣ почти нельзя, потому что за рассматриваемое время не существуетъ ни прочной организаціи миссіонерскаго дѣла, ни достаточнаго числа обращеній туземцевъ къ православію. Церковь распространяется постольку, поскольку двигается колонизація, по скольку совершается заселеніе мѣстъ русскимъ людомъ. Двигается колонизація, возникаютъ новые города, остроги, поселки, ямы (ямскія слободы), вмѣстѣ съ тѣмъ устраиваются и церкви, часовни, монастыри. Но все это почти исключительно для русскаго общества, а не для новообращенныхъ инородцевъ. Последние, за рѣдкими исключеніями, не требовали устройства церквей, живя или при русскихъ поселеніяхъ въ качествѣ служилыхъ людей или (позднѣе) при основанныхъ уже монасты-

¹⁾ Мил. ів. 212. Сп. п. м. ів. 78.

ряхъ на правахъ оброчныхъ людей съ незначительными, впрочемъ, льготами. Фактъ устройства церкви въ помѣстьи кодскихъ князей Олачевыхъ, какъ единичное явленіе, не говоритъ ни за что, тѣмъ болѣе, что основаніе ея не было обусловлено настоятельною потребностью населенія, а вызвано желаніемъ крестившагося князя.

Какъ бы то ни было, движеніемъ колонизаціи и основаніемъ городовъ и поселковъ съ возникавшими въ нихъ церквами особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ устанавливались болѣе мирныя отношенія къ инородцамъ (т. е. гдѣ вооруженныя возстанія были уже подавлены), совершается знакомство инородческаго населенія съ православной вѣрой, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней ея стороной. Въ этомъ отношеніи для насъ необходимо рассмотретьъ колонизаціонное движеніе Русскихъ въ Сибири и возникновеніе въ населенныхъ мѣстахъ храмовъ, монастырей и часовенъ.

Мы отнесли начало колонизаціи къ 1586 году, когда былъ основанъ первый русскій городъ въ Сибири—Тюмень. Уже на слѣдующій годъ недалеко отсюда возникаетъ новый городъ—Тобольскъ ¹⁾. Основаніе двухъ этихъ городовъ и послужило „началомъ и основаніемъ твердаго владѣнія, которымъ съ того времени вся земля взята и во всегдашнее подданство содержится“ ²⁾. Изъ этихъ центровъ и направляется колонизаціонное движеніе преимущественно по рѣкамъ, какъ единственно удобнымъ путямъ сообщенія. Изъ Тюмени и Тобольска русскіе двинулись по теченіямъ рѣкъ Туры, Пышмы, Исети, Тавдѣ, Тоболу, Иртышу и ихъ притокамъ ³⁾. Съ 1587 по 1593 годъ въ этомъ районѣ основаны города: Лозва на рѣкѣ того же имени ⁴⁾, Таборы на Тавдѣ около устья Пелыма ⁵⁾. Пелымъ по устьѣ этой рѣки ⁶⁾. Двигаясь по Иртышу, Русскіе въ 1593 году были уже на Оби и по ея теченію отправились внизъ и вверхъ. Въ этомъ же году были

¹⁾ Мил. ів. 217 стр. Сл. н. м. ів. 78. Древн. Росс. Бябл. ч. III, 108 стр.

²⁾ Милеръ, ів. ів.

³⁾ Мил. ів. 212; Щегловъ, 52 стр.

⁴⁾ Мил. ів. 220. Хрон. пер. 52.

⁵⁾ Мил. 228. 237. Русск. Истор. Бябл. т. 2 № 56.

⁶⁾ Ibid.

основаны города—Сургутъ выше устья Иртыша, около устья рѣчки Агана ¹⁾ и Березовъ далеко на сѣверъ, нѣсколько ниже устья Сосвы ²⁾. Въ дальнѣйшее время движеніе по теченію Оби и Иртыша продолжается. Города: Тара на Иртышѣ около устья Оши ³⁾, а на Оби—Обдорскъ ⁴⁾, Нарышскій и Кетскій остроги ⁵⁾—результаты этого движенія. Черезъ годъ по основаніи Обдорска русскіе достигли уже до моря и сѣвернымъ побережьемъ двинулись на Востокъ къ берегамъ Енисея. Въ этомъ движеніи на р. Тазъ въ 1600 году основанъ городъ Мангазея ⁶⁾. Береговъ Енисея колонизаторы достигли лишь въ 1607 году, основавъ на устьѣ Турухана Туруханское зимовье ⁷⁾. Движеніе вверхъ по Оби также шло своимъ чередомъ. Въ 1604 году колонизаторы добрались до устья Томи, покорили здѣсь племя Еуштовъ и на р. Томи основали Томскій острогъ ⁸⁾. Въ періодъ смутнаго времени колонизаціонное движеніе было нѣсколько пріостановлено. Поэтому занятіе теченія Томи было окончено лишь въ 1618 году, когда въ ея верховьяхъ былъ построенъ Кузнецкій острогъ ⁹⁾. Въ томъ же году возобновилось движеніе по Енисею. Енисейскій острогъ получаетъ начало около этого времени ¹⁰⁾, а остроги—Маковскій, Бѣльскій и Мелецкій—въ 1619 году ¹¹⁾. Такимъ образомъ, къ 1620 году—году учрежденія сибирской епархіи—предѣлы сибирской церкви были очень обширны. Отъ береговъ сѣвернаго океана она простиралась на югъ до устья Верхней Тунгузки и верховьевъ Оби въ восточной части, а въ западной—до верхняго теченія Иртыша и средняго теченія Ишима. Теченіе Енисея

¹⁾ Хр. пер. 53; Сп. н. м. 89; Мил. 237, 246. Впрочемъ, по Др. Р. В. (т III) Сургутъ основанъ въ 1195 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Въ 1594 г. Мил. 280; Хр. пер. 54; Сп. н. м. ib. 79; Др. Р. В. т. III.

⁴⁾ Въ 1595 г. при устьѣ р. Полюи. Сп. н. м. ib. 79.

⁵⁾ Милл. 311; Сп. н. м. Томская губ. 51 стр.; Хрон. пер. 56 стр.; Д. Р. В. III. 112.

⁶⁾ Хрон. пер. 60; Милл. 352. 372 Д. Р. В. III. 115; Сп. н. м. Енисейск. губ. 19 стр.

⁷⁾ Мил. 392; Сп. н. м. Ел. губ. 19 стр. Хрон. пер. 66 стр.

⁸⁾ Милл. 396 стр. Сп. н. м. Томск. губ. 51 стр.; Хрон. пер. стр. 64.

⁹⁾ На устьѣ р. Кондомы. Мил. 431. Сп. н. м. ib. 53; Хр. пер. 45.

¹⁰⁾ Милл. Ежем. соч. о уч. дѣл. п. изв. 1764 г. стр. 211. Сп. н. м. Енис. г. 19 стр.

¹¹⁾ Хрон. пер. 76. 77. Сп. н. м. Ен. губ. стр. 19. Милл. ib. 209, 222.

служило восточною границею русскихъ владѣній. Пространство, занятое русскими, равнялось, такимъ образомъ, нынѣшней Тобольской губерніи, сѣверной и сѣверовосточной части Томской и западному краю—Енисейской.

Вмѣстѣ съ движеніемъ на Востокъ шло заселеніе и занятыхъ земель. Такъ, въ 1598 году основанъ городъ Верхотурье ¹⁾, вмѣсто оставленной Лозвы, въ 1600 году—Туринскъ ²⁾, въ 1613—слободы Тагильская и Мугальская ³⁾, въ 1618 году—Табаринская слобода ⁴⁾, въ 1619—Невьянская ⁵⁾. Жителями новоосновываемыхъ городовъ, остроговъ и слободъ были, прежде всего „служилые люди“ да тѣ „гулящіе“, которые или бѣжали въ Сибирь отъ страха наказанія, отъ тягостныхъ условій жизни, или шли туда, ища легкой наживы. Послѣдніе составляли элементъ добровольныхъ поселенцевъ. Кромѣ того, еще на первыхъ порахъ, хотя и не часто, отправляются въ Сибирь по правительственнымъ распоряженіямъ какъ ссыльные, такъ и переселенцы. При основаніи Пелыма сюда были сосланы жители Углича, примѣшанные къ дѣлу по убійству царевича Дмитрія ⁶⁾. Еще ранѣе въ 1590 году указомъ Θεодора Іоанновича переселены въ Сибирь до 30 семействъ изъ Сольвычегодска, и имъ, какъ свободнымъ переселенцамъ, выдано извѣстное вспомошествованіе ⁷⁾. Точно также въ Пелымъ отправлены переселенцами нѣкоторые изъ жителей Москвы, Каргополя, Перми и Вятки ⁸⁾, а въ 1600 году переселены въ разныя мѣста сибирскихъ владѣній нѣсколько ямскихъ семей, которымъ отведены пахотныя земли ⁹⁾.

Съ 1620 года, когда была учреждена сибирская архіепископ-

¹⁾ Въ верховныхъ туры нѣсколько выше впаденія Салды. Хрон. переч. стр. 59; Мил. Оп. с. ц. 338—339; по Д. Р. В. (III, 114) этотъ городъ основанъ въ 1600 году.

²⁾ На Турѣ выше Тюменн. Ст. н. м. Тоб. г. стр. 79; Мил. ib. 358. 372. Хрон. пер. стр. 60; Д. Р. В. III, 114.

³⁾ На р. Тагиль. Хрон. пер. стр. 71. Еж. соч. 1764 г. стр. 17.

⁴⁾ На Тавлѣ при устьѣ Ченги. Хрон. переч. 77 стр.

⁵⁾ На р. Нейвѣ. Мил. Еж. соч. ib. 19 стр. Хрон. переч. 77 стр.

⁶⁾ Хронол. пер. стр. 53.

⁷⁾ Ib. 51—52.

⁸⁾ Мил. оп. Сиб. ц. 240—241.

⁹⁾ Хрон. пер. 60—61 стр.

скопія, правительство обращаетъ большее вниманіе на свои сибирскія владѣнія и уже дѣлаетъ съ своей стороны побужденія къ занятію новыхъ земель и ихъ заселенію ¹⁾. Впрочемъ, путь движенія остается тотъ же,—оно идетъ по теченію рѣкъ. Подробно разсматривать это движеніе на протяженіи почти цѣлаго столѣтія не входитъ въ нашу задачу. Достаточно отмѣтить лишь главные его моменты, которыми, безъ сомнѣнія, являются основанія болѣе значительныхъ городовъ. Съ восточной границы—теченія Енисея—русскіе двинулись двумя путями. Первый шелъ отъ Туруханска по Нижней Тунгузкѣ на Лену и по Чанѣ на Вилюю, другой—изъ Енисейска по Верхней Тунгузкѣ въ верховья Лены. Въ движеніи первымъ путемъ заняты въ 1625 году земли Тунгусовъ ²⁾, а къ 1630 году русскіе достигли устья Вилюя. Движеніе по Нижней Тунгузкѣ обозначается постройкой остроговъ Рыбинскаго ³⁾ (въ 1628 г.) и Илимскаго ⁴⁾ (въ 1630). Въ этомъ же году совершился переходъ на Лену,—на устьѣ Киренги основывается Никольскій погостъ ⁵⁾. Черезъ годъ получаетъ начало Якутскій острогъ и занимаютъ теченія рѣкъ—Олекмы, Алдана и Амги ⁶⁾. Продолжая движеніе по Ленѣ и добравшись до ея устья, русскіе сѣвернымъ побережьемъ идутъ далѣе и достигаютъ рѣкъ Яны, Чендака и Индигирки ⁷⁾. Въ то же время по р. Маѣ казаки достигаютъ Охотскаго моря ⁸⁾. Къ 1642 году наложенъ ясакъ на юкагировъ, жившихъ по рр. Янѣ и Индигиркѣ ⁹⁾, къ 1645 г. занято теченіе рѣкъ Колыма и Пагыча ¹⁰⁾, а въ 1648 году

¹⁾ См. напр., Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ. т. 3, № 66; Ист. Акты т. IV. № 209. Хр. Р. В. III, 283; Хронол. пер. 133 стр.

²⁾ Фишеръ. Сибирская исторія стр. 278—279.

³⁾ Латкинъ. Енисейская губернія, стр. 405.

⁴⁾ Ibid. 407 стр.

⁵⁾ ib. Хронол. переч. стр. 85.

⁶⁾ Хр. пер. стр. 87; Фиш. ib. 354, 356—9. Извѣстія общества исторіи, археол. и этногр. при Каз. ун-в. 1794 г. т. XII, вып. 2, 148, 149 стр.

⁷⁾ Въ 1638—39 г.г. На Янѣ основанъ Верхонискъ, на Ченданѣ зимовье. Хронол. пер. стр. 92; Фишеръ ib. стр. 372—4; 385—6.

⁸⁾ Фишеръ. ib. 379—82.

⁹⁾ Дополненіе къ истор. актовъ, т. 2, № 86.

¹⁰⁾ Хрон. пер. стр. 95; Дон. къ П. А. т. 3, № 24. Извѣстія общ. ib. 155 стр.

устроено зимовье на устьѣ Охоты ¹⁾. Такъ русскіе добрались до Камчатки и утвердились на Охотскомъ морѣ. Одновременно совершалось занятіе земель по всей южной границѣ. Въ 1628 году основаны Красноярскій острогъ въ верхнемъ теченіи Енисея и Канское зимовье на р. Канѣ ²⁾. Съ 1641 года русскія владѣнія придвигаются къ Байкалу и Амуру. Въ этомъ году въ верховьяхъ Лены основанъ Верхоленинскій острогъ ³⁾, а черезъ годъ совершена первая экспедиція по Амуру, впрочемъ, кончившаяся ничѣмъ ⁴⁾. Только укрѣпившись на восточномъ берегу Байкала, можно было перейти на Амуръ. Это и было сдѣлано послѣ основанія остроговъ—Ангарскаго, Баргузинскаго и Верхнеудинскаго ⁵⁾ въ 1650 году ⁶⁾, а въ слѣдующемъ—на Амурѣ построенъ уже Альбазинскій острогъ ⁷⁾. Въ 70-хъ годахъ заселено по Амуру много слободъ ⁸⁾, а на Зеѣ, притокѣ Амуре, построены остроги—Верхозейскій, Селимбаевскій и Дадонскій ⁹⁾. Въ западной части южной границы, въ предѣлахъ нынѣшней Тобольской губерніи также сдѣлано нѣсколько, хотя и незначительныхъ пріобрѣтеній. Основаніемъ Исетскаго острога на Исети ¹⁰⁾, слободы Царево Городище на Ишимѣ ¹¹⁾ и Чернолудскаго острога на Иртышѣ ¹²⁾ граница сдвинута нѣсколько на югъ. Наконецъ, въ послѣднее десятилѣтіе 17-го, вѣка занята и Камчатка, гдѣ основано Верхнекамчатское зимовье. Внутри занятыхъ мѣстностей, конечные пункты которыхъ мы указали, заселеніе шло своимъ чере-

¹⁾ Въ слѣдующемъ году оно получило названіе Косаго острожка, а впоследствии переименовано въ Охотскъ. Хрон. пер. 98 стр.

²⁾ Хрон. пер. 84 стр. Ст. пас. м. Енис. г. 19 стр. Ежем. соч. 235. 294. Латкинъ. Енис. губ. 403 стр. Это зимовье впоследствии переименовано въ Канскій острогъ. Мил. ів. 517.

³⁾ Хрон. переч. стр. 93.

⁴⁾ Ibid. 94 стр.

⁵⁾ Къ 1647, 48 и 49 годамъ. Доп. къ И. А. т. 3, № 15; Хрон. пер. 97. 101. Флш. ів. 554.

⁶⁾ Доп. къ И. А. т. 3, № 42; Хрон. пер. стр. 103.

⁷⁾ Хрон. пер. стр. 104.

⁸⁾ Къ 1672—33 годамъ. Страницы. 1867 г. Октябрь, стр. 30.

⁹⁾ Въ 1677 г. Сибирь и великая сибирск. дорог. Истор. обзорніе, стр. 8.

¹⁰⁾ Въ 1650 г. Стат. м. Тоб. г. стр. 80.

¹¹⁾ Въ 1668 г. Впоследствии Кургавъ. Хрон. пер. стр. 116.

¹²⁾ Въ томъ же году. Сп. н. м. ів. ів.

домъ,—здѣсь было построено до 20 остроговъ и болѣе полусотни слободъ ¹⁾).

Что касается плотности населенія, то уже по незначительному сравнительно съ занятымъ пространствомъ количеству населенныхъ мѣстъ можно судить о численности русскаго люда. И, дѣйствительно, она была слишкомъ не велика, особенно въ первую половину 17 вѣка. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ находимъ на это небольшія указанія. Въ Якутской области, обнимавшей громадное пространство отъ Байкала и Лены до Охотскаго моря и Камчатки, военный элементъ населенія заключался всего лишь въ 4^{1/2} сотняхъ челобѣкъ, разбросанныхъ по всей Якутской области ²⁾. Считая на это количество служилыхъ людей, столько же вольныхъ поселенцевъ, что, впрочемъ, сомнительно, и то получаемъ всего лишь около 1000 челобѣкъ. Словцовъ говоритъ, что къ началу 18 вѣка во всей Сибири было 230000 населенія обоюга пола ³⁾.

Занимая земли, основывая города и поселки, русскіе занесли въ Сибирь и свѣтъ христіанской вѣры. Мы уже замѣтили мимоходомъ, что почти въ каждомъ вновь основываемомъ жилищѣ на первыхъ же порахъ строилась церковь или монастырь. Въ этомъ отношеніи справедливъ отзывъ Миллера о первыхъ завоевателяхъ Сибири. Онъ говоритъ, что Ермакъ и его козаки „хотя безбожнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ житіе свое провождали,.. однако не можно сказать, чтобы они страха Божія въ себѣ совсѣмъ не имѣли“. Этотъ отзывъ вполне приложимъ и къ слѣдующимъ сибирскимъ поселенцамъ, которые, при всей своей нравственной распущенности, первымъ дѣломъ заботились о постройкѣ храмовъ. Это, конечно, вполне понятно при томъ обрядовомъ направленіи, которое господствовало въ русскомъ обществѣ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что еще до учрежденія самостоятельной сибир-

¹⁾ См. И. А. т. 4, №№ 3, 36; Доп. къ И. А. т. 3, № 7; Ежем. соч. стр. 486. 495. 498. 502—507. 509—512. 515—516; Сп. нас. н. Tob. губ. 80 стр.; Словцовъ; Ист. об. Сиб. пер. 2, стр. 187; Фишеръ, ib. 354. 356—9; Хронол. пер. стр. 87. 97. 105. 106; Изв. общ. ib. 148; Лашкинъ. Ея. губ. стр. 407—8; 413. 417. 421. Странникъ, 1866 г. I. 75 стр. III, 41—42. 52.

²⁾ Доп. къ И. А. т. 3, № 91.

³⁾ Ист. обозр. Сиб. пер. 2, стр. 315. 323.

ской епархіи, здѣсь было уже болѣе 15 церквей и до 8 монастырей ¹⁾. Послѣ открытія епархіи, заботы объ удовлетвореніи этой религіозной нужды легли на сибирскихъ іерарховъ, которые, по возможности, и старались удовлетворять потребностямъ населенія, давая благословенныя грамоты на построеніе церквей и монастырей какъ въ новыхъ городахъ, такъ и въ существовавшихъ издавна. Такъ, при первомъ архіепископѣ Кипріанѣ, по замѣчанію Словцова, число церквей увеличилось до 30, а монастырей было 12 ²⁾. Церкви—въ Мангалѣ ³⁾, Устьицинской слободѣ ⁴⁾, новыхъ монастыряхъ ⁵⁾ и, вѣроятно, въ Березовѣ, Сургутѣ, Нарымѣ, Кетскѣ, Тарѣ ⁶⁾, основаны при немъ. Изъ монастырей, получившихъ начало при Кипріанѣ, извѣстны: Спасскій мужской

¹⁾ Церкви были въ слѣдующихъ городахъ. Въ Тюмени 4: Спасская, построенная въ 1586 году (Мил. оп. С. и. 214), Богородицкая (1600), Борисоглѣбская (1601) (Еж. соч. стр. 9) и Ѳедоровская—въ 1610 г (Мил. ib. 11). Въ Тобольскѣ 4: Троицкая, Спасская (1587) (Мил. 217 стр.; Др. Р. В. III, 108), Вознесенская (1601) и Никольская (1602) (Мил. ib. 30—31; Др. Р. В. III, 116). Въ Верхотурьѣ 2: Троицкая (1598) (Мил. оп. С. и. 339). Въ 1607 г. церковь неизвѣстно въ честь какого святаго. (Мил. Еж. соч. стр. 15). Въ Таборахъ (Р. И. Б. т. 2, № 56), въ Полымѣ—Христорождественская (Ист. р. и. Макарія, т. X, стр. 75), въ Туринскѣ (Мил. стр. 359, прим. Р. И. Б. т. 2, № 72), въ Мангазеѣ (Еж. соч. 37 стр.), въ Березовѣ (Хрон. пер. 63 стр.) и церковь во вочипѣ князей Олачевыхъ (Р. И. Б. т. 2, № 68). Монастыри извѣстны: Знаменскій въ Тобольскѣ основ. въ 1578 г. (Хр. пер. стр. 50). Тамъ же во имя Зосимы и Савватія—въ 1601 г. (ib. ib.). Покровскій Туринскій (ib. ib.). Никольскій въ Верхотурьѣ, основ. монахомъ Іоною изъ Пошехонія въ 1604 г. (И. А. т. 2, № 48). Рождественскій на р. Тагилѣ въ Верхотурскомъ уѣздѣ (Еж. соч. 14—15), Введенскій на р. Нейлѣ (ib. ib.). Успенскій въ Тобольскѣ, основ. въ 1610 г. (Др. Р. В. III, 124) и Преображенскій въ Тюмени, построенный въ 1616 году монахомъ Нифонтомъ изъ Казани (Еж. соч. 11—12; Хр. пер. 50).

²⁾ Истор. обзор. Сибири, т. I, стр. 148. Впрочемъ, монастырей, какъ увидимъ ниже, основано больше.

³⁾ Др. Р. В. III, 141. Буцинскій. Откр. Тоб. еп. и пер. архіеп. Кипр. В. и Р. 1890 г. № 23, стр. 653. Буцинскій въ примѣчаніи говоритъ о несправедливости замѣчанія Миллера, будто бы утверждающаго, что въ Мангазею для постройки церкви отправленъ игуменъ Тимофей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ туда посланъ архим. Меѳодій. Но Миллеръ (Еж. соч. 409 стр.) говоритъ объ отправленіи Тимофея не въ Мангазею, а въ Туруханскъ.

⁴⁾ Стравн. 1864 г. ч. 3, стр. 35.

⁵⁾ См. цитаты объ основаніи этихъ монастырей.

⁶⁾ Мы говоримъ *вѣроятно*, п. ч. изъ этихъ городовъ были челобитныя Кипріану. Р. И. Б. т. 2, № 124.

въ Тарѣ ¹⁾, Успенскій въ Томскѣ ²⁾, Рождественскій женскій въ Енисейскѣ ³⁾, Покровскій въ Верхотурѣ ⁴⁾, Никольскій въ Туринскѣ ⁵⁾, Ильинскій въ Тюмени ⁶⁾. Постоянные запросы при увеличеніи народонаселенія и расширеніи предѣловъ епархіи заставляли и слѣдующихъ іерарховъ, несмотря на недостатокъ духовенства ⁷⁾, давать разрѣшеніе на учрежденія монастырей и постройку церквей. Абрамовъ ⁸⁾ говоритъ, (впрочемъ, фактически не подтверждая своихъ словъ), что архіепископъ Макарій строилъ церкви во всѣхъ основываемыхъ острогахъ и городахъ. Съ достовѣрностью можно сказать, что при этомъ архіепископѣ были построены церкви—такъ называемая сѣнная въ Тобольскѣ ⁹⁾ и церковь въ Якутскѣ ¹⁰⁾. Далѣе, изъ того факта, что многія лица изъ присланнаго въ Сибирь духовенства были отправлены въ такія мѣста, гдѣ до архіепископа Макарія не было церквей, можно заключать, что послѣднія выстроены уже при немъ. Таковы церкви въ селѣ Каменномъ, Чубаровой слободѣ, Красноярскомъ острогѣ и др. ¹¹⁾. Въ архіепископство Нектарія строятся церкви въ селѣ Абалокскомъ, Якутскомъ острогѣ ¹²⁾ и основывается Красноярская Каченская пустынь ¹³⁾. Въ слѣ-

1) Р. И. В. т. 8, № 2, XXX.

2) Объ основаніи этого монастыря заключаемъ по косвеннымъ даннымъ. Архіепископъ Макарій, преемникъ Кипріяна, по пріѣздѣ въ Тобольскъ смѣнилъ Томскаго архим. новымъ. Еж. соч. ів. 407 и слѣд.

3) Еж. соч. ів. 409; Опис. мон. Р. Имп. 31 стр. Латкинъ. Ен. губ. 416 стр.

4) И. А. т. 3, № 103; т. 4, № 9.

5) Ежем. соч. ів. 405.

6) Тобольская епархія, часть 2. Омскъ, 1892 г. стр. 11. Абрамовъ (Странп. 1864 г. 31 стр.) приписываетъ еще Кипріяну основаніе монастырей—Рождественскаго, Тагильскаго и Введенскаго на Нейвѣ, причемъ дѣлаетъ ссылку на Миллера. Но, какъ мы видѣли, Миллеръ (Еж. соч. 14—15 стр.) относитъ ихъ основаніе къ 1604—5 годамъ, а въ томъ мѣстѣ, которое цитуетъ Абрамовъ, Миллеръ упоминаетъ о нихъ, какъ только возобновленныхъ Кипріяномъ. Въ донесеніи самого Кипріяна эти монастыри называются *старыми*. И. А. т. 3, № 103.

7) Объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

8) Ж. М. Н. П. 1854 г. № 2.

9) Др. Р. В. III. 143.

10) Изв. общ. ів. 175 стр.

11) Вѣра и Разумъ. 1891 г. № 7. Сибирскіе архіен. Буцияскаго, стр. 414.

12) Тобольск. ен. вѣд. 1887 г. № 18—19; стр. 342—3.

13) Эта пустынь основана Герасимомъ Каченскимъ на Енисей около Красноярска при устьѣ р. Березовки. Тоб. ен. вѣд. 87 г. ів. 342; стр. 1866 г. I, 81 стр.

дующее десятилѣтіе при архіеп. Герасимѣ, который „прилагалъ особенное стараніе къ сооруженію новыхъ церквей и монастырей“¹⁾; они возникаютъ въ Енисейскѣ, въ Верхоленскомъ острогѣ, на р. Исети, въ Красноярскѣ, Кузнецкѣ и др.²⁾. При Симеонѣ—церкви въ Иркутскѣ, слободѣ Служной, Туруханскѣ, Ялудровскѣ, Верхоленскѣ, Якутскѣ и монастыри—Междугорскій Ивановскій съ церковью. Кондинскій, Троицкій, Томскій Алексѣевскій, Киренскій Троицкій съ двумя церквами и Якутскій Спасскій³⁾. При митрополитѣ Корниліи—монастыри Вознесенскій въ Иркутскѣ съ церковью, Знаменскій женскій тамъ же и два монастыря на Амурѣ (на брусняномъ камнѣ и на р. Кумарѣ) и церкви въ Масленскомъ, Усть-міясскомъ, Красногорскомъ, Окуневскомъ острогахъ, въ Бешкильской, Терсютской, Ингалинской слободахъ и въ Воскресенскомъ селѣ⁴⁾. Наконецъ, въ послѣднее двадцатипятилѣтіе появились церкви или монастыри въ Даурскихъ острогахъ, за Байкаломъ, на Амурѣ, словомъ, вездѣ, куда проникла русская колонизація. Такъ, въ это время были церкви и монастыри въ Нерчинскѣ, Киренскѣ, Кабанскомъ острогѣ, Верхнеудинскомъ и др. и часовни въ селахъ Лапкаевскомъ Лугу, Покровскомъ и Голоустномъ⁵⁾. Монастырей къ концу 17-го вѣка было даже въ излишнѣ, такъ что при м. Игнатіи уже запрещено новое основаніе ихъ, потому что, какъ сказано въ грамотахъ, „въ Сибири мужскихъ и женскихъ монастырей, гдѣ всякаго чина православнымъ христіаномъ постригаться и спастись довольное число есть“⁶⁾.

1) Такъ говоритъ авторъ „Тобольской епархіи“, ч. 2, стр. 20.

2) Латкинъ. Ен. губ. 416 стр.; Иркутскія ел. в. 1876 г. № 1, 12 стр. Странн. 66 г. III, 56—59 стр.; Доп. къ И. А. т. 3, № 42; Приб. къ Иркутск. ел. в. 76 г., 70—71; 78 г. 161 стр.; Мил. Еж. соч. 506—507. Странникъ 65 годъ, Май: Записка и отчетъ о Забайкальской миссіи.

3) Древнія церк. грам. восточно-сиб. края, арх. Мелетія, стр. VII и № 5. Странн. 67 г. III, 35—40; Латк. Е. г. 412. 416; Тоб. е. в. 87 г. № 21—22, стр. 419—420; Томск. е. в. 81 г. № 24, 378. Филаретъ. Ист. р. ц. пер. IV, стр. 54. Амвросій. Ист. рос. іер. ч. IV, 368—9 стр.

4) Тоб. ел. ч. 2, стр. 28; Др. цер. гр. стр. VII—VIII; ср. № 4; Странникъ 67 г. ч. 3, 56 стр.

5) Др. цер. гр. № 12, 18, 26, 62, 92. Странникъ. 67 г. Окт. стр. 30.

6) И. А. т. 5, № 276; Полное Собр. Закон. т. 3, № 1629.

В. Положеніе миссіонерскаго дѣла и открытіе Даурской миссіи. По слѣдамъ русскихъ завоеваній шло знакомство сибирскихъ туземцевъ съ христіанской религіей почти за весь 17 вѣкъ. Они знакомятся, главнымъ образомъ, съ внѣшней стороною христіанства, съ его обрядностью и культомъ. Что же касается до болѣе полнаго ознакомленія инородцевъ съ истинами христіанской религіи, чрезъ назначенныхъ къ тому лицъ, т. е. извѣстной организаціи миссіонерскаго дѣла, то этотъ вопросъ предстоитъ теперь нашему разсмотрѣнію.

За первое время существованія церкви въ Сибири, миссіонерское дѣло находится въ совершенно заброшенномъ видѣ, впрочемъ, и понятно почему. Съ одной стороны, нужно было дожидаться окончательнаго утвержденія русскаго владычества, чего еще не было при Грозномъ, когда инородцы, уступая только мѣсто пришедшимъ покорителямъ, не имѣли съ ними никакихъ сношеній, на почвѣ которыхъ могло бы начаться дѣло миссіонерства. Съ другой стороны—слѣдовавшее за смертью Грознаго время, полное смуть и неурядицъ, естественно на себя лишь обращало вниманіе правительства, отвлекая его отъ далекой вотчины. Поэтому за эпоху до учрежденія епархіи не видно ни въ одной грамотѣ правительственной никакихъ указаній о миссіонерской дѣятельности. Если само правительство обходило вниманіемъ это дѣло, тѣмъ болѣе не существовало къ тому никакихъ попытокъ со стороны сибирскаго населенія. Не говоря уже о воеводахъ, которые въ большинствѣ случаевъ заботились лишь о выжиманіи послѣднихъ соковъ изъ своихъ подчиненныхъ, а тѣмъ болѣе изъ инородцевъ, и вообще о свѣтской власти, и не обращали никакого вниманія на остальное поселеніе, которое не въ состояніи было оказать благотѣльнаго вліянія на инородцевъ, самое духовенство, при своей малочисленности и незавидномъ матеріальномъ положеніи, а, главнымъ образомъ, по своей нравственной непорядочности, не могло быть инициаторомъ этого дѣла.

Какъ бы то ни было, благодаря ли вліянію отдѣльныхъ личностей или давленію корыстныхъ цѣлей, примѣры принятія христіанской религіи были и за это время. Очепь возможно, что корыстныя цѣли всего болѣе имѣлись при этомъ въ виду.

Дѣло въ томъ, что новокрещенные принимались въ число служилыхъ людей ¹⁾, какое положеніе для инородца, забитаго и загнаннаго, обременнаго какъ государственнымъ налогомъ, такъ еще болѣе „посулами и поминками“ на воеводъ и прочихъ начальныхъ лицъ, было, конечно, очень привлекательнымъ. Кромѣ того, новокрещенные получали довольно значительные подарки. Такъ, вогуличамъ, крестившимся въ Верхотурьѣ въ 1603 году, выдаю „по два сукна среднихъ, да по рубашкѣ, да по сапогамъ“, а по царскому указу прибавлено „по три рубля, да по сукну по доброму“ ²⁾. Въ виду этого, для болѣе чистыхъ, нравственныхъ мотивовъ остаются лишь предположенія. Начало принятія христіанства положено княземъ Обдорскимъ Василиемъ, крестившимся въ царствованіе Θεодора Іоанновича ³⁾. Въ 1599 году принимаетъ крещеніе сынъ пелымскаго князя Тагая ⁴⁾, и семейство кодскихъ князей Олачевыхъ—князь Игичей, его мать и внукъ ⁵⁾. Въ грамотѣ Бориса Годунова къ тюменскому головѣ Θεодору Якову упоминается о 55 семействахъ новокрещенныхъ ⁶⁾. Въ различныхъ грамотахъ и актахъ указываются и еще нѣсколько лицъ, принявшихъ крещеніе. Таковы,—остяки Микитка Осиповъ ⁷⁾ и Степанъ Пуртіевъ ⁸⁾; вогуличи—Бай мурза, Обайтко, Кулакъ и казакъ Арцыбашевы ⁹⁾, татаринъ Иванко, ¹⁰⁾ Олешко Сулбукчеевъ ¹¹⁾, Осипъ Шехиревъ ¹²⁾ и толмачъ Лучка ¹³⁾. Впрочемъ, быть можетъ, это были лица изъ упомянутыхъ крестившихся семействъ.

Съ открытіемъ Сибирской епархіи и подъ вліяніемъ опредѣ-

1) И. А. т. 3, № 46.

2) И. А. т. 2, № 43.

3) Хрон. пер. стр. 63, прим. 30.

4) Милл. Оп. С. ц. 239 стр.

5) Милл. Еж. соч. 32; ср. Р. И. Б. т. 2 № 68. Позднѣ (въ 1603 г.) крестился и сынъ Игичей. Милл. Оп. С. ц. 255 стр. прим. Еж. соч. 32—33; Хр. пер. 33 стр.

6) Милл. Оп. С. ц. 354 стр. прим.

7) См. его челобитную къ М. Θ. у Мал. Оп. С. ц. стр. 313—314.

8) Грамота Бор. Год. отъ 1601 г. Милл. ib. 275, прим.

9) И. А. т. 2, № 43; ср. Р. И. Б. т. 2, № 91.

10) Р. И. Б. т. 2, № 82.

11) Милл. ib. 324, прим.

12) И. А. т. 3, № 46.

13) Милл. 427, прим.

лившагося взгляда правительства на просвѣтительную задачу Русскихъ въ Сибири, дѣло миссіонерства подвинулось какъ будто нѣсколько впередъ. Одною изъ цѣлей открытія епархіи было упорядочить дѣло просвѣщенія инородцевъ христіанствомъ. До насъ сохранилась грамота патріарха Филарета первому архіепископу Тобольскому Кипріану и наказъ, данный архіепископу Макарію, при его вступленіи на Сибирскую кафедру. Изъ этихъ документовъ видно, что миссіонерство вмѣняется въ обязанность архіепископу. Указывая на значеніе послѣдняго, патріархъ Филаретъ, между прочимъ, говоритъ, чтобы архіепископъ послалъ въ Сибирь, „да проповѣдь спасенія словеси Божія въ странѣ оной растеть“¹⁾. А въ „памяти“ Макарію предлагается „всякими обычаяи приводити ихъ (инородцевъ) ко крещенію съ любовію“²⁾. Въ качествѣ средствъ привлеченія инородцевъ рекомендуется приглашеніе ихъ къ архіепископскому двору для бесѣдъ, угощеніе и снабженіе необходимымъ платьемъ, а также защита отъ произвола и притѣсненій воеводъ. Насильственное крещеніе запрещается и предписывается крестить лишь тѣхъ, „которые похотятъ креститься своею волею“. Въ случаѣ, если изъявляетъ желаніе креститься инородецъ—преступникъ, то крещеніе избавляетъ его отъ наказанія; только архіепископъ долженъ задержать его у себя до разслѣдованія дѣла, потому что это допускается при всѣхъ преступленіяхъ, „опричь измѣны“. Въ случаяхъ массоваго крещенія архіепископъ предварительно сносится съ царемъ³⁾. Этими двумя документами исчерпываются всѣ свѣдѣнія о распоряженіяхъ правительства сибирскимъ іерархомъ по миссіонерскому дѣлу до митрополита Павла, при которомъ открыта первая сибирская миссія. Вѣроятно, указы или памяти, вручаемые слѣдующимъ (за Кипріаномъ и Макаріемъ) архіепископамъ были аналогичны, съ только что приведенными. Такое предположеніе подтверждается и тѣми грамотами воеводамъ разныхъ городовъ, въ которыхъ находятся распоряженія по крещенію

1) Собраніе госуд. гр. и дог. т. 3, № 60, стр. 252.

2) Описаніе госуд. архива стар. дѣлъ. Иванова, стр. 265.

3) Опис. гос. арх. ст. дѣлъ, стр. 264—265.

инородцевъ. Измѣняется, впрочемъ, нѣсколько отношеніе къ побужденіямъ крещенія; оно становится болѣе строгимъ. Такъ, въ двухъ наказахъ, данныхъ якутскимъ воеводамъ, при ихъ вступленіи въ должность, (одинъ—въ архіепископство Симеона, другой при м. Корнилиі) дѣлается, съ одной стороны, запрещеніе насильственнаго крещенія ¹⁾ („...„ни какихъ иноземцовъ и женъ ихъ и дѣтей во дворъ не имати... и не крестити... и всякимъ людемъ крестить не велѣтъ же“), съ другой—дается приказаніе имѣть въ виду мотивы крещенія. „А будетъ кто изъ ясачныхъ людей похочетъ креститца своею волею, и тѣхъ людей велѣтъ крестити, *сыскавъ про нихъ допряма, что своею ли волею хотятъ креститца*“ ²⁾.

Не смотря однако на то, что необходимость просвѣтительной дѣятельности выяснилась въ сознаніи правительственныхъ сферъ, дѣло миссіонерства еще не получило никакой организаціи, и благодаря этому, съ одной стороны, а съ другой—и многимъ иного рода неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, плохо подвигалось впередъ. Препятствующія обстоятельства мы выяснимъ нѣсколько ниже, а теперь посмотримъ, какъ трудились сибирскіе іерархи на поприщѣ миссіонерства, какія мѣры употребляли они для пріобрѣтенія довѣрія инородцевъ и благовѣстія среди нихъ Евангелія. Одною изъ этихъ мѣръ было, согласно инструкціи, приглашеніе на архіепископскій дворъ, гдѣ архіепископъ бесѣдовалъ съ инородцами объ ихъ нуждахъ ³⁾. Безъ сомнѣнія, на бесѣдахъ происходили и разсужденія о вѣрѣ. Чтобы устранить непріязнь и недовѣріе инородцевъ, естественно возникавшія среди нихъ благодаря всему, что имъ приводилось терпѣть отъ воеводскаго произвола, архіепископъ, какъ значительное и авторитетное лицо, по возможности лично оказывалъ какую нибудь помощь притѣсняе-

1) Насильственное крещеніе особенно часто практиковалось надъ плѣнными, которые носили названіе „ясря“. Этотъ „ясря“ почти всегда крестили и часто увозили въ Россію. Оглоблич. Женскіе вопросы въ Сибири въ 17 в. Ист. Вѣсти. 1890 г. № 7, стр. 206.

2) Доп. къ И. А. т. 4, № 46; ср. ib. № 209; Р. И. Б. т. 8, № 10, XXIII.

3) Буцняск. В. и Р. 91 г. № 21, стр. 667.

мымъ, или дѣлалъ донесенія въ Москву ¹⁾). Нѣкоторые ихъ основываемыхъ монастырей предназначались для миссіонерской дѣятельности. Невьянскій Богоявленскій монастырь возобновленъ Кипріаномъ въ этихъ видахъ ²⁾). Можетъ быть, то же можно сказать и о другихъ, получившихъ начало при Кипріанѣ монастыряхъ, напр., Рождественскомъ Тагильскомъ. Архіепископъ Макарій устраивалъ церкви и часовни въ инородческихъ мѣстностяхъ ³⁾). Объ архіепископѣ Нектаріи извѣстно, что монаховъ, отличавшихся строгостью жизни, онъ отправлялъ для проповѣди Евангелія ⁴⁾). Кондинскій Троицкій монастырь возобновленъ архіеп. Симеономъ въ миссіонерскихъ цѣляхъ ⁵⁾). При этомъ прежняя система одариванія крещаемыхъ оставалась въ полной силѣ ⁶⁾). Что касается отношеній духовной власти къ мотивамъ крещенія, то они, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ архіепископахъ, являются довольно строгими. Особенно отличался этой строгостью архіепископъ Макарій. Обыкновенно практиковалось и было мнѣніемъ правительства, выраженнымъ, какъ мы видѣли, въ наказѣ Макарію, чтобы принимать инородцевъ, пожелавшихъ креститься, „убѣжавъ къ архіепископу отъ опалы“. Крещеніе, по принятой практикѣ, избавляло отъ наказанія. Макарій не такъ смотрѣлъ на это дѣло и въ одной изъ своихъ отписокъ въ Москву упоминаетъ, что церковные законы пезволяютъ принимать лишь тѣхъ лицъ, крещеніе которыхъ вызвано искреннимъ убѣжденіемъ, а не страхомъ наказанія или другими подобными мотивами. Въ послѣднемъ случаѣ архіепископъ справедливо опасается, что новокрещенный снова „заворовавъ обусурманится“ ⁷⁾). Можетъ быть, подобнымъ взглядомъ церковной власти объясняется и указан-

1) Буцинск. ів.

2) Пермск. еп. вѣд. 1868 г. н. о. стр. 684.

3) Тобольская епархія. ч. 2, стр. 14.

4) Тобольск. еп. ч. 2, стр. 18.

5) Др. Р. В. III, 35; Фил. ц. и. пер. 4, стр. 54.

6) Р. И. Б. т. 8, № 11, XXXIII.

7) Буцинск. В. в Р. 91 г. № 7, стр. 423. Этимъ Буцинскій (ів.) объясняетъ фактъ отказа Кузнецкаго священника въ крещеніи нѣсколькимъ инородцамъ. См Р. И. Б. т. 8, № 11, XXI.

ная нами переменна взглядовъ свѣтскаго правительства на побужденія къ принятію христіанства.

Всѣ указанная частныя мѣры и попытки не приносили хорошихъ результатовъ, вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, какія сложились для миссіонерскаго дѣла въ Сибири. Къ числу этихъ условій должно отнести, во-первыхъ, жалкое положеніе инородцевъ среди всѣхъ тѣхъ притѣсненій, какія шли какъ отъ воеводъ, такъ и отъ всякаго маломальски властнаго лица,—положеніе, вызывавшее въ притѣсняемыхъ недовѣріе и озлобленность, часто прорывавшіяся въ сильныхъ возмущеніяхъ ¹⁾. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣкоторые изъ такихъ фактовъ. Въ отпискѣ томскаго воеводы Болинскаго Василю Шуйскому докладывается о слѣдующемъ поступкѣ Нарымскихъ головъ Матвѣя и Семена. „Какъ ѣхали, говорится тамъ, Матвѣй и Семень... ясашныхъ людей пытками пытали, и поминки съ нихъ великіе имали, и ихъ грабили... и емлютъ посулы и поминки великіе... рублевъ по десяти и по двадцати ²⁾. Однажды нѣсколько казаковъ въ Березовскомъ уѣздѣ „могилы (остяковъ) раскопали, и животы ихъ поймали, и по ихъ вѣрѣ отъ шайтановъ серебро отнимаютъ и шайтановъ грабятъ“ ³⁾. Верхотурскіе казаки „чинили насильство и обиду великую, сверхъ государева ясаку имали себѣ насильствомъ рублевъ по сороку... и на воеводъ правили поминки великіе ⁴⁾. Указанные факты относятся ко времени до учрежденія епархіи. Однако и далѣе мы видимъ тотъ же произволъ и тѣ же насильства. Вліяніе архіепископа не всегда могло простираться далѣе епархіальнаго города,—оно и здѣсь не всегда было прочно, а потому притѣсненія „ясашныхъ людей“ продолжаются, и чѣмъ далѣе отъ Тобольска, тѣмъ сильнѣе и чаще.“ До чего доходилъ иногда воеводскій произволъ, можно видѣть изъ чисто разбойническихъ поступковъ якутскаго воеводы Головина,

¹⁾ См. напр. Р. И. Б. т. 2, № 75, 89, 100, 110; Мил. Оп. С. и. стр. 425 443. 446.

²⁾ Р. И. Б. т. 2, № 83.

³⁾ Иб. № 91.

⁴⁾ Акты Археографической Экспедиціи, т. 3, № 42.

который по вынужденному оговору новокрещена „Ивашки Остяка захватывалъ Якутовъ, пыталъ и огнемъ жегъ и въ тюрьму отдалъ“, а здѣсь морилъ ихъ голодомъ, такъ что „съ пытокъ и съ голоду и со всякой тюремной нужи помирали“¹⁾. Звѣрскій нравъ этого человѣка еще болѣе проявился въ слѣдующемъ поступкѣ. Напавъ на улусъ одного якутскаго князька, „того князька Камыка съ его улусными людьми, съ женами, съ дѣтьми, сжегъ человѣкъ съ триста“²⁾. Подобною дѣятельностью отличился и другой воевода въ Якутскѣ—Василій Пушкинъ³⁾. Можно себѣ представить теперь, могла ли привлекать инородцевъ вѣра ихъ покорителей, отнявшихъ у нихъ землю и притѣснявшихъ ихъ вездѣ, гдѣ только можно. Могли ли такія проявленія жестокости и звѣрства вызвать какія нибудь чувства, кромѣ ненависти къ народу и всѣмъ его обычаямъ. Этого, можетъ быть, и не было бы, если бы инородцы терпѣли лишь отъ разныхъ служилыхъ людей, которые собственно и имѣли надъ ними власть, и если бы остальной элементъ населенія могъ оказывать на нихъ благотѣльное нравственное вліяніе. Однако, и въ данномъ случаѣ приходится отвѣчать отрицательно. Облагораживающее вліяніе можно имѣть при условіи собственной нравственной порядочности, а этого условія какъ разъ и не имѣли сибирскіе поселенцы. Въ большинствѣ состоя изъ проходимцевъ и любителей разгульной, разнузданной жизни, они не могли служить для инородцевъ примѣромъ христіанской жизни. Тѣмъ болѣе, они не имѣли такого значенія по своимъ отношеніямъ къ инородческому населенію, отношеніямъ, въ которыхъ почти все строилось на обманѣ и насиліи.

Естественно думать, что нравственное вліяніе, такъ необходимое для успѣха миссіи, должно было оказывать духовенство, какъ сословіе, имѣющее это своею прямою обязанностью. Къ

1) Челобитная на Головина отъ 1645 г. Доп. къ И. А. т. 3, № 5, II.

2) *Ib. ib.*

3) Доп. къ И. А. т. 3, № 56. Хотя и не съ такими жестокостями, притѣсненія существовали повсюду. См. напр., Мил. Оп. С. ц. 254, прим., 406, прим. Доп. къ И. А. т. 4, № 144; *ib.* № 209; И. А. т. 5, № 240, № 262, II; И. С. 3. т. 3, № 1526.

сожалѣнію, и духовное сословіе, какъ бѣлые священники, такъ и монашествующія лица, далеко не стоитъ на высотѣ своего назначенія. Не говоря уже о невысокомъ уровнѣ его умственнаго развитія, не упоминая и о недостаточности духовныхъ лицъ въ Сибирской епархіи, нужно обратить вниманіе на низкое нравственное состояніе этого сословія въ Сибири. На это, конечно, были свои причины. Во-первыхъ, добровольцами въ Сибирь почти никто изъ духовенства не ѣхалъ, благодаря неблагоприятнымъ матеріальнымъ условіямъ, печальной зависимости отъ воеводъ и отдаленности Сибирскаго края. Поэтому, во-вторыхъ, являвшіяся, по собственному желанію, духовныя лица въ большинствѣ были способны, какъ говорится, среди волковъ по волчьи выть. Далѣе, отправленное, по распоряженію власти, духовенство или находило для себя возможными безобразія, какъ бы въ отместку за причиненную имъ непріятность, или по необходимости должно было подчиниться существующимъ условіямъ жизни, а оказывая безплодныя попытки противодѣйствія, страдать за нихъ. Сказанное, главнымъ образомъ, относится къ бѣлому духовенству; что же касается монашества, то темныя стороны монастырской жизни выступаютъ такъ рѣзко почти за все время до 18 вѣка, что говорить о значеніи сибирскаго монашества, по крайней мѣрѣ въ общемъ его составѣ, для дѣла нравственнаго воздѣйствія на инородцевъ, едва ли возможно ¹⁾.

При указанныхъ условіяхъ всѣ попытки, предпринимавшіяся нѣкоторыми ихъ сибирскихъ іерарховъ, должны были рушиться или, по меньшей мѣрѣ, не приносить никакой пользы, кромѣ привлеченія рѣдкихъ, отдѣльныхъ личностей. Оно такъ и было. За все это время мы видимъ только обращеніе единичныхъ личностей. Таковы изъ извѣстныхъ намъ—*Оеодоръ Масальскій*, *Петръ Бобрувска*, *Яковъ Михайловъ*—кузнецкіе служилые люди ²⁾, *Татарка Тоибика* ³⁾, *Олешка Бокай* ⁴⁾, князь *Никифоръ*

¹⁾ Ниже, при обзорѣ религіозно-нравственнаго состоянія сибирскаго общества, высказанныя утвержденія фактически будутъ обоснованы. Указаніе этихъ фактовъ здѣсь привело бы насъ къ излишнему повторенію. Поэтому просимъ читателя пока повѣрить намъ на слово.

²⁾ Р. И. Б. т. 8, № 11, XXI.

³⁾ Ib. ib. XXIII.

⁴⁾ Р. И. Б. т. 8, № 11, XXIII.

Алачевъ Юрьевичъ Лобановъ съ семействомъ ¹⁾, двѣ „остяцкихъ женочки“ Акулина и Соломонида ²⁾, нѣсколько молодыхъ татаръ ³⁾, „Ивашка Остякъ“ ⁴⁾, якутъ „Якунька Бянтинь“ ⁵⁾ и вѣроятно нѣк. др.

Неудовлетворительность миссіонерскаго дѣла стала, наконецъ, обращать на себя вниманіе правительства, а дѣло разрѣшилось открытіемъ Даурской миссіи. На соборѣ 1681 года, при патріархѣ Іоакимѣ, царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ было сдѣлано предложеніе учредить вторую сибирскую епархію въ Енисейскѣ. Предложеніе мотивировано такъ: „сибирская страна пространна и въ ней множество народа, Христа незнающаго... и въ тѣхъ мѣстахъ православная вѣра не расширяется“ ⁶⁾. На предложеніе царя соборъ отвѣчалъ такимъ постановленіемъ: „въ дальніе грады на Лену въ Дауры... посылать отъ духовнаго чину архимандритовъ и игуменовъ или священниковъ добрыхъ и учительныхъ для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія иновѣрныхъ“. Учрежденіе же епархіи найдено несвоевременнымъ „малолюдства ради христіанскаго народа“ ⁷⁾. Въ томъ же году миссія была составлена и отправлена на Востокъ „для призыву и крещенья въ православную христіанскую вѣру иноземцевъ и строити монастырь“ ⁸⁾. Составъ миссіи былъ слѣдующій: игумень Ѳеодосій, стоявшій во главѣ ея, іеромонахи Макарій и Серафимъ, іеродіаконъ Мисаиль и 8 монаховъ—Зосима, Іона, Тихонъ, Іоасафъ, 2 Іосифа, Филареть и Іовъ ⁹⁾. Проѣзжая черезъ Тобольскъ, миссіонеры являлись митрополиту Павлу, который далъ имъ наказъ „въ Даурахъ... иновѣрцевъ всякихъ вѣръ къ православной христіанской вѣрѣ призывати... и крестити... и приводити безъ тче-

1) Др. Р. В. III, 154.

2) И. В. 1890 г. № 7: Оглобл. Женск. вопр. въ Сиб въ 17 в.

3) Р. И. Б. т. 8, № 11, XXI.

4) Дон. къ И. А. т. 3, № 5, 2.

5) Ib. т. 8, № 12.

6) И. А. т. 5, № 75.

7) И. А. т. 5, № 75.

8) Др. ц. грам. № 7, стр. 9—10.

9) Ib. стр. XIV—XV.

славія и гордости со благоучительнымъ намѣреніемъ... чтобъ отъ какихъ словъ строптивыхъ иноземцевъ чѣмъ не отлучити и отъ святаго дѣла не отвратити“¹⁾). Помѣститъ миссію предполагалось во вновь устроенномъ монастырѣ. Поэтому царь немедленно, послѣ состоявшагося соборнаго рѣшенія, отправляетъ указъ Селенгинскому воеводѣ, гдѣ, извѣщая его о посольствѣ миссіи, приказываетъ отвести на берегахъ Селеинги мѣсто для постройки монастыря удобное и безопасное и выдать на расходы по постройкѣ 200 или 300 рублей. Въ случаѣ, если подходящаго мѣста не найдется, предписывается поселить миссіонеровъ въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ²⁾). Въ свою очередь и митрополитъ Павелъ шлетъ воеводѣ грамоту съ просьбою поспособствовать миссіонерамъ³⁾). Удобное для постройки монастыря мѣсто нашлось верстахъ во 100 отъ Селенгинскаго острога на мѣстѣ старой Николаевской часовни⁴⁾), гдѣ онъ и построенъ. Что касается содержанія этого монастыря, то для него отведены земли подъ пашню и покосы какъ около Селеинги, такъ еще на Байкалѣ около Посольскаго мыса, гдѣ почти одновременно также построенъ монастырь, получившій названіе Посольскаго⁵⁾). Позднѣе средства монастыря увеличены—пожертвованіемъ въ 1688 году Темлюйскаго урочища съ заимкою⁶⁾), а въ слѣдующемъ году назначеніемъ жалованья миссіонерамъ—игумену 5 рублей, священнику 3, діакону 2 и „рядовымъ“ монахамъ по рублю⁷⁾). Такъ получила начало и устроилась первая сибирская миссія.

Къ сожалѣнію, о дѣятельности ея за время до 18 вѣка имѣются очень неопредѣленныя свѣдѣнія. Въ вѣдомости архимандрита Мисаила, касающейся первоначальной дѣятельности Даурской миссіи, находимъ неопредѣленное выраженіе, что миссіонеры „многихъ невѣрныхъ крестили“⁸⁾). Изъ этихъ не-

¹⁾ И. А. т. 5, № 69, II. Др. ц. гр. № 8.

²⁾ Доп. къ И. А. т. 8, № 91, I.

³⁾ Ib. II.

⁴⁾ Ib. III.

⁵⁾ Ib. ср. Др. ц. гр. XVIII—XIX.

⁶⁾ Др. ц. гр. стр. XIX.

⁷⁾ И. А. т. 5, № 178, Др. ц. гр. № 16.

⁸⁾ Др. ц. гр. стр. XII.

вѣрныхъ извѣстны только тунгузскій князь Гантимуръ да два человека „мунгальской породы“—Романовъ и Сергіевъ ¹⁾. Какъ вели свое дѣло миссіонеры, какіе труды положили на него, какія мѣры и средства выработали для большихъ успѣховъ проповѣди—остается неизвѣстнымъ. Лишь, по сообщенію архимандрита Мелетія, видно, что, воспользовавшись обычаемъ покупать инородцевъ, они дѣлали тоже „для надлежащаго воспитанія (ихъ) въ духѣ христіанства“, а „для пріученія (новокрещенныхъ) къ русскому православному быту“ селили ихъ на монастырской землѣ“ ²⁾. Скудость свѣдѣній объясняется, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствамъ, что дѣятельность миссіонеровъ была безотчетной, по крайней мѣрѣ, на первое время, потому что митр. Павелъ въ своей грамотѣ игум. Феодосію высказывается, между прочимъ, чтобы миссіонеры дѣлали свое дѣло, „с томъ... въ Tobольскѣ не отписываясь“ ³⁾.

Открытіе Даурской миссіи если пока не улучшило, то, по крайней мѣрѣ, дало организацію миссіонерскому дѣлу лишь въ одномъ Даурскомъ округѣ. По остальнымъ мѣстностямъ оно оставалось на прежнихъ началахъ,—снова мы встрѣчаемъ тѣ же общія распоряженія по этому дѣлу ⁴⁾. Впрочемъ, существовалъ уже довольно сложный порядокъ по дѣламъ инородческаго крещенія; вездѣ ли онъ существовалъ, трудно сказать, но несомнѣнно, что въ Tobольскѣ это было такъ. По одному изъ наказовъ Tobольскому воеводѣ, мы видимъ, что дѣло велось въ такомъ порядкѣ. Желаящіе крещенія подаютъ просьбу въ Приказную Палату, гдѣ, по разсмотрѣнн этой просьбы, ихъ

¹⁾ Др. Р. В. III, 256; Др. ц. гр. XIV стр. Правда высокопреосв. Филаретъ (Ист. р. ц. изд. 1857 г. пер. IV, стр. 56) говоритъ о Даурскихъ спискахъ новокрещенныхъ, причемъ цитуетъ II. А. 5. 109. 110. 183, а Акты Эксп. 4,397, однако мы не нашли этихъ списковъ.

²⁾ Др. ц. гр. стр. XXIII—XXIV. Въ какихъ отношеніяхъ стояли къ монастырю новокрещенные видно изъ приводимой арх. Мелетіемъ „поручной записи“. Они обязаны были пахать десятину земли для монастыря и за это пользовались землею для собственной нужды, „елико мочь будетъ“. Др. ц. гр. XXIV—XXV.

³⁾ II. А. т. 5, № 69, II; Др. ц. гр. № 8.

⁴⁾ См. напр., наказъ Якутскому воеводѣ отъ 1694 г. II. А. т. 5, № 240; ср. П. С. З. т. 3, № 1542, 23.

распрашиваютъ, „добровольно ли они хотятъ быть въ православной вѣрѣ“. Послѣ допроса и разслѣдованія ихъ отсылаютъ „для крещеня на митрополичій дворъ“. Если же окажется, что они „своровавъ сбѣжали“, то они прежде подвергаются заслуженному наказанію и уже тогда, если ихъ желаніе не прекращается, отсылаются къ митрополиту. Когда инородецъ обращается непосредственно къ митрополиту, послѣдній обязанъ отнестись въ Палату за свѣдѣніями о неподсудности просителя, и совершаетъ крещеніе при условіи, если на указанное лицо не поступаетъ жалобъ въ теченіе мѣсяца. Жалобы, поступившія по истеченіи этого срока, оставляются безъ вниманія ¹⁾).

П. Овчинниковъ.

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ П. С. З. т. III, № 1591, 20.

Нравственная наука въ эмпирико-утилитарныхъ системахъ.

Изъ всѣхъ нравственныхъ системъ новаго времени едва-ли какая-либо другая подвергалась такимъ сильнымъ и серьезнымъ порицаніямъ, какъ система утилитарная. Значеніе этой системы старались подорвать съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія: ее считали не только ложною въ теоретическомъ отношеніи, но и пагубною по своимъ практическимъ послѣдствіямъ; ее обвиняли въ томъ, что она—теорія грубая, эгостическая, безрелигіозная и даже безнравственная, что вмѣсто прочныхъ принциповъ жизни она предлагаетъ людямъ химеру, такъ какъ стремленіе къ общему счастью прямо невыполнимо и т. д. Утилитаризмъ, однако же, не погибъ подъ тяжестью этихъ порицаній, а напротивъ получилъ такое широкое распространеніе, какъ ни одна изъ философскихъ системъ нравственности. Защищаясь отъ порицаній, онъ только постоянно мѣнялъ, такъ сказать, свои боевыя позиціи и постоянно изобрѣталъ новые, болѣе совершенные способы обоснованія и оправданія своей системы, не измѣняя существеннымъ образомъ основныхъ ея принциповъ. Счастье, какъ цѣль жизни всякаго живаго существа, и содѣйствіе увеличенію суммы общаго счастья, какъ цѣль собственно нравственной дѣятельности,—эти два основныхъ принципа утилитарной морали остались и до сихъ поръ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій; но вопросъ о томъ, какимъ образомъ индивидуальная воля, ищущая себѣ счастья, доходитъ въ то же время и до признанія общаго счастья необходимой цѣлью своихъ стремленій,—получалъ въ утилитарныхъ системахъ весьма разнообразныя рѣшенія. Въ этомъ от-

ношеніи соображенія простого здраваго смысла, служившія главной исходной точкой въ раннѣйшихъ системахъ утилитаризма, замѣнены были у послѣдующихъ его представителей указаніями на громадное значеніе, въ образованіи нравственныхъ представленій, законовъ ассоціаціи, на значеніе воспитанія и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ, мелкихъ, но неотразимыхъ вліяній, какія неизбежно содержатся въ самыхъ условіяхъ соціальной жизни человѣка и какія очень рано развиваются въ насъ чувство „общительности“, стремленіе къ солидарности съ себѣ подобными. Наконецъ, въ ученіи о происхожденіи нравственныхъ стремленій путемъ наслѣдственной передачи прежнихъ опытовъ полезности, накопившихся и закрѣпившихся постепенно въ теченіи цѣлаго ряда человѣческихъ поколѣній,—утилитарная этика нашла для себя новую удобную точку опоры и, вѣроятно, надолго обезпечила свое существованіе.

Одна изъ главныхъ причинъ этой живучести утилитаризма и устойчивости коренныхъ его принциповъ, несмотря на то, что попытки къ надлежащему ихъ обоснованію уже не разъ кончались неудачей,—состоитъ, какъ кажется, въ томъ, что рассматриваемая доктрина обѣщаетъ дать людямъ, повидимому, весьма простое и легкое, а главнымъ образомъ—желательное разрѣшеніе сколько древней, столько же и трудной проблемы объ отношеніи между счастьемъ и нравственностью. Обыкновенно эти два фактора человѣческой жизни считались настолько противоположными другъ другу, что, для объясненія совмѣстнаго существованія ихъ въ природѣ недѣлимаго, этика, какъ религіозная, такъ и философская, интуитивная, почти всегда склонялась къ дуалистическому пониманію психической природы человѣка: загадочную противоположность ея моральныхъ стремленій она склонна была рассматривать, какъ вѣчный антагонизмъ, вѣчную вражду между живущими въ ней началами добра и зла, между духомъ и плотію („матеріей“), между божественной (безконечной, сверхчувственной, идеальной) ея основой и ея чувственными, земными стремленіями, легко находящими себѣ почву въ несовершенствѣ существъ ограниченныхъ. Общая отличительная черта этого ряда системъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ указываются, собственно, не психо-

логическія, а скорѣе—метафизическія основы нравственности. Хотя понятно само собою, что причина *нашего* колебанія между добромъ и зломъ должна быть и отыскиваема внутри насъ же самихъ, но загадочный нравственный дуализмъ нашей индивидуальной природы какъ-то вообще плохо мирился съ мыслию о ея психическомъ монизмѣ и невольно заставлялъ искать для себя окончательнаго объясненія внѣ предѣловъ этой индивидуальности,—въ утвержденіи дуализма метафизическаго и въ признаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ, также и качественной противоположности составляющихъ его началъ, которая затѣмъ переносилась и на душу человѣка, для объясненія антагонизма его моральныхъ стремленій. При этомъ, наше собственное участіе въ явленіяхъ своей нравственной жизни, нашъ нравственный міръ, какъ міръ личный, субъективный, особенный, оставались недостаточно раскрытыми: этотъ міръ, руководясь смысломъ указанныхъ системъ, можно понять скорѣе, какъ поле борьбы, какъ одинъ изъ пунктовъ столкновенія двухъ внѣшнихъ началъ, встрѣтившихся въ душѣ человѣка, нежели какъ выраженіе собственной внутренней жизни единой въ себѣ психической личности. Утилитарная философія постаралась освободить этику отъ тяготѣнія къ дуализму и подыскать въ душѣ самого человѣка такое положительное, индивидуальное свойство, которое служило бы источникомъ и нравственнаго и безнравственнаго, и при помощи котораго, такимъ образомъ, можно бы было объяснить ихъ совмѣщеніе въ человѣкѣ, безъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ и безъ нарушенія психическаго единства личности. Утилитаризмъ дѣйствительно призналъ, что допускаемаго вышеуказанными системами этического дуализма въ природѣ человѣка вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ—не дано изначала; что въ человѣкѣ, какъ и во всякомъ живомъ существѣ, есть только одно стремленіе—къ счастью, къ удовольствіямъ, къ наслажденіямъ жизни,—стремленія, отъ котораго онъ такъ же мало можетъ освободиться, какъ—отрѣшиться отъ своей собственной природы. Всѣ прочія цѣли являются желательными только потому, что составляютъ или средство къ достиженію счастья, или же часть самого счастья. Въ доказательство еще Бентамъ ссылался на повседневный опытъ

и на невозможность обратнаго предположенія: „Поскольку было бы безразсудно, говорить онъ, сказать, что чело-вѣкъ созданъ для того, чтобы искать болѣзней, постольку же безразсудно сказать, что онъ долженъ искать неудовольствій“¹⁾. При этомъ утилитаризмъ старается доказать, что, признавая исключительную монополію за принципомъ счастья, онъ, собственно, вовсе не стоитъ одинокимъ въ ряду другихъ нравственныхъ системъ, напротивъ,—онъ только опредѣленно высказываетъ то, что *implicite* содержится въ всѣхъ, даже самыхъ строгихъ аскетическихъ теоріяхъ. „Только съ перваго и при томъ довольно поверхностнаго взгляда, говорить тотъ же Бентамъ, можетъ показаться, что теорія аскетизма есть анти-тезисъ теоріи утилитаризма. Если же вникнуть въ теорію аскетизма глубже, то окажется, что аскетическая мораль собственно не далеко ушла отъ принципа полезности“, такъ какъ „никто не скажетъ объ аскетѣ, что онъ терпитъ лишенія ради самыхъ лишеній, не имѣя въ виду пользы, ожидающей его въ будущемъ“²⁾. Признавъ, такимъ образомъ, стремленіе къ счастью всеобщей и единственно мыслимой цѣлью человѣческой жизни, утилитаризмъ, однако же, не пришелъ къ отрицанію нравственности. Напротивъ, онъ настаиваетъ на безусловной ея обязательности, но утверждаетъ при этомъ, что чело-вѣкъ можетъ творить добро не въ силу какихъ—либо особыхъ побужденій, чуждыхъ его природѣ, ищущей только счастья, и, такъ сказать, насильно навязанныхъ ей, а—лишь исходя изъ того же стремленія къ счастью, которымъ опредѣляется вообще вся его дѣятельность, проще—творитъ добро потому только, что это необходимо въ цѣляхъ самого же счастья. „Еслибы можно было показать, говорить Бентамъ, что для насъ невыгодно исполнять требованія того, что мы считаемъ добродѣтелью, то уничтожилась бы всякая обязанность исполнять ее“. Даже совершенно безкорыстная, повидимому, добродѣтель не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, такъ какъ и ея реальнымъ двигателемъ является собственно тотъ же факторъ. „Если бы вы сказали, утверждаетъ Милль, что же-

¹⁾ Введ. въ осн. нравств. и законод., предисл. ХХХ.

²⁾ Введ. въ осн. пр. и заг. гл. II, стр. 8, 10.

ласте добродѣтели ради нея самой, то это значило бы, что такое ваше желаніе обязано своимъ возникновеніемъ или сознанію того, что быть добродѣтельнымъ доставляетъ наслажденіе, или сознанію того, что быть недобродѣтельнымъ причиняетъ страданіе, или же, наконецъ, обѣимъ этимъ причинамъ вмѣстѣ“¹⁾. Эта зависимость нравственности исключительно отъ мотивовъ счастья должна быть признана не только естественною, но и вполне законною на томъ основаніи, что и сама нравственность не преслѣдуетъ никакой другой цѣли, кромѣ увеличенія того же счастья, къ которому направляются и наши естественныя стремленія. Всякое нравственно—доброе дѣло непремѣнно предполагаетъ благо какого-либо существа или существъ, и добродѣтель, которая никому не приноситъ счастья, равно какъ и зло, которое никому не причиняетъ страданій, есть *contradictio in adjecto*. „Если бы воровство доставляло удовольствіе какъ берущему, такъ и теряющему, мы не нашли бы его въ спискѣ грѣховъ. Если бы мы думали, что добрые поступки умножаютъ страданія людей, мы осудили бы ихъ“²⁾. А если, такимъ образомъ, цѣли нравственности не простираются далѣе увеличенія человѣческаго счастья, которое служитъ окончательнымъ мѣриломъ хорошаго и дурного, то очевидно, что забота каждаго объ увеличеніи своего личнаго счастья, безъ нанесенія ущерба счастью другихъ, не только не предосудительна, а напротивъ должна быть называема прямо нравственнымъ стремленіемъ, такъ какъ черезъ нее осуществляются цѣли самой нравственности. Что же касается нравственности въ собственномъ, обычномъ смыслѣ, то рекомендуемая ею добродѣтель въ отношеніи къ ближнимъ, очевидно, можетъ быть обязательна для меня не потому, чтобы счастье другихъ имѣло, само по себѣ, какую-либо болѣе высокую этическую цѣнность и большія права на существованіе, нежели мое собственное, а потому единственно, что судьбы моего личнаго счастья имѣютъ самую тѣсную, неразрывную связь и переплетаются тысячами невидимыхъ нитей съ благомъ того цѣлаго, къ которому я принадлежу и служеніе которому составляетъ существенное содержаніе

1) Утилитаризмъ и своб. воли, 87.

2) Спенсеръ, Воспитаніе 217.

моихъ нравственныхъ обязанностей. Поэтому, поступая нравственно, т. е., заботясь объ увеличеніи общаго блага, я черезъ это вовсе не являюсь врагомъ своего счастья, а напротивъ достигаю и его умноженія, если не въ видѣ осязательныхъ, непосредственныхъ выгодъ, то въ видѣ пріобрѣтенія, напр., общественаго уваженія, со всѣми могущими возникнуть отсюда благопріятными послѣдствіями и т. п. Напротивъ, узкое себялюбіе, не стѣсняющееся причинять вредъ и страданія другимъ, лишь бы достигать собственныхъ цѣлей, рано или поздно приводитъ къ весьма печальнымъ результатамъ. Сознательное, а чаще бессознательное убѣжденіе въ существованіи такой неразрывной взаимной связи между личнымъ и общимъ счастьемъ, подсказываемое непосредственнымъ знакомствомъ съ жизнью, или внушаемое вліяніемъ воспитанія и авторитета, или, наконецъ, пріобрѣтаемое путемъ наслѣдственнымъ, и служитъ источникомъ нашей благожелательности къ себѣ подобнымъ; оно же лежитъ и въ основѣ нравственнаго чувства, побуждая людей жертвовать своими ближайшими, частными интересами ради болѣе отдаленныхъ и общихъ цѣлей.

Такъ просто, повидимому, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно разрѣшаетъ утилитаризмъ важнѣйшую проблему этики. Счастье есть единственный первичный двигатель всего живущаго: стремленіе къ нему столько же законно, сколько и нравственно, такъ какъ сама нравственность есть лишь стремленіе къ счастью. Тѣмъ не менѣе каждый индивидуумъ долженъ самоотверженно отказываться отъ своего счастья во имя счастья другихъ, и долженъ въ этомъ самоотреченіи находить даже удовольствіе для себя... Читателю утилитарныхъ теорій приходится вообще быть свидѣтелемъ довольно странныхъ превращеній, наблюдая, какъ принципъ, на которомъ совершенно логически строилась эпикурейская и даже—идоническая мораль, является вдругъ въ видѣ основной пружины нравственности; какъ, руководясь одной лишь ненасытной жадой счастья, изъ которой Гоббсъ совершенно логически выводилъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“, какъ девизъ естественнаго состоянія людей,—индивидуумъ постепенно доходитъ до такихъ строгихъ самоограниченій, до такого навыка въ добродѣтели, что нравственное поведеніе ста-

новится, наконецъ, въ свою очередь естественнымъ его поведениемъ. И въ этихъ самоограниченіяхъ въ пользу другихъ онъ начинаетъ находить даже удовольствіе для себя, „подобно тому,—характерно поясняетъ Спенсеръ,—какъ звѣрь, посаженный въ клѣтку, начинаетъ мало-помалу находить удовольствіе въ царапаньи ея стѣнокъ, отчасти замѣняющемъ ему прежнія движенія на волѣ“. Такъ какъ весьма естественно усомниться въ возможности подобной метаморфозы личности въ предѣлахъ продолжительности индивидуальнаго существованія ея, то не удивительно, что утилитаризмъ выродился въ нынѣшній эволюціонизмъ, въ которомъ эта метаморфоза производится дѣйствіемъ всемогущей, всевластной природы, постепенно, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ дѣлающей человѣка тѣмъ, чѣмъ самъ онъ не можетъ сдѣлаться, т. е., существомъ нравственнымъ. И наше время, жадное до всего сенсационнаго и парадоксальнаго, съ жадностію ухватило, и за эти теоріи нравственности, построенныя на апологіи счастья, и обѣщающія сдѣлать человѣка нравственнымъ безъ борьбы, безъ усилій, даже, наконецъ, почти безъ всякаго участія его собственной воли, просто—на основаніи одного стремленія къ счастью. Если прислушаться къ шуму современной жизни и къ той неудержимой погонѣ за счастьемъ, на которой сосредоточены всѣ мечтанія и идеалы нашего времени и къ цѣлямъ которой направляется весь прогрессъ нашей безыдейной культуры, то невольно приходится думать, что утилитарная доктрина не является однимъ только книжнымъ достояніемъ, а проникаетъ въ самую жизнь современнаго общества и—настолько глубоко, что послѣдняя какъ будто течетъ прямо по программѣ, начертанной утилитаризмомъ; или, быть можетъ, наоборотъ—сама эта философія родилась подъ вліяніемъ практическихъ стремленій вѣка, искавшихъ для себя подходящей теоріи....

Какъ уже было замѣчено, утилитаризмъ сильно подкупаетъ въ пользу себя тѣмъ, что въ своей морали старается соединить самый широкій эвдемонизмъ съ очень строгими и очень возвышенными, па первый взглядъ, нравственными требованіями, и такимъ образомъ обѣщаетъ, повидимому, одновременно удовлетворить въ полной мѣрѣ и естественнымъ влеченіямъ чело-

вѣрка къ счастью, къ наслажденіямъ жизни, и—требованіямъ этического инстинкта. Значеніе, отводимое въ утилитарныхъ системахъ эвдемонизму, мы уже имѣли случай показать: стремленіе къ счастью мыслится въ нихъ не только какъ волю законный, но и какъ единственный факторъ, способный опредѣлять волю индивидуума къ дѣятельности. Что же касается достоинства нравственныхъ требованій утилитаризма, то послѣднія, повидимому, имѣютъ настолько высокую пробу, что могутъ и должны быть приняты въ любой нравственной системѣ. Въ самомъ дѣлѣ, утвержденіе утилитаризма,—что всякая добродѣтель непременно направлена на чье-либо благо, говоря вообще—едва ли опровержимо; а если такъ, то „возможно—большее благо возможно большаго числа индивидуумовъ“ есть, повидимому, самый высшій принципъ нравственно-практической дѣятельности, какой только можетъ быть указанъ въ этикѣ. Въ попыткахъ соединить эти два противоположныхъ полюса своей системы, т. е., стихійное, неудержимое, такъ сказать,—органическое влеченіе индивидуума къ ощущеніямъ пріятнаго (личному счастью), которое должно служить мотивомъ, движущимъ индивидуальную волю, и стремленіе къ возможно большому счастью всѣхъ, въ которомъ та же воля должна поставлять цѣль своей дѣятельности, отказываясь ради нея отъ своего счастья,—и состоитъ тотъ Сизифовъ трудъ, къ завершенію котораго такъ долго, такъ упорно и настойчиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ тщетно стремился утилитаризмъ, постоянно мѣняя свои приемы и способы изслѣдовавій. Но бесплодность этихъ усилій зависитъ не отъ несовершенства приемовъ, а—отъ глубокаго внутренняго противорѣчія, лежащаго въ самой основѣ утилитарной философіи. Утилитаризмъ, какъ это требуется самими задачами этики и въ соотвѣтствіе прочимъ моральнымъ системамъ, хочетъ быть наукою нормативной, употребляя терминологию Вундта; подобно имъ онъ стремится навязать волѣ индивидуума опредѣленные нормы жизни, опредѣленные обязанности и правила поведенія; а между тѣмъ, въ своемъ ученіи о природѣ этой воли, о законахъ ея дѣятельности, о мотивахъ, долженствующихъ управлять ею,—онъ приходитъ, въ сущности, къ логическому отрицанію обязательности для нея не только нравственныхъ,

но и вообще какихъ бы—то ни было опредѣленныхъ, устойчивыхъ принциповъ жизни.

При первомъ, поверхностномъ знакомствѣ съ утилитарной этикой, можетъ показаться, что такого противорѣчія въ ней не существуетъ. Напротивъ, можно подумать, что признавъ стремленіе къ счастью основнымъ закономъ жизни и единственнымъ мотивомъ, опредѣляющимъ волю, утилитаризмъ не только совершенно послѣдовательно настаиваетъ на обязательности нравственныхъ принциповъ,—такъ какъ онъ допускаетъ ихъ во имя того же наибольшаго счастья, но и находитъ для нихъ, кромѣ того, могучую, жизненную основу въ естественной природѣ человѣка, утверждая, что нравственное поведение есть наиболѣе пригодное въ цѣляхъ самого счастья поведение. Но всѣ относящіяся сюда попытки утилитарной этики утвердить нравственность на мотивахъ счастья и этимъ путемъ доказать необходимость и обязательность для всѣхъ нравственныхъ принциповъ—основаны лишь на недоразумѣніи, или, точнѣе, на нѣкоторомъ злоупотребленіи безконечной растяжимостью понятія о счастье, благодаря которой рѣшительно всякое человѣческое дѣйствіе, не исключая даже самоубійства, можетъ быть рекомендуемо во имя „наибольшаго счастья“, смотря по тому, что мы будемъ разумѣть подъ нимъ. Для того же, чтобы судить о дѣйствительной практической пригодности этого принципа, нужно помнить, что не всякій безразлично видъ счастья и не для всякаго индивидуума можетъ имѣть одинаковую цѣну и служить одинаково сильной приманкой для его воли, словомъ—быть счастьемъ въ собственномъ смыслѣ; напротивъ, каждый стремится, желаетъ и получаетъ соотвѣтствующее удовлетвореніе не отъ какого угодно вообще счастья, а лишь отъ опредѣленнаго, *своего*, какъ онъ его себѣ представляетъ, сообразно особенностямъ своего душевнаго склада, или характеру настроенія въ данную минуту. Такъ что виды счастья или, точнѣй, пониманіе его, такъ же безконечно разнообразны, какъ разнообразны отдѣльные человѣческіе типы, со всѣми особенностями и оттѣнками ихъ индивидуальности. И если мы, на примѣръ, примемъ во вниманіе разницу, какая существуетъ во взглядахъ на счастье между ребенкомъ

и старикомъ, между цѣломудренной невинностью и поклонникомъ разврата, между завзятымъ кутилой и отдавшимъ себя Богу подвижникомъ, то легко поймемъ, какъ рискованно вообще на почвѣ и во имя наибольшаго счастья отстаивать общую обязательность какихъ-либо опредѣленныхъ принциповъ жизни и отношеній: въ виду того, что счастье у людей не одинаково, въ виду того, что понятія о немъ различны у нихъ до самой крайней степени, нерѣдко—до полной противоположности, легко можетъ случиться, что результаты, къ которымъ поведетъ осуществленіе данныхъ принциповъ, благоприятствуя увеличенію счастья однихъ, окажутся въ тоже время прямымъ несчастьемъ для другихъ. Исключенія не составляютъ, конечно, и законы нравственной жизни, такъ какъ нельзя же допустить, чтобы они вели къ увеличенію вообще всякихъ видовъ счастья; напротивъ, они, какъ извѣстно, требуютъ отъ людей безусловнаго отреченія, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ третей того, въ чемъ тѣ наиболѣе склонны обыкновенно полагать и ощущать свое счастье. По этой причинѣ и сама утилитарная этика, хотя она и манитъ индивидуума вслѣдъ за собою обѣщаніемъ счастья и, такимъ образомъ, хотя и заигрываетъ съ его личными склонностями, изъ удовлетворенія которыхъ оно слагается; но въ дѣйствительности она оказывается совершенно бессильною идти навстрѣчу этимъ склонностямъ; и вмѣсто того, чтобы удовлетворять ихъ, вмѣсто того, чтобы успокаивать стремленіе каждаго къ своему личному счастью, она хочетъ отыскать и навязать людямъ новое понятіе о наибольшемъ счастье, къ которому они должны примѣнять свои склонности, но которое, будучи опредѣленнымъ и одинаковымъ для всѣхъ, могло бы за то оказаться пригоднымъ для утвержденія на немъ опредѣленныхъ принциповъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и для спасенія системы. Точкой отправленія для этихъ довольно странныхъ поисковъ за такимъ понятіемъ о наибольшемъ счастье, которое оказалось бы общепригоднымъ и вошло во всеобщее употребленіе, служитъ раскрытая еще у Бентама мысль о томъ, что чувства удовольствія, изъ которыхъ слагается въ человѣкѣ ощущеніе счастья, если ихъ разсматривать не безотносительно, а въ сравненіи другъ съ дру-

гомъ, имѣютъ далеко не одинаковую цѣну и значеніе: „Если всякое удовольствіе, говоритъ онъ, взятое само по себѣ, есть благо и должно быть изыскиваемо, то взятое въ сравненіи съ другими, оно можетъ имѣть различную силу и значеніе“¹⁾. Эта различная цѣнность удовольствій зависитъ отъ различія въ ихъ интенсивности, продолжительности, отъ вѣроятности или сомнительности ихъ наступленія, а также особенно—отъ послѣдствій, которыя они влекутъ за собою и пр. Эта-то мысль о различной цѣнности удовольствій, о преимуществѣ однихъ передъ другими и внушило утилитаризму невѣроятную надежду согласить людей въ вопросѣ о ихъ наибольшемъ счастьи, а на выясненіи слѣдствій нравственнаго поведенія, дающаго будто-бы наиболѣе продолжительныя и прочныя блага, построить систему нравственности, объявивъ нравственное поведеніе вполне гармонирующимъ со стремленіемъ къ наибольшему счастью. Какъ не трудно видѣть, въ данномъ случаѣ фигурируютъ слѣдующія положенія: 1) наибольшее счастье хотя и должно служить единственной цѣлью человѣческихъ стремленій, но понятіе объ немъ должно быть ограничено лишь нѣкоторыми видами удовольствій, имѣющими преимущественное предъ другими право на это названіе; 2) эти преимущественныя, въ смыслѣ прочности и продолжительности, блага осуществляются лучше всего, и даже исключительно, черезъ нравственное поведеніе; 3) слѣдовательно, послѣднее и должно быть избираемо.

Благодаря указанному сейчасъ маневру, получилось, такимъ образомъ, искомое наибольшее счастье и его полное совпаденіе съ нравственной жизнью; оказалось, что индивидуумъ, для того, чтобы получить наибольшее счастье, долженъ весьма сильно ограничивать свои стремленія къ нему и вообще—пользоваться имъ не иначе, какъ только по рецепту, составленному на основаніи точныхъ изслѣдованій жизни и—сопоставленія различныхъ видовъ стремленія къ счастью. Не вдаваясь здѣсь въ подробный обзоръ всѣхъ посредствующихъ звеньевъ, которыми связываются подобнаго рода положенія, замѣтимъ лишь вообще, что приспособленная къ цѣлямъ утилитарной морали

¹⁾ Введ. въ осн. пр. и законод. 27.

попытка опредѣлить для людей ихъ наибольшее счастье ложна по самой своей идеѣ, по крайней мѣрѣ—на почвѣ утилитарной философіи. Она, очевидно, покоится на предположеніи, что изъ безконечно разнообразныхъ формъ человѣческаго счастья можно составить нѣкоторый экстрактъ, настолько удовлетворительный, что онъ войдетъ во всеобщее практическое употребленіе, вытѣснивъ и замѣнивъ собою всѣ субъективные взгляды людей на счастье. Но допустить подобное предположеніе значило бы—возобновить мечты средневѣковыхъ алхимиковъ объ открытіи философскаго камня, или жизненнаго элексира. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно допустить, чтобы всѣ люди, со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ внутренней жизни и душевнаго строя, сошлись вдругъ между собою въ рѣшеніи вопроса о наибольшемъ счастьи и этимъ единогласнымъ рѣшеніемъ руководились въ своихъ притязаніяхъ на счастье и даже въ самомъ пониманіи его? Какимъ, напр., образомъ, воръ, стремясь къ счастью, можетъ черпать его оттуда же, откуда и честный труженникъ? какимъ образомъ пьяница окажется солидаренъ съ аскетомъ—отшельникомъ, развратникъ—съ цѣломудренной невинностью, человѣкъ, отдавшійся животнымъ наслажденіямъ,—съ носителемъ высокихъ идеаловъ? Гдѣ и каковъ тотъ критерій, что долженъ будетъ лежать въ основѣ этой критической провѣрки всѣхъ существующихъ взглядовъ на наибольшее счастье и руководить выработкой новыхъ, разнообразныхъ понятій объ немъ? Утилитарная этика указываетъ на различную, сравнительно, цѣнность самыхъ видовъ счастья, предполагая при этомъ, что тѣ его формы, которыя вообще даютъ наибольшую сумму пріятныхъ ощущеній, и будутъ лучше всего подходить къ названію *наибольшаго*. А для опредѣленія того, какія же, именно, роды счастья болѣе всего удовлетворяютъ означенному требованію, рассматриваемая философія отсылаетъ за руководствомъ 1) къ личному опыту каждаго и 2) къ мнѣнію большинства компетентныхъ людей. Но что касается личнаго опыта, то существующая противоположность во взглядахъ на счастье можетъ свидѣтельствовать только о полной непригодности этого критерія въ рассматриваемомъ отношеніи. Причина станетъ совершенно понятною, если мы при-

помнимъ, что въ данномъ случаѣ нашъ опытъ долженъ имѣть дѣло съ нашими же собственными ощущеніями, которыя (а вмѣстѣ съ ними и результаты самаго опыта) необходимо у каждаго должны быть различны, потому что они непременно всегда субъективны и непременно приводятъ каждаго къ своимъ, болѣе или менѣе, своеобразнымъ сужденіямъ и выводамъ. По этой же послѣдней причинѣ и мнѣніе большинства компетенціи не можетъ играть нужной роли, такъ какъ это будетъ не *мое* мнѣніе, а *чужое*; оно и будетъ удовлетворять только тѣхъ, кто его составилъ, а для остальныхъ такъ же мало можетъ считаться убѣдительнымъ, по справедливому замѣчанію о. Мальцева, какъ извѣстное доказательство Платона о превосходствѣ счастья, одобряемаго мудрецомъ, предъ счастьемъ сластолюбца,—именно, что мудрецъ испыталъ и чувственныя удовольствія и удовольствія умозрѣнія, а сластолюбецъ знакомъ только съ первыми, слѣдовательно—сужденіе мудреца должно служить правиломъ“¹⁾).

Вообще, попытка утилитарной этики подыскать какое-либо опредѣленное и общепригодное содержаніе къ понятію наибольшаго счастья,—этого единственнаго будто бы фактора, управляющаго волей, не имѣетъ серьезнаго значенія, такъ какъ ощущеніе наибольшаго счастья можетъ получаться въ каждомъ индивидуумѣ лишь отъ удовлетворенія наиболѣе сильныхъ его желаній, которыя и будутъ, слѣдовательно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать для индивидуума вопросъ о его наибольшемъ счастьи. Разобраться же въ этихъ желаніяхъ, привести ихъ въ какой-либо порядокъ нѣтъ возможности, не потому только, что у различныхъ людей они слишкомъ различны, но и потому еще, особенно, что даже въ одномъ и томъ же члвкѣ они никогда надолго не остаются одни и тѣ же, такъ какъ старыя неизбежно теряютъ свою обаятельность падъ волей по мѣрѣ того, какъ они удовлетворяются, и вѣчно и неизбежно смѣняются потокомъ новыхъ, которымъ и уступаютъ свои, временно пріобрѣтенныя, права на почетное званіе наибольшаго счастья. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о томъ,

¹⁾ Мальцевъ, Правств. филос. утилитар. р. 262

что такое—наибольшее счастье, собственно всецѣло подчинено капризной прихоти нашихъ желаній и неизбежно измѣняются вмѣстѣ съ ихъ возникновеніемъ и смѣною; и притомъ, такъ какъ этотъ вѣчный круговоротъ желаній не только не можетъ совершаться по правиламъ, заранее составленнымъ, но даже вовсе не можетъ быть и предусматрѣнъ, то, очевидно, и опредѣленнаго понятія о наибольшемъ счастьи нельзя ни предрѣшить, ни-тѣмъ болѣе—предъявить въ качествѣ требованія. Если же такъ, если дѣйствительнымъ наибольшимъ счастьемъ каждаго является только то, которое ощущается имъ какъ таковое, которое получается отъ удовлетворенія наиболее сильныхъ желаній, непрерывно мѣняющихся, по мѣрѣ удовлетворенія; то очевидно такъ же, что жизнь подъ такимъ критеріемъ теряетъ всякую опредѣленность и въ сущности является совершенно неприципною, такъ какъ вѣчная смѣна желаній не даетъ возможности сколько-нибудь опредѣленно установить ни цѣлей, къ которымъ долженъ стремиться индивидуумъ въ жизни, и въ осуществленіи которыхъ онъ будетъ полагать свое наибольшее счастье, ни средствъ, наиболее пригодныхъ для достиженія этихъ измѣнчивыхъ цѣлей. Всякій принципъ жизни, всякое правило поведенія можетъ въ одно и тоже время оказаться и ведущимъ къ наибольшему счастью и—вполнѣ враждебнымъ ему, смотря по тому, кто какой смыслъ станетъ соединять съ этимъ терминомъ. Отсюда видно, что мотивы, которые утилитарная этика рекомендуетъ для воли, какъ единственно возможные (именно—стремленіе къ наибольшему счастью), являются совершенно непригодными для проведенія тѣхъ требованій (подчиненіе опредѣленнымъ принципамъ), какія она предъявляетъ ей, и даже—стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ послѣдними, такъ какъ требовать подчиненія воли извѣстнымъ принципамъ—значитъ требовать ихъ контроля надъ всѣми желаніями, могущими стать содержаніемъ нашей воли, и при помощи этого контроля напередъ устанавливать, какія изъ нихъ должны быть удовлетворяемы и какія—нѣтъ; между тѣмъ, принципъ наибольшаго счастья заманчивъ, конечно, въ томъ только случаѣ, если онъ обѣщаетъ не ограниченіе нашихъ желаній, не подчиненіе ихъ извѣстному режиму, а—лишь возможно—большее

удовлетвореніе ихъ. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія наибольшаго счастья, законно говорить развѣ объ отысканіи средствъ къ возможно—болѣе широкому удовлетворенію нашихъ желаній, а не объ ограниченіи самыхъ желаній извѣстной, строгой нормой (къ чему стремится всякая этика), такъ какъ эта опредѣленная *норма* счастья, если только она вообще мыслима, можетъ быть лишь субъективная, такъ какъ тамъ, гдѣ чувства удовольствія и страданія являются непосредственными показателями того, что намъ нужно, въ чемъ состоитъ наше счастье, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ другомъ *должно* нашего счастья, ни о какомъ иномъ направленіи и характерѣ нашихъ желаній. И хотя послѣднія способны подвергаться частой переработкѣ и измѣненіямъ, но эта переработка ихъ все же совершается не иначе, какъ подъ субъективнымъ контролемъ и на основаніи личнаго, субъективнаго же, опыта. Отсюда, всякій опредѣленный принципъ жизни, узаконяющій удовлетвореніе лишь извѣстныхъ потребностей и желаній и предписывающій пользоваться лишь извѣстными видами счастья и въ извѣстномъ ихъ объемѣ, не будетъ имѣть никакого значенія для тѣхъ, у кого собственное понятіе о наибольшемъ счастьи въ данный моментъ не согласуется съ предлагаемымъ ему экстрактомъ счастья. И одного этого несогласія, одного простого „не хочу“ со стороны индивидуума, будетъ вполне достаточно, чтобы отвергнуть рекомендуемые принципы на совершенно *законномъ* основаніи, потому что, очевидно, только самъ индивидуумъ можетъ быть, какъ уже замѣчено, единственно—законнымъ судьей того, въ чемъ состоитъ его наибольшее счастье, т. е., что доставляетъ ему наибольшее удовольствіе.

А. Красовскій.

(Окончаніе будетъ).

Вліяніє внѣшнихъ впечатлѣній на самосознаніє души.

(ПО А. САБАТЬЕ ¹⁾).

Желая познакомить нашихъ читателей съ психо-фізіологическимъ ученіемъ А. Сабатье о значеніи внѣшнихъ впечатлѣній въ области сознательной жизни души, считаемъ необходимымъ предпослать этому ученію нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Было время, когда матеріалисты громко заявляли о сходствѣ и даже тождествѣ своихъ теорій съ естественно-научными открытіями, преимущественно же съ новѣйшими открытіями фізіологіи, біологіи и антропологіи. Смѣлость и даже дерзость, съ которою они высказывали это положеніе, нерѣдко смущала людей, хотя и образованныхъ, но недостаточно знакомыхъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ естественно-научныхъ открытій, ихъ направленіемъ и ихъ несомнѣннымъ утвержденіемъ. Но вотъ среди естествоиспытателей все чаще и чаще стали раздаваться голоса, доказывающіе, что между матеріалистическими теоріями и естественно-научными открытіями лежитъ непроходимая бездна; что истинный естество-испытатель, даже на основаніи естественно-научныхъ фактовъ, долженъ признать существованіе духа, какъ самостоятельнаго начала жизни, разлитой въ природѣ, и никакъ не можетъ понимать ее, какъ механическое проявленіе безжизненной матеріи. Къ числу послѣднихъ естествоиспытателей принадлежитъ и Армандъ Сабатье.

А. Сабатье состоитъ профессоромъ университета естествен-

¹⁾ См. Revu Chrétienne. № 4.—1-er Avril, 1895. V. article „L'immortalité“, par Arm. Sabatier.

ныхъ наукъ въ г. Монпелье, и пользуется справедливою извѣстностію и въ другихъ заграничныхъ университетахъ, куда его приглашаютъ для чтеній въ такъ называемыхъ, ученыхъ конференціяхъ. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году онъ читалъ лекціи на конференціяхъ въ Женевскомъ университетѣ и даже въ Парижской Сорбонѣ и затѣмъ напечаталъ эти лекціи подъ общимъ заглавіемъ: „*L'immortalité*“ въ „*Revue Chetienne*“, откуда мы и заимствуемъ предлагаемую статью. Въ естественно-научной литературѣ Сабатье извѣстенъ своими капитальными произведеніями въ области біологіи и зоологіи. Таково, напримѣръ, его сочиненіе подъ названіемъ: „Опытъ о жизни и смерти“ (1892), гдѣ онъ путемъ аналогіи, заимствованной изъ области естественныхъ наукъ, доказываетъ, что смерть есть преобразование индивидуума для достиженія высшей жизни. Таково же его сочиненіе подъ названіемъ: „Опытъ о безсмертіи съ точки зрѣнія эволюціоннаго нетурализма“ (1895), гдѣ онъ тоже путемъ аналогіи, существующей въ природѣ, старается подтвердить истину безсмертія человѣческой души. Среди своихъ естественно-научныхъ изслѣдованій онъ пришелъ къ убѣжденію, что серьезный естество-испытатель, какъ и всякій другой добросовѣстный ученый, долженъ признать бытіе души, какъ отдѣльнаго, самостоятельнаго и сознательнаго начала человѣческой жизни; что между фізіологическою и психическою дѣятельностію всякаго живаго индивидуума нѣтъ непосредственной или причинной связи; что, наконецъ, переходъ отъ безсознательной фізіологической дѣятельности къ сознательной психической не зависитъ отъ психо-фізіологическаго параллелизма. Онъ говоритъ: матеріалисты, ссылаясь на естество-испытателей, справедливо утверждаютъ, что по мѣрѣ группировки и накопленія нервныхъ центровъ и по мѣрѣ проявленія ими большей жизнедѣятельности, и психическія явленія тоже обнаруживаютъ большую энергію, солидарность и связность. Но матеріалисты, вопреки естество-испытателямъ, впадаютъ въ крайнюю непоследовательность, утверждая, будто поэтому психическую индивидуальность, ея независимость и самосознательность надобно принять за исключительный продуктъ анатомо-фізіологическаго строенія организма; такъ что душа, при такомъ

ученіи, представляется просто результатомъ фізіологической дѣятельности нервныхъ центровъ, или послѣдовательнымъ рядомъ рефлексовъ, т. е. впечатлѣній, передаваемыхъ чувствительными нервами нервнымъ клѣточкамъ, которыя какимъ-то чудомъ преобразовываютъ ихъ въ формы мысли, воли, фактовъ сознанія, равно какъ и въ формы движенія, напряженія, сообщенія, передачи и т. п. Сабатье утверждаетъ, что все что мы знаемъ о внѣшней природѣ, мы узнаемъ при посредствѣ собственнаго самосознанія, въ которомъ я непосредственно переживаетъ внѣшнія вліянія въ качествѣ носителя внутреннихъ процессовъ, и только это живое созерцаніе собственной самости даетъ намъ возможность образовывать *формальные* понятія о природѣ и ея разнообразныхъ предметахъ. Первоначально, духъ отличаетъ свои представленія, ощущенія, чувствованія отъ себя, какъ свои состоянія, затѣмъ онъ связываетъ ихъ въ единство, наперекоръ ихъ временной послѣдовательности,—и только послѣ этого является вполне самосознательнымъ существомъ. Между тѣмъ, матеріалистическое понятіе о духѣ, какъ чисто механическое, не только упичтожаетъ различіе между духомъ и матеріею, но отнимаетъ у сознательнаго психическаго существа всякую индивидуальную силу, всякое самостоятельное начало и даже независимость отъ анатомо-фізіологическихъ элементовъ; а этимъ уничтожаетъ самознательность души, переживанія духа своихъ состояній и личное безсмертіе, прекращаемое съ разрушеніемъ нервныхъ элементовъ; ибо, если душа есть просто созданіе или продуктъ нервныхъ центровъ, то, съ разрушеніемъ послѣднихъ, отъ ней уже ничего не можетъ оставаться въ природѣ.

Признавая душу, какъ самостоятельное психическое начало жизни, утверждая ея отличіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній вопреки матеріалистамъ, Сабатье долженъ былъ встрѣтиться съ слѣдующими вопросами: Что же такое по своей природѣ внѣшнія впечатлѣнія, которыя служатъ матеріаломъ переживанія души при посредствѣ собственныхъ процессовъ? Какое значеніе имѣютъ нервные центры при этомъ переживаніи? и наконецъ, какъ все это вліяетъ на развитіе самосознательной жизни души? Сабатье пытается рѣшить эти вопросы на основаніи аналогій, заимствованныхъ изъ области естественныхъ наукъ.

И прежде всего, онъ нисколько не сомнѣвается, что мозгъ есть орудіе для мысли, необходимое въ теченіе земной жизни; и что всякое умственное и душевное состояніе всегда сопровождается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ мозга, т. е. соотвѣтствующими механическими и фізіологическими условіями. Онъ признаетъ это допустимымъ. Изъ всего извѣстнаго намъ (и надо сознаться, что мы знаемъ еще очень мало), замѣчаетъ Сабатье, можно заключить, что оба эти состоянія, одновременно представляютъ двѣ стороны одного сложнаго процесса. Конечно, точная граница между фізіологическимъ и психическимъ процессомъ остается неизслѣдованною; но это нисколько не доказываетъ, будто психическое есть ничто иное какъ фізіологическое, будто между ними существуетъ тождество. Изъ этого можно только заключить, что при настоящихъ условіяхъ, всякая психическая дѣятельность сопровождается явленіемъ фізіологическимъ, хотя не всегда фізіологическая дѣятельность нервныхъ центровъ непременно и необходимо сопровождается психическими состояніями, или, по крайней мѣрѣ, ихъ ясными обнаруженіями. Надобно, слѣдовательно, думать, что, хотя между ними и существуетъ зависимость, то нѣтъ тождества. Можно считать мозгъ машиной, механическимъ построеніемъ, дѣйствія котораго необходимы для возможности обнаруженія мысли, воли, чувства и проч. но мозгъ не можетъ быть признаваемъ создателемъ всего этого. Механизмъ, приведенный въ движеніе паромъ не составляетъ источника и начала паровой силы, приводящей его въ движеніе; но онъ необходимъ для произведенія извѣстныхъ желаемыхъ дѣйствій этой силы.

Кромѣ того, принимая въ соображеніе защищаемую мной точку зрѣнія, говоритъ Сабатье, мозгъ, будучи органическимъ механизмомъ, мѣстопробываніемъ рефлексовъ, не можетъ произвести мысли, воли и чувства подъ вліяніемъ только внѣшнихъ причинъ, — матеріи и ея движенія. Надобно признать, что все это производитъ духъ, не имѣющій ничего общаго съ матеріею; ибо то, что не имѣлъ ничего общаго съ знаніемъ, мыслию, волей и чувствомъ, не можетъ породить нѣчто такое, что могло бы знать, мыслить, чувствовать, любить и ненавидѣть.

Какъ натуралистъ и человѣкъ науки, говоритъ Сабатье, я

отвергаю матеріалистическое толкованіе, до тѣхъ поръ пока эта проблема будетъ поставляема матеріалистами такъ, какъ они дѣлаютъ это теперь,—и пока мнѣ точно не докажутъ тѣснаго соотношенія, существующаго между дѣятельностію фізіологическаго механизма нервныхъ элементовъ и проявленіями духа; я упорно отказываюсь считать доказаннымъ будто существуетъ между тѣмъ и другимъ полное и совершенное соотношеніе причины и слѣдствія,—создателя и созданнаго. Нѣтъ, мозговой механизмъ не создаетъ мысли и всѣхъ проявленій духа. Но можетъ быть, онъ дѣлаетъ что либо-другое и выполняетъ другое назначеніе по отношенію къ духу?—Я постараюсь, продолжая Сабатье, выяснитъ это: Существуютъ здѣсь двѣ истины, на которыя натуралистъ, при рѣшеніи проблемы, долженъ обращать особенное вниманіе: 1) Фізіологія учитъ насъ, что мысль и всякое дѣйствіе сознанія всегда связано съ соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ нервной системы и преимущественно мозга; 2) Окружающій насъ міръ составляетъ для мозга исходную точку его фізіологической дѣятельности, которая, повидимому, всегда обнаруживается при возникновеніи мысли.

Итакъ, мозговая дѣятельность имѣетъ какое-то другое значеніе при возникновеніи и обнаруженіи мысли. Если же это значеніе совсѣмъ не такое, какое ей приписываютъ матеріалисты; если мозгъ неспособенъ создать мысль изъ того, что не имѣетъ ничего общаго съ мыслию, то въ чемъ же заключается существенное соотношеніе между фізіологическою дѣятельностію мозга и мыслию—между мозговымъ состояніемъ и духомъ?

Отвѣтъ на это долженъ быть слѣдующій: Хотя мозгъ и не способенъ произвести духъ изъ того, что не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, т. е. создавать духъ, но онъ можетъ собирать внѣшнія впечатлѣнія при помощи самого духа. Онъ можетъ собрать ихъ, какъ силу, приводить ихъ въ порядокъ, организовать и образовать элементы мысли, чувства и воли, и составлять хорошо соединенную связку, которая при дѣятельности духа становится чувствомъ, мыслию и волей и такимъ образомъ можетъ, мало по малу, помогать духу развивать ту психическую индивидуальность или личность, которая составитъ его высшее выраженіе. Совершая все это, мозгъ дѣй-

ствуется только какъ механизмъ, который утилизируетъ и накопляетъ силу, регулируя и приводя въ систему ея дѣйствія.

Но откуда же мозговой центръ можетъ получать внѣшнія впечатлѣнія, эти элементы духа? Не изъ окружающей ли его среды, не изъ міра ли внѣшняго и матеріальныхъ предметовъ, возбуждающихъ его, производящихъ движеніе и вызывающихъ въ немъ тѣ рефлексы, которые думали считать за прямую причину мысли? Да—изъ этой самой среды, изъ этихъ самыхъ вещей, составляющихъ для насъ источники впечатлѣній; и изъ всего того, что пробуждаетъ нашу чувствительность и посылаетъ нашему мозговому центру центростремительныя колебанія.

Въ этомъ отношеніи и я, говоритъ Сабатье, такъ же какъ реалисты и матеріалисты, признаю во внѣшнемъ мірѣ и мозговомъ механизмѣ условіе появленія какъ-бы элементовъ мыслей души, и вообще развитія мыслящаго духа, но съ тѣмъ весьма важнымъ ограниченіемъ, имѣющимъ первенствующее значеніе, что внѣшній міръ и всѣ матеріальные предметы, какъ причины внѣшнихъ впечатлѣній, носятъ въ себѣ зачатки духа сохраняющаго, поддерживающаго и организующаго ихъ. Природа не только силится родить духъ, какъ говоритъ Шеллингъ, но и носитъ въ себѣ въ различныхъ степеняхъ зачатки оживотворяющаго ея духа, потому что зачатки и вѣянія духа распространены повсюду, и каждая часть природы, каждый матеріальный предметъ выражаетъ слѣдующую мысль поэта, вѣщая о божественномъ:

*Objets inanimés, avez—vous donc une âme
Qui s'attaché à notre âme et la force d'aimer?*

(Бездушные предметы, имѣете ли вы душу, соединенную съ нашей душой и съ силою любви?)

Такъ какъ духъ находится повсюду, такъ какъ чувствительность, воля, мысль и сознаніе проявляются вездѣ или въ потенціи, или въ скрытомъ, смутномъ и тайномъ состояніи, или же въ состояніи, болѣе или менѣе, ясномъ, и такъ какъ эволюціонное проявленіе духа, повидимому, управляетъ всею природой и всѣмъ конечнымъ, и такъ какъ, наконецъ, этотъ прогрессивный и организаторскій ходъ природы обнаруживаетъ собою признаки повсемѣстнаго, болѣе или менѣе, очевиднаго присутствія духа, то можно заключить, соотвѣтственно съ эво-

люціонными развитіями всего существующаго въ природѣ и всемірной конечности, что тварный духъ все болѣе и болѣе стремится къ своему усовершенствованію и что существуютъ органы, предназначенные благопріятствовать осуществленію этого стремленія духа. Мозговые центры, именно, и суть такіе органы.

Какое же, именно, значеніе имѣютъ эти органы въ дѣлѣ развитія психической жизни? Значеніе это можетъ быть двоякимъ.—Нервные центры, дѣятельность которыхъ сопровождается возбужденіемъ духа, могутъ быть признаны собирателями, конденсаторами и организаторами внѣшнихъ впечатлѣній. Чрезъ посредство путей центростремительныхъ или чувствительныхъ нервовъ, они могутъ получить изъ внѣшняго міра и всѣхъ ощущаемыхъ предметовъ духовные элементы или истеченія, ризсѣянные по всей природѣ. Такое истеченіе можетъ получиться, какъ получаютъ, напр. теплородныя и свѣтоточныя истеченія и могутъ передаваться нервнымъ мозговымъ клѣткамъ, предназначеннымъ наполнять, соединять и организовать ихъ такъ, чтобы при посредствѣ живой и независимой души можно было произвести то высокое, сильное, правильное и связанное психическое состояніе, которое мы называемъ сознательною жизнью. Такимъ образомъ, психическіе элементы, въ началѣ разрозненные и независимые, принадлежащіе вещамъ внѣшняго міра и предметамъ, подпадающимъ нашимъ ощущеніямъ, и первоначально не имѣющіе для насъ внутренней, глубокой связи между собою, накаплиются и соединяются въ нервныхъ путяхъ и центрахъ. Для достиженія этой цѣли, т. е. для выраженія ихъ соотношенія, сродства и соприкосновенія, нервные элементы соединяются въ мочки нервныхъ путей, которыя переплетаются однѣ съ другими въ столь громадномъ числѣ и столь чуднымъ образомъ, что глазъ вооруженный самими сильными инструментами, и самыя сложныя техническія приемы съ величайшимъ трудомъ разбираютъ эти мочки. Вслѣдствіе такого накопленія и близкаго соприкосновенія психо-физическіе элементы становятся исходной точкой той психической координаціи, сильной связи и удивительной солидарности внѣшнихъ впечатлѣній, которыя помогаютъ намъ развивать сознательную жизнь. Мозговые элементы становятся факто-

рами соединенія и связи психизическихъ ощущеній, которыя прочно сохраняются потомъ на основаніи или посредствомъ первнаго механизма.

Къ этой психо-физической работѣ нервныхъ элементовъ, составляющихъ ихъ спеціальное отправление, необходимо присоединяются соотвѣтствующія фізіологическія мозговья отправления, кровообращенія и питанія: потому что всякой спеціальной работѣ органа сопутствуетъ утомленіе и матеріальныя потери, требующія возстановленія. Фізіологическая работа клѣточекъ сопровождаетъ психическую, но не смѣшивается съ ней. Точно также и мускульное сокращеніе есть спеціальное дѣйствіе, которое необходимо сопровождается потерей и возстановленіемъ, но органическія условія этой потери и возстановленія не должны отождествляться съ самымъ мускульнымъ сокращеніемъ. Потеря и возстановленіе суть необходимыя условія нормальнаго отправления, работы органа, но онѣ не суть самое отправление; условія эти сопровождаютъ и дѣлаютъ возможнымъ мускульное сокращеніе, но не составляютъ самого этого сокращенія, и сами прямо не производятъ его.

Такимъ образомъ, объясняется причина постояннаго соединенія психической дѣятельности съ соотвѣтствующимъ состояніемъ нервной системы, откуда (по моему твердому убѣжденію) матеріалисты вывели поспѣшныя и неправильныя заключенія.

Для того чтобы вкратцѣ выразить мою мысль, говоритъ Сабатье, и иллюстрировать всѣ предшествующія соображенія, я заявляю, что по моему убѣжденію духъ распространенъ повсюду; что онъ составляетъ сущность всего того, что для насъ представляется предметомъ наблюденія и опыта; что духъ въ низшихъ состояніяхъ матеріи темень, слѣпъ, скрытъ и даже неузнаваемъ, но, по мѣрѣ восхожденія своего къ высшимъ представителямъ творенія и жизни, онъ пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленныя формы, которыя возрастаютъ въ силѣ, связи и опредѣленности и, наконецъ, ясно выражаются въ чувствѣ, мысли, волѣ и самосознаніи. Нервные центры и въ особенности нѣкоторыя изъ первныхъ клѣточекъ, какъ будто, предназначены для накопленія и организаціи разрозненныхъ и слабыхъ элементовъ или зачатковъ духа, для того чтобы образовать то удивительное и чуд-

ное зданіе, то сложное и премудро устроенное существо, которое мы называемъ мыслящимъ человѣкомъ. Психо-физическіе нервныя центры суть, слѣдовательно, собиратели и организаторы элементовъ духа, распространенныхъ и разсѣянныхъ во всей вселенной, подобно первобытной плазмѣ, которая есть собирательница жизни, и подобно тѣмъ не вполне психо-физическимъ нервнымъ центрамъ, которые суть собиратели раздражительности и возбуждаемости.

Жизнь также какъ и духъ существуютъ повсюду. Твореніе едино. Къ такому заключенію все болѣе и болѣе приводитъ насъ опытная наука. И повсюду всякій тварный предметъ носитъ отображеніе того, кто есть Творецъ его, и кто Самъ есть Духъ и жизнь. Такимъ образомъ вопросъ объ источникѣ жизни и духа есть для науки праздный вопросъ, потому что онъ для нея неразрѣшимъ, приводя ея къ установленію новаго вопроса о началѣ вселенной. Вселенная въ самыя отдаленныя времена, съ самыхъ первыхъ моментовъ своего бытія обладала жизнью и духомъ. Они были распространены и разсѣяны въ первоначальныхъ, космическихъ зародышахъ. Жизнь и духъ суть даже условія того, что мы называемъ матеріей; они составляютъ ея интегральную и неотдѣлимую часть. Нельзя, слѣдовательно, искать того, при какихъ условіяхъ установилось соотношеніе духа и жизни съ матеріей, точно также какъ и соотношеніе между матеріей и пространствамъ. Кто говоритъ о матеріи, говоритъ въ то же время и о пространствѣ; и говоря о матеріи, говоритъ о жизни и духѣ. Единственный путь, возможный для изслѣдованія естественной науки, и единственный вопросъ, подлежащій ея разсмотрѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ: какимъ образомъ совершается накопленіе жизни и зачатковъ духа, (внѣшнихъ впечатлѣній), и какъ органы, предназначенные выполнять такую удивительную работу, достигаютъ этого? Можетъ быть, когда-нибудь и получится ясный отвѣтъ на эти, столь заманчивые и великіе вопросы. Въ настоящее же время мы не знаемъ этого; и среди тьмы окружающей насъ, можемъ только видѣть, что въ природѣ существуютъ органы накопляющіе и организующіе психо-физическую силу.

Я только что сказалъ объ аккумуляторахъ, собирателяхъ и

организаторахъ жизни и элементовъ духа; считаю нужнымъ выяснитъ значеніе этихъ терминовъ и объяснить ихъ употребленіе.

Говоря о мозгѣ, какъ собирателѣ и организаторѣ психо-физическихъ элементовъ, я употребилъ слова, требующія объясненія и доказательства; такъ какъ, мнѣ кажется, положеніе это ново, и многимъ покажется необычнымъ. Я, впрочемъ, надѣюсь доказать, что вношу въ этомъ случаѣ не только слова, но и идеи, имѣющія фактическія основанія.

Опредѣлимъ сначала, что такое аккумуляторъ (собиратель) и потомъ тотчасъ же перейдемъ къ разсмотрѣнію подобныхъ факторовъ въ природѣ, какъ минеральной, такъ органической, такъ и организованной. Собиратель есть такая матерія, субстанція, орудіе, органъ, которые способны, заимствуя изъ внѣшняго міра извѣстныя силы, или явленія, или продукты, собирать и накоплять ихъ въ себѣ для того, чтобы потомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, опять возвратитъ ихъ. Собиратель самъ не создаетъ ничего, но накопляетъ то, что получаетъ извнѣ.

Для поясненія и доказательства вѣрности этого опредѣленія я укажу на нѣсколько примѣровъ.

Простая пружина есть собиратель силы и движенія; когда ее натягиваютъ, она собираетъ и накопляетъ силу, употребленную на ея натягиваніе; и она потомъ возвратитъ ее болѣе или менѣе быстро, смотря потому, какъ будутъ ее спускать. Часовая пружина можетъ въ этомъ случаѣ служить простымъ и нагляднымъ примѣромъ, потому что она собираетъ и накопляетъ силу напряженія, которую ей даетъ рука того, кто заводитъ часы; и благодаря соотвѣтствующему спусковому механизму, она возвращаетъ это движеніе въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Если спускать быстро, то и сила возвращается быстро и сразу.

Водяные пары и пары другихъ жидкостей тоже суть собиратели теплоты и движенія, потому что они заключаютъ въ скрытомъ и накопленномъ состояніи теплоту, полученную отъ печи и употребленную на образованіе пара. Эта теплота, которая имѣетъ свой механическій эквивалентъ, по этому самому есть одновременно простой собиратель движенія. Паръ можетъ

возвратить теплоту въ формѣ теплоты или въ формѣ движенія, сгущаясь, т. е. переходя въ жидкое состояніе.

Извѣстно, что тѣла для нагрѣванія и для пріобрѣтенія одинаковаго повышенія температуры, нуждаются въ извѣстномъ количествѣ теплоты, измѣняемой сообразно съ тѣлами. Изъ физики извѣстно, что специфическая теплота измѣняется, сообразно съ тѣлами, такъ напр., вода имѣетъ значительное теплоемкое свойство. Вслѣдствіе этого вода есть замѣчательный собиратель теплоты, которую она потомъ возвращаетъ болѣе или менѣе медленно. Горячая вода часто употребляется какъ способъ согрѣванія. Ей сообщаютъ большое количество теплоты, которую она сохраняетъ и не скоро возвращаетъ.

Значеніе другихъ тѣлъ, какъ собирателей теплоты, пропорціонально ихъ теплоемкости.

Есть вещества, имѣющія названіе фосфоричныхъ, которыя суть собиратели свѣта. Такія вещества встрѣчаются и въ матеріи минеральной, какъ, на примѣръ, сѣрнистый кальцій, и въ матеріи органической или организованной, какъ, на примѣръ, старое дерево, нѣкоторые грибы и проч. Еще далеко не извѣстны во всѣхъ случаяхъ причины и механизмъ фосфоричности; но относительно нѣкоторыхъ тѣлъ, какъ, на примѣръ, сѣрнистаго кальція, достовѣрно то, что фосфоричность его нельзя относить къ химическому дѣйствию. Сѣрнистый кальцій, подверженный вліянію свѣта, имѣетъ свойство накапливать, собирать и удерживать въ себѣ колебанія свѣта, и возвращать ихъ обратно въ темнотѣ въ формѣ фосфоричности, блескъ которой уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ первоначальнаго времени дѣйствія свѣта.

Электричество можно также собирать на значительныхъ металлическихъ поверхностяхъ, какъ, на примѣръ, на цилиндрахъ электрической машины, или на электрическомъ конденсаторѣ, или въ такихъ собирателяхъ, гдѣ электричество накапливается, сгущается, вслѣдствіе соединенія свинца съ кислородомъ и и водою и потомъ обратно возвращается, вслѣдствіе разложенія окиси свинца.

Магниты можно также считать собирателями, аккумуляторное дѣйствіе которыхъ поддерживаетъ въ намагниченныхъ

тѣлахъ, въ продолженіе времени, измѣняющагося по обстоятельствамъ, наибольшую степень магнетическаго напряженія.

Минералы представляютъ намъ примѣры собирателей матеріи. Такъ, напр., назреватое тѣло платиновой губки, имѣетъ свойство собирать и сгущать въ себѣ относительно огромныя количества газа. Отчего происходитъ это собирательное свойство? Отъ особенной ли назреватости, чрезвычайно тонкой сѣтки этого губчатого металла? Но существуютъ тѣла очень назреватыя, и однакоже они не представляютъ ничего подобнаго. Можетъ быть причина этого заключается въ соотвѣтственной пропорціи діаметровъ поръ платины и діаметровъ атомовъ или частицъ сгущеннаго газа? Но діаметръ частицъ газа измѣняется съ родомъ самихъ газовъ; слѣдовательно, и пропорціональность ихъ также измѣняется. Приходится сознаться, что нужно еще поискать объясненіе собирательнаго свойства платиновой губки, а теперь мы должны лишь ограничиться указаніемъ на это.

Въ организованной матеріи и въ средѣ живыхъ тканей—тоже существуютъ собирательные органы, изслѣдованіе которыхъ представляетъ для насъ особенный интересъ, потому что мы можемъ находить въ нихъ аналогичную дѣятельность съ собирательною дѣятельностію нервныхъ элементовъ, вмѣстилища психо-физическихъ силъ.

Такое предположеніе примѣнимо къ большинству тѣхъ органовъ, которые называются железами или органами отдѣлительными, назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы вырабатывать жидкости или продукты опредѣленнаго состава. Такъ, напримѣръ, почки отдѣляютъ мочу, а печень отдѣляетъ желчь.

Существенный элементъ и факторъ этихъ органовъ состоитъ изъ клѣточекъ, изливающихъ наружу отдѣленные жидкости. Но нѣкоторые изъ элементовъ этихъ жидкостей находятся уже въ крови живого существа, въ весьма разжиженномъ и едва замѣтномъ видѣ; а дѣятельность отдѣлительныхъ клѣтокъ заключается въ томъ, чтобы извлекать ихъ изъ крови, выдѣлять и накапливать въ себѣ для того, чтобы выдѣлить ихъ наружу, въ формѣ ли концентрированныхъ растворовъ, или въ ихъ первоначальномъ состояніи, или, подвергнувши ихъ сначала

измѣненіямъ,—сгущенія, смѣшенія и даже различнымъ преобразованіямъ. Эти клѣточки суть въ собственномъ смыслѣ собиратели.

Весьма вѣроятпо, что такой механизмъ будетъ открытъ и у многихъ железъ, когда откроютъ въ крови безконечно малыя частицы тѣхъ началъ, которыя выдѣляются этими железами.

Кажется, что свойствомъ аккумуляціи движенія можно объяснить сокращаемость мускульныхъ волоконъ. Это движеніе, накопленное въ мускульномъ волокнѣ, находится въ такомъ же состояніи, какъ оно находится въ пружинѣ и обнаруживается также, какъ въ ней, когда происходитъ спусканіе подъ вліяніемъ возбуждителя прямого или нервнаго. Мускульное волокно находитъ источникъ накаплиаемаго имъ движенія въ окружающей его средѣ.

У растений существуетъ вещество, прекрасно исполняющее дѣйствіе собирателя углерода,—это хлорофилъ, который, отнимая углеродъ отъ соединенія его съ кислородомъ въ углекислотѣ атмосферы, накапливаетъ его въ растеніи въ формѣ клѣтчатки, дерева, крахмала и проч. Этотъ углеродъ поглощается растительными соками и распредѣляется въ разныхъ частяхъ растенія. Одновременно съ этимъ хлорофилъ есть также собиратель теплоты и солнечнаго свѣта, такъ какъ при своей работѣ растворенія, онъ въ то же время поглощаетъ солнечныя лучи, и возвращаетъ ихъ потомъ въ горѣніи нашихъ очаговъ.

Конечно, говоритъ Сабатье, я не могу представить здѣсь всѣхъ примѣровъ собиранія, которыми снабжаетъ насъ область естественно—научнаго изслѣдованія; но я думаю, что роль собиранія въ природѣ распространена гораздо болѣе, нежели это предполагали до сихъ поръ; и она, по всей вѣроятности, можетъ послужить объясненіемъ для многихъ явленій.

Кто знаетъ, не происходитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чувствительное свойство нѣкоторыхъ частей нервной системы отъ того, что онѣ суть, въ собственномъ смыслѣ, органы собиранія и организаціи скрытой, простой и зачаточной чувствительности, распространенной въ матеріи?

Что касается до периферическихъ частей нервной системы, т. е. органовъ спеціальной чувствительности (осязанія, зрѣнія,

слуха, вкуса, обонянiя), столь удивительнаго измѣненiя ихъ клѣточекъ, предназначенныхъ удерживать внѣшнiя впечатлѣнiя чувствъ и передавать ихъ нервнымъ центрамъ, то онѣ прежде всего могутъ считаться органами собиранiя и подбора (т. е. въ сущности отдѣленiя) свѣтовыхъ колебанiй, а также звуковыхъ колебанiй, вкусовыхъ и обонятельныхъ явленiй или давленiя внѣшнихъ тѣлъ. Эти удивительныя клѣточки чувствительныхъ органовъ, вѣроятно, дѣйствительно предназначены для выбора, распредѣленiя и сгущенiя въ нихъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ движенiй матерiи, передачи ихъ дѣйствiя собирательнымъ и организаторскимъ центрамъ чувствованiя. Этимъ можетъ объясниться и измѣненiе формы и расположенiя чувствительныхъ клѣточекъ, такъ какъ онѣ измѣняются съ природою самого чувствованiя, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ расположенiе ихъ какъ бы имѣетъ въ виду собиранiе для появленiй чувства.

Такъ, напр., въ устройствѣ зрительнаго органа стекловидная природа чувствительныхъ элементовъ, легко проницаемая для свѣта, находится соединенной съ элементами, непроницаемыми для свѣта, которые составляютъ, такъ сказать, собирателей и сгустителей колебанiй свѣта ¹⁾. Въ органѣ слуха, клѣточки снабжены рѣсниками, вполне приспособленными для дрожанiя, приводятся въ дрожанiе звуковыми волнами; они соединены съ минеральными и кристаллическими элементами, съ слуховыми камнями, которые приспособлены для собиранiя и сгущенiя въ себѣ колебанiй, переданныхъ имъ перепонками и жидкостями. Въ органахъ осязанiя нервныя нити большею частью соединены съ болѣе или менѣе эластическими подупками, способными накапливать давленiе, и оттуда распредѣлять его на значительное протяженiе нервныхъ волоконъ. Такимъ образомъ, надобно думать, что аккумулятивная, или собирательная дѣятельность ясно обнаруживается, какъ въ периферическихъ, такъ и въ центральныхъ частяхъ нервной системы.

У нѣкоторыхъ рыбъ (китовъ, сомовъ, угрей) существуетъ весь-

¹⁾ Пигменты глаза, говорятъ, поглощаютъ свѣтъ, это правда; но поглощать, не значитъ уничтожать—а удерживать, сохранять и накапливать, въ скрытомъ видѣ, какъ пары воды поглощаютъ теплоту и накапливаютъ ее, дѣлая скрытой при возвращенiи.

ма интересный органъ, имѣющій свойство обнаруживать замѣчательныя электрическія явленія и иногда производитъ сильныя сотрясенія. Эти органы называются электрическими. Они соответствуютъ большимъ лопастямъ голово-спинной массы, и называются электрическими лопастями. Изслѣдованіе этихъ органовъ показало, что они чрезвычайно богаты развѣтвленіями и оконечностями нервовъ, разсѣянныхъ среди клѣтчатыхъ элементовъ. Что такое эти органы и соответствующія имъ первыя лопасти? Суть ли онѣ производители электричества, или просто собиратели и отдѣлители электрической силы, распространенной повсюду, какъ въ животномъ организмѣ, такъ и во внѣшней средѣ? Сабатье присоединяется къ послѣднему предположенію, на что обѣщается вскорѣ представить серіозныя основанія.

Я думаю, говоритъ онъ, что электрическій органъ этихъ рыбъ есть собиратель электричества, получаемого отъ организованной матеріи; собиратель, въ которомъ электричество накапливается и сохраняется въ состояніи напряженія до тѣхъ поръ, пока соответствующій ему нервный центръ не произведетъ разряженія подъ вліяніемъ внѣшняго возбужденія, отъ чего и происходитъ электрическое сотрясеніе. Это явленіе можетъ быть въ точности сравниваемо съ тѣмъ, которое происходитъ въ мускульной системѣ, гдѣ мускуль накапливаетъ движеніе, чтобы передать его въ формѣ сокращенія, когда двигающій центръ передастъ ему повелѣніе въ формѣ двигательнаго дѣйствія.

Итакъ, надобно думать, что электрическій органъ представляетъ весьма интересный примѣръ собирательнаго органа для накопленія особенной и чрезвычайно характерной силы, имѣющей, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, удивительное сходство съ нервной силой, рассматриваемой вообще.

Не доказываетъ ли также характерная и выдающаяся дѣятельность протоплазмы того, что она представляетъ изъ себя прежде всего собирателя и организатора общей жизни, оживляющей все твореніе, хотя въ низшихъ ступеняхъ природы жизнь эта кажется намъ въ столь скрытой формѣ и въ столь незамѣтныхъ степеняхъ, что, повидимому, странно даже и говорить о ней?

Возвращаясь снова къ своему положенію, Сабатье прибавляетъ что, по его мнѣнію, мозговые психо-физическіе центры,

именно потому, что ихъ можно считать собирателями психо-физической силы, распространенной въ міръ и проникающей въ насъ чрезъ каналы периферическихъ нервовъ и въ особенности чрезъ посредство органовъ чувствъ и нервныхъ нитей, соединенныхъ съ мозговымъ центромъ,—становятся для насъ болѣе понятными и объяснимыми, чѣмъ при матеріалистической точкѣ зрѣнія. Ощущеніе составляетъ, такимъ образомъ, сознательное или бессознательное доказательство этого проникновенія.

Пусть не возражаютъ мнѣ, говоритъ Сабатье, что механизмъ этого удивительнаго явленія совсѣмъ не извѣстенъ; и потому никто не имѣетъ права считать это явленіе дѣйствительно существующимъ. На это я могу отвѣтить только то, что механизмъ этотъ не болѣе неизвѣстенъ, чѣмъ механизмъ накопленія свѣта въ сѣрно-кислой извести, теплоты въ водѣ, электричества въ конденсаторѣ и проч. и проч., между тѣмъ, никто не имѣетъ права отрицать существованія этихъ послѣднихъ явленій, да никто и не думаетъ отрицать ихъ.

Говоря объ аккумуляторахъ или собирателяхъ, Сабатье упомянулъ также и объ организаторахъ. Въ живой природѣ существуютъ многочисленные примѣры, доказывающіе бытіе органовъ, предназначенныхъ для этой дѣятельности. Они легче всего усматриваются въ большей части железистымъ органамъ, которые не только захватываютъ начала уже равнше существующія въ питательной жидкости, омывающей ихъ, но и измѣняютъ, соединяютъ, организуютъ ихъ и производятъ новыя образованія, снабженные своими особенностями и предназначенныя исполнять спеціальную дѣятельность. Матеріалы для этихъ новыхъ образованій бывають разсѣяны въ крови: железистая клѣточка собираетъ ихъ, сближаетъ, соединяетъ, организуетъ и какъ бы производитъ новый организмъ. Сабатье полагаетъ, что клѣтки мозговаго центра исполняютъ въ отношеніи къ психо-физической силѣ, разсѣянной въ природѣ, такую же дѣятельность, какъ и железистыя клѣточки въ отношеніи къ своему содержанию. Получая колебанія и истеченія психо-физической силы міра, передаваемыя центро-стремительными нервами и преимущественно органами чувствъ, онѣ захватываютъ эти элементы, измѣняютъ, группируютъ, соединяютъ ихъ и, такимъ образомъ,

составляютъ солидарную группировку, подлинное начало психо-физической жизни, извѣстной вообще подъ именемъ впечатлѣній, явленій, феноменовъ и проч.

Старый спиритуализмъ былъ сильно возмущенъ слѣдующимъ утвержденіемъ матеріализма „обращеннымъ къ нему въ видѣ вызова“: мозгъ выдѣляетъ мысль; какъ желудокъ перевариваетъ пищу или печень отдѣляетъ желчь (*Кабанисъ*). Сабатье, какъ естествоиспытатель, высказываетъ совершенно другое положеніе. По его ученію, дѣятельность железъ и отдѣлительныхъ органовъ заключается не въ созданіи, но въ заимствованіи изъ питательной жидкости и крови существующихъ уже началъ для накопленія ихъ въ сгущенномъ видѣ, для измѣненія, соединенія въ новыя группы, новыя соединенія. Поэтому и мозгъ не можетъ создавать мысли, не можетъ создавать ничего новаго; онъ только группируетъ и организуетъ то, что получаетъ извнѣ; онъ только воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія психо-физической силы. Подобно тому, какъ желудокъ не есть создатель пищи, т. е. началъ питанія привносимыхъ къ нему извнѣ, и видъ дѣятельности его заключается въ преобразовываніи ихъ, въ извлеченіи изъ нихъ полезныхъ частей и въ соединеніи ихъ съ цѣлью уподобленія, и въ отбрасываніи элементовъ, негодныхъ для питанія; такъ и мозгъ, при посредствѣ самостоятельной жизни души, захватываетъ психо-физическую силу, разлитую въ природѣ, и уподобляетъ ее ей.

Съ этой точки зрѣнія мозговой центръ можно считать въ нѣкоторомъ родѣ железистымъ органомъ, такъ какъ и онъ не создаетъ психо-физическую силу, разсѣянную внѣ его, а собираетъ ее, накопляетъ, организуетъ, и такимъ образомъ составляетъ выдѣлительный органъ для воспріятій души, усиливающихъ и развивающихъ ея самостоятельную и независимую жизнь. Да, мозгъ выдѣляетъ психическую силу міра, накопляетъ ее и дѣлаетъ своимъ достояніемъ; но кромѣ того, онъ организуетъ ее и преобразуетъ въ высшую динамическую группу. Въ этомъ нѣтъ ничего возмущающаго и унижающаго насъ; и нѣтъ ничего такого, что могло бы быть оскорбительнымъ для требованій самой строгой логики, потому что мозгъ не есть создатель души, а только хранитель и организаторъ психо-физическихъ силъ, почерпнутыхъ въ природѣ, для усиленія самостоятельной жизни души.

Я выше упомянулъ, говоритъ Сабатье, что считаю электрическій органъ собирателемъ, а не производителемъ электричества, и обѣщаль представить на это серіозныя основанія. Я это дѣлаю теперь тѣмъ съ большей охотой, что все утверждаемое мною о собирателяхъ и организаторахъ силъ и матеріи можетъ быть примѣнено по аналогіи и къ аккумуляціи психо-физическихъ силъ, доставляемыхъ душѣ въ формѣ разнообразныхъ впечатлѣній или явленій.

Не надо забывать, что въ тварной природѣ, насколько мы можемъ судить объ этомъ на основаніи всего происходящаго вокругъ насъ, не существуетъ создателя и производителя новыхъ силъ и матеріи. Природа, какъ видно, получила съ самаго начала во владѣніе все долженствующее содержаться въ ней количество силъ и матеріи, такъ что въ ней даже не можетъ быть и вопроса о новомъ творческомъ произведеніи, въ строгомъ смыслѣ слова. Въ ней существуютъ только перемѣщенія силы и матеріи, перемѣна мѣста, формы, вида или отношенія. Какъ наши инструменты, такъ и организмы не производятъ силы; они ограничиваются лишь тѣмъ, что захватываютъ ее, собираютъ, накапливаютъ или истрачиваютъ. И дѣйствительно, сила и матерія существуютъ повсюду, въ различныхъ видахъ, условіяхъ сгущенія, разрѣженія, весьма измѣнчивыхъ и разнообразныхъ. Вездѣ существуетъ электричество, притяженіе, колебанія эѳира, магнетизмъ; и также вездѣ—жизнь и явленія духа,—въ скрытой ли и зачаточной формѣ, или же въ формѣ ясной и открытой. Инструменты и органы, дающіе этимъ силамъ возможность обнаружиться, суть только собиратели и организаторы ихъ. Мозгъ, какъ собирательный и организаторскій центръ самостоятельной души, также не исключается изъ этого общаго явленія и повсемѣстнаго условія.

Но приписываемая мозговому центру дѣятельность собирателя и организатора психофизической силы, нуждается въ томъ, чтобы этотъ центръ находилъ въ общей средѣ, во всемъ его окружающемъ, во всемъ дѣйствующемъ на него, источникъ психофизической силы, изъ котораго онъ могъ бы почерпать ее.

Установивши это положеніе, Сабатье старается доказать, что психофизическая сила, распространена повсюду и что она

составляетъ источникъ жизни въ природѣ. Мысль эта совершенно понятная для человѣка вѣрующаго въ божественный промыслъ, виждущій, поддерживающій и сохраняющій природу, можетъ представляться недоказанною съ научной точки зрѣнія, и Сабатье старается подтвердить ее слѣдующими соображеніями, заимствованными изъ области естественныхъ наукъ.

Прежде всего спросимъ себя, говоритъ онъ, что такое духъ? Духъ есть сила способная мыслить, чувствовать, желать. Тамъ есть духъ, гдѣ есть нѣчто могущее распознавать вещи, оцѣнивать мотивы, выражать сомнѣніе, обнаруживать способность выбора, имѣть влеченіе или отвращеніе и обнаруживать стремленіе къ достиженію какой-либо цѣли. Слѣдовательно, духъ способенъ различать мотивъ любви и отвращенія, предвидѣть цѣль и трудиться для ея осуществленія. Ясно, что способность, отвѣчающая на эти главныя особенности, можетъ представляться въ природѣ въ весьма различныхъ степеняхъ развитія и дѣятельности, начиная отъ простаго, смутнаго и первоначальнаго стремленія къ осуществленію своего эволюціоннаго развитія, до совершеннаго проявленія высшаго разума, сознающаго самого себя, способнаго разсуждать, анализировать, обобщать, формулировать и оцѣнивать мотивы, утверждающіе его въ его предпочтеніяхъ и отвращеніяхъ, обладающаго для достиженія желательнаго и удаленія отъ нежелательнаго, силой сознательной воли и широкой свободой. Очевидно, что между этими крайними ступенями сознательности существуетъ множество степеней и разнообразныя оттѣнки. Уже въ сочиненіи своемъ: *L'Essai sur la Vie et la Mort*.¹⁾ Сабатье старался доказать, что жизнь существуетъ вездѣ; но въ такъ называемой безжизненной природѣ, она существуетъ въ скрытой и тайной формѣ, а у живыхъ существъ въ сильной и ясной. Къ этому мнѣнію присоединяются теперь очень многіе естествоиспытатели и стараются доказать его фактами, заимствованными изъ разныхъ областей науки о природѣ. Такъ Рауль Пиктетъ (Raoul Pictet) въ своихъ очень интересныхъ опытахъ о „Жизни и низкихъ темпе-

¹⁾ *L'Essai sur la Vie et la Mort*. IV томъ жур. La Bibliothepue évolutiuniste. Veuve Bobé et C-іe editeurs. Paris. 1892.

ратурахъ“¹⁾ доказалъ, что живые организмы, подвергнутые сначала низкой температурѣ въ 200° и потомъ возвращенные къ нормальной температурѣ, снова обнаруживаютъ явленія жизни. Между тѣмъ какъ при низкой температурѣ въ 200° и даже въ 100° всякія жизненные явленія въ нихъ исчезаютъ, потому что всякое химическое дѣйствіе уничтожается. Живой элементъ, слѣдовательно, сдѣлался, такъ называемою, мертвою матеріею. Но несмотря на это, достаточно было, чтобы эта, повидимому, мертвая матерія, перенесена была въ благопріятныя условія температуры, и изъ мертвой она тотчасъ превращается въ живую. На этомъ основаніи Рауль Пиктетъ сдѣлалъ то правильное заключеніе, что жизнь есть обнаруженіе законовъ природы, въ томъ же смыслѣ, какъ и тяготѣніе и тяжесть. Она *всегда* существуетъ, говоритъ онъ, и *никогда* не умираетъ. Она требуетъ лишь для своего обнаруженія (т. е. для того, чтобы сдѣлаться явной, несомнѣнной и очевидной, по моему толкованію) предсуществующей организаціи.

Рауль Пиктетъ говоритъ въ заключеніе, что „изученіе жизненныхъ явленій“, посредствомъ методическаго употребленія низкихъ температуръ, позволяетъ причислить жизнь къ числу постоянныхъ силъ природы“.

И такъ жизнь есть постоянная природная сила, существующая и распространенная повсюду. Какъ и всѣ постоянныя силы природы, она можетъ быть скрытой, безъ яснаго обнаруженія для насъ, или же съ обнаруженіями слабыми и темными но какъ только представятся благопріятныя условія—организаціи, среды, температуры и проч., она обнаруживается въ полномъ блескѣ. Химическое сродство (сила управляющая химическими соединеніями), которую справедливо считаютъ постоянною силою природы и которую совершенно отличаютъ отъ силы жизни, представляетъ такія же особенности, какъ и послѣдняя. Въ низкихъ температурахъ дѣйствіе химическаго сродства ослабѣваетъ, при большемъ еще пониженіи температуры химическое сродство перестаетъ дѣйствовать и со-

¹⁾ Сообщение, сдѣланное въ собраніи Швейцарскаго Общества естествоиспытателей (76 сессіи, бывшая въ Лозаннѣ въ Сент. 1893 г.) см. въ *Revue scientifique*, 4 novembre 1893.

всѣмъ не обнаруживается, такъ что можно подумать о его полнѣйшемъ исчезновеніи. Но, при постепенномъ повышеніи температуры, химическое средство также постепенно обнаруживается. Исчезло ли оно вмѣстѣ съ холодомъ? Нѣтъ, потому что достаточно было явиться теплотѣ, и оно обнаружилось. Но теплота не есть самое химическое средство, а только одно изъ условій его обнаруженія. Химическое средство существуетъ, но оно можетъ оставаться скрытымъ. То же бываетъ и съ жизнью. Она находится вездѣ, но она ставится ясной и очевидной только при благоприятныхъ условіяхъ организаци, среды, температуры и проч.

Къ такимъ же положеніямъ и къ такимъ же заключеніямъ приводятъ насъ послѣднія изслѣдованія о растительности (germination), сообщенныя М. К. Романомъ (M. K. Romanes) въ Лондонскій *Royal Society*. Сухія зерна (клевера, гороха, фасоля, шпината и проч.) были помѣщены имъ въ продолженіе долгаго періода времени (въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ) въ наибольшую пустоту, невозможную для дыханія, а также въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ различныхъ атмосферахъ газовъ (кислорода, водорода, азота, окиси углерода, водяныхъ паровъ, эфира, хлороформа). И несмотря на это, эти зерна, перенесенные въ соотвѣтствующія имъ условія, правильно про-зрастали, чѣмъ и обнаружили присущую имъ жизнь. А между тѣмъ можно предположить, что въ пустотѣ $\frac{1}{1000}$ атмосферы, или въ газахъ, негодныхъ для дыханія, жизнь эта сдѣлалась совершенно скрытой и не могла обнаружиться. Отсюда надобно заключить, что жизнь существуетъ не только тамъ, гдѣ обнаруживаются явленія, признаваемые за жизненные, но и тамъ, гдѣ этихъ явленій мы не замѣчаемъ. Она находится вездѣ, и чтобы открыть ее вужно появленіе только благоприятныхъ условій. Слѣдующій примѣръ можетъ дать нѣкоторое понятіе о переменѣнахъ скрытой и явной жизни. Когда чувствительная фотографическая пластинка получаетъ впечатлѣніе, то глазъ наблюдателя, вооруженный даже лучшими оптическими инструментами, не можетъ ничего увидѣть на этой пластинкѣ, хотя она получила и удержала дѣйствіе свѣта, и образъ на ней сохраняетъ свою силу, несмотря на отсутствіе признаковъ

его. Онъ невидимъ для насъ, и вѣроятно заключается во внутреннихъ молекулярныхъ или динамическихъ измѣненіяхъ, которыя незамѣтны намъ; но въ существованіи этого образа никто не можетъ сомнѣваться. Образъ существуетъ; онъ, подобно Агриннинѣ, „невидимъ, но присутствуетъ“. Онъ скрытъ для насъ, и для того чтобы онъ появился передъ нашими глазами, нужно чтобы пластинка была поставлена въ соотвѣтствующія условія т. е. подвержена дѣйствию открывателя (révéléateur). Большая или меньшая степень видимости образа зависитъ отъ степени силы открывателя (révéléateur). Если послѣдній слабъ, то и образъ будетъ слабымъ и неяснымъ, если же онъ силенъ, то образъ стаетъ яснымъ и отчетливымъ во всѣхъ подробностяхъ. Это показываетъ, что и душа для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній нуждается, чтобы впечатлѣнія эти открывались ей при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

То же происходитъ и съ жизнью. Чувствительная пластинка, это матерія вездѣ носящая признаки жизни. Но для того, чтобы эта жизнь открылась и ясно обнаружилась, сдѣлалась очевидной и сильной, нужно, чтобы матерія была поставлена въ извѣстныя условія. Организациа, температура, присутствіе воды, свѣта, электричества и проч. составляютъ тѣхъ открывателей для души, которые, смотря по своей силѣ, степени и соединенію, дѣлаютъ жизнь болѣе или менѣе очевидной для ней, обнаруживая ее въ болѣе или менѣе явномъ видѣ. Пониженіе температуры можетъ уничтожить у живого существа всѣ видимые признаки жизни, но теплота можетъ возвратитъ ихъ, хотя теплота не есть самая жизнь. Что же касается до состава или организациа, то если мы еще не можемъ заставить живую матерію претерпѣвать попеременныя переходы отъ скрытаго состоянія къ явному обнаруженію жизни, то все же мы можемъ уже вызывать нѣкоторые подобнаго рода измѣненія. Такъ, напр., мы знаемъ, что высушиваніе, т. е. устраненіе воды и потомъ новое смачиваніе могутъ попеременно производить то замораніе, то воскресеніе у такъ называемыхъ оживающихъ или обновляющихся животныхъ.

То, что говоритъ Сабатье о жизни, то же можно, по его

миѣнію, сказать и о духѣ. Такъ какъ жизнь существуетъ повсюду, то это же подтверждаетъ существованіе и духа повсюду, хотя и въ различныхъ степеняхъ; потому что можетъ ли что-либо лучше, чѣмъ жизнь соответствовать тѣмъ особенностямъ, которыя мы приписываемъ духу? Гдѣ лучше и яснѣе, чѣмъ въ жизни, обнаруживается существованіе стремленія къ цѣли и осуществленію? Гдѣ мы яснѣе можемъ замѣчать связь и разумный порядокъ въ дѣятельности разума, влеченіе къ тому или другому результату, борьбу то съ тѣмъ, то съ другимъ препятствіемъ? Послѣ открытій и чудесныхъ примѣненій настоящаго времени въ искусствѣ лѣченія, никто, конечно, не рѣшится отвергать въ живомъ организмѣ присутствія цѣлесообразности и существованія усилій для достиженія цѣли. Болѣе чѣмъ когда-либо мы можемъ доказать теперь, какія удивительныя усилія употребляются организмомъ для избавленія себя отъ вредныхъ вліяній и уничтоженія враговъ. Микроорганизмамъ, преслѣдующимъ его, и ядовитымъ веществамъ, убивающимъ его жизнь, организмъ, т. е. жизнь, противопоставляетъ противоядія т. е. такія вещества, которыя онъ вырабатываетъ самъ собою, и которыя составляютъ защитительныя средства, прямо противоположныя вреднымъ причинамъ, т. е. вреднымъ микроорганизмамъ, которые, будучи введены въ одно мѣсто организма, стремятся къ полному захвату всего организма. Этому стремленію организмъ противопоставляетъ или начала, входящія въ составъ крови и уничтожающія микроорганизмы, проникающихъ въ него,—или элементы клѣточекъ или бѣлыхъ шариковъ—левкоцитовъ, которые пожираютъ микроорганизмы и препятствуютъ ихъ размноженію. Такимъ образомъ, организмъ, защищающійся самъ собою, съ помощью прекрасно приспособленныхъ средствъ, ясно обнаруживаетъ цѣлительную способность природы, которую „Ecole de Montpellier“ ¹⁾ всегда считала истинной и сильной, несмотря на недовѣріе и даже насмѣшки тѣхъ, которые сами же потомъ приведены были къ такому же убѣжденію изслѣдованіями экспериментальной медицины.

¹⁾ Сабатье состоятъ профессоромъ естественныхъ наукъ въ Монпелье.

Итакъ, въ этой послѣдовательности явленій, въ этомъ соединеніи фактовъ, столь удивительныхъ и отрадныхъ по своимъ результатамъ, не обнаруживается ли присутствіе порядка, логичности и желательности; однимъ словомъ, нѣчто мыслящее, признакъ духа?

„Я безъ смущенія, говоритъ Сабатье, предоставляю вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ“.

Да, реализованная жизнь есть ясное доказательство присутствія духа: она составляетъ его плодъ и результатъ; потому что существенная дѣятельность духа состоитъ въ пониманіи, въ поставленіи себѣ цѣли и въ осуществленіи ея средствами предпочтительными и избранными; духъ, еще безсознательный, но уже распространенный въ природѣ, присутствовалъ при организаціи протоплазмы, вещества общаго для обнаруженія жизни всѣхъ живыхъ существъ; эта - то протоплазма и составляетъ среду, приспособленную для обнаруженія жизни, составляетъ физическую основу жизни.

Духу протоплазма обязана той чудесной организаціей, которая дѣлаетъ изъ нея собирателя всемірной жизни, жизни общей, скрытой и разлитой во всей природѣ,—а если—жизни, то слѣдовательно и духа. Духъ же, т. е., желаніе осуществить цѣль, управляетъ и тѣмъ удивительнымъ механизмомъ, посредствомъ котораго клѣточка дѣлится, отрывается, образуетъ агрегатъ клѣточекъ; сначала похожихъ между собою, а потомъ различныхъ и группирующихся сообразно съ ихъ средствомъ для образованія органовъ. Именно духъ образуетъ то поразительное зданіе, которое называется: деревомъ, тѣломъ т. е., организмомъ растительнымъ, или животнымъ.

Наконецъ, духъ, въ формѣ стремленія къ улучшенію, т. е. въ формѣ предпочтенія и выбора средствъ, явнаго проявленія воли при исполненіи и общаго направленія, очевиднаго даже среди кажущихся колебаній и нерѣшительности, управляетъ всѣмъ этимъ усовершенствованіемъ, общій результатъ котораго очевиденъ; потому что онъ приводитъ матерію изъ ея низшихъ и скрытыхъ состояній къ растительной и животной организаціи и, наконецъ, къ все болѣе и болѣе высокому и ясному дарованію душѣ человѣческой возможности мыслить, чувствовать

и желать, что и составляетъ сущность самаго духа; такъ что справедливо было бы сказать, что духъ всегда и непрерывно присутствовалъ и присутствуетъ при болѣе высокой и болѣе сильной субстанціи духа, какъ присутствуетъ онъ и при низшихъ ступеняхъ твореній. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ фізіологовъ не откажется признать того, что въ общемъ развитіи организмовъ нервная система, какъ мѣсто скопленія психофизической силы, занимаетъ первое мѣсто въ стремленіяхъ къ цѣлесообразности и составляетъ ея высшую цѣль; именно для нервной системы размножились и усовершенствовались другіе органы, которые подобно вѣрнымъ слугамъ питаютъ, защищаютъ и услуживаютъ своему господину и хозяину. Никто, напр., не рѣшится сказать, что животное или человѣкъ, составляющій высшее проявленіе жизни, представляетъ изъ себя только пищеварительный или дыхательный аппаратъ или воспроизводительный организмъ; потому что легко замѣтить не совершенство и странность подобнаго опредѣленія или сравненія. Но можно сказать, что человѣкъ есть головно-спинной центръ, собиратель и организаторъ внѣшнихъ впечатлѣній, у котораго въ услуженіи находятся органы питанія и органы, носящіе въ себѣ зародыши, предназначенные въ свою очередь сдѣлаться предметами эволюціонныхъ усовершенствованій для центральнаго органа, а слѣдовательно и для усовершенствованій конечнаго духа вообще. Итакъ, жизнь является, какъ совокупность усилій духа для своего обнаруженія и возвышенія.

Сабатье настаиваетъ, что жизнь, какъ и духъ существуютъ повсюду. Въ тѣхъ твореніяхъ, въ которыхъ жизнь скрыта, скрытъ также и духъ, и тамъ, гдѣ жизнь проявляется въ тайномъ, первоначальномъ и зачаточномъ состояніяхъ, духъ тоже проявляется въ подобныхъ состояніяхъ; но по мѣрѣ возвышенія и увеличенія жизни, возвышается блескъ и сила духа. Вотъ тѣ заключенія, говоритъ Сабатье, къ которымъ привели меня наблюденія надъ природой, и вотъ размышленія о томъ, что можно узнать изъ нея. Я хорошо знаю, продолжаетъ онъ, что эти заключенія могутъ не встрѣтить благосклоннаго приѣма со стороны матеріалистовъ; меня могутъ обвинять въ томъ,

что я стараюсь видѣть въ природѣ то, чего не видятъ они. Мнѣ хорошо извѣстно, что есть вещи, которыхъ нельзя видѣть и доказать неопровержимымъ образомъ; и я вовсе не думаю представить въ настоящее время, при нынѣшнемъ состояніи наукъ, неопровержимыхъ доказательствъ защищаемаго мною положенія, это дѣло будущаго. Но я, по крайней мѣрѣ, указалъ на то, что есть серіозныя основанія принять высказанныя мною убѣжденія. Мнѣ извѣстно, что въ области конечной цѣлесообразности въ природѣ, легко попасть въ колею дѣтскихъ и нелѣпныхъ объясненій; и потому, я стараюсь быть осторожнымъ при объясненіяхъ спеціальныхъ конечностей, хотя и твердо вѣрю въ ихъ дѣйствительное существованіе; потому что постоянное изученіе организмовъ ясно доказываетъ мнѣ это; но я также знаю, что наше незнаніе сущности вещей мѣшаетъ тому, о чемъ мы могли бы, въ большинствѣ случаевъ, говорить съ достовѣрностью и достаточной компетентностью. И если нужно быть осторожнымъ, при объясненіи частныхъ фактовъ предполагаемой цѣлесообразности, то мнѣ, кажется, можно быть весьма смѣлымъ въ утверженіи цѣлесообразности общей, спеціальныя цѣлесообразности которой составляютъ только мелкую монету. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть въ природѣ все усиливающуюся организацію, все увеличивающійся прогрессъ жизни и все болѣе и болѣе ясное обнаруженіе духа? Въ этомъ обнаруженіи и заключается, надобно полагать, чудная цѣль и чудный конецъ созданія природы; и мнѣ кажется, что не можетъ существовать болѣе сильнаго слова, побуждающаго насъ обращать свои взоры къ организаторскому и творческому духу, какъ слово органической цѣлесообразности.

„Всякое движеніе, сказалъ Аристотель, есть своего рода желаніе (appetit)“. Но что такъ желаніе, взятое въ широкомъ и общемъ смыслѣ слова, какъ не признакъ выбора, предпочтенія, воли (сознательной или безсознательной), чтобы захватить что-либо и овладѣть имъ, т. е. признакъ зачаточной способности выбирать и желать? Но развѣ въ природѣ существуетъ такая частица, которая не была бы въ движеніи? Каждая матеріальная частица, каждый атомъ непрерывно находятся въ движе-

ни, притяженіи, отталкиваніи, сложеніи и разложеніи, такъ что во всѣхъ частяхъ матеріи обнаруживаются желанія, т. е. признаки духа. Великій физикъ Тиндаль, въ своей прекрасной рѣчи, произнесенной въ Бельфастѣ (1874) при открытіи засѣданія Британской Ассоціаціи для развитія наукъ, сказалъ слѣдующее: „Отлагая въ сторону всякое притворство, я считаю долгомъ признаться вамъ, что когда обращаюсь взоромъ своимъ къ прошедшему и смотрю на первоначальные опыты естественныхъ наукъ, то я не могу не созерцать въ нѣдрахъ той же матеріи (къ которой мы, по нашему невѣжеству, относимся съ пренебреженіемъ, хотя въ то же время благоговѣемъ передъ Создателемъ этой самой матеріи) указаній и силъ для появленія всѣхъ формъ и всѣхъ степеней жизни“.

Формы, и степени жизни! Но какая же изъ нихъ можетъ быть болѣе высокой, болѣе достойной и болѣе удивительной, чѣмъ жизнь духа? Знаменитый англійскій физикъ замѣтилъ въ матеріи зачатки и слѣды духа. И если мы, говоритъ Сабатье, размышляя далѣе объ этой грандіозной проблемѣ, съ большей смѣлостью возвышаемъ наши взоры и если мы, опираясь на серіозныя аналогіи, смѣло ищемъ зачатковъ и первыхъ проявленій духа въ природѣ вообще, то можетъ быть намъ позволено будетъ считать то, что мы называемъ общими силами природы, т. е. теплоту, электричество, магнетизмъ, колебанія свѣта, притяженіе и проч., и причисляемъ все это къ грубымъ силамъ, относясь съ презрѣніемъ къ нимъ, какъ къ не имѣющимъ существеннаго значенія при движеніяхъ духа,—можетъ быть, позволительно будетъ считать, что они то и составляютъ въ сущности первые зачатки и проявленія духа, простыя и элементарныя его формы, неясныя и, повидимому, подчиненныя абсолютному детерминизму, который мы однако же исключаемъ изъ всей духовной природы, такъ какъ отличительный признакъ и главное свойство духа заключаются въ свободѣ или индетерминизмѣ.

Я сказалъ, продолжаетъ Сабатье, что общія силы природы подчинены, повидимому, абсолютному детерминизму. Но въ дѣйствительности такъ ли это? Можно сомнѣваться въ этомъ и не безъ нѣкотораго логичнаго основанія.

Въ одномъ опытѣ, подъ названіемъ *Evolution et Libertè* ¹⁾, напечатанномъ десять лѣтъ тому назадъ, я старался доказать, говоритъ Сабатье, что абсолютный детерминизмъ, считающійся закономъ природы, есть только относительный индетерминизмъ. И, дѣйствительно, можно замѣтить въ природѣ нѣсколько степеней индетерминизма. Въ минеральной матеріи, индетерминизмъ, ограниченный малѣйшими пропорціями, можетъ скрываться при нашихъ изслѣдованіяхъ, и мы можемъ причислять его къ молекулярнымъ явленіямъ, не могущимъ вліять на результаты цѣлаго. Въ фізіологическомъ состояніи матеріи, индетерминизмъ обнаруживается яснѣе, хотя и въ довольно ограниченной степени. Здѣсь существуютъ частыя уклоненія, которыя можно отнести къ случайности законовъ природы. Наконецъ въ психической области, индетерминизмъ, возведенный въ достоинство свободы, достигаетъ высшаго своего проявленія и силы.

Опредѣленность и точность результатовъ въ экспериментальныхъ наукахъ всегда являются относительными въ полномъ объемѣ случайныхъ измѣненій. Тутъ существуютъ различныя степени приближенія или уклоненія, которыя мы можемъ доказать на опытѣ. Въ наукахъ физическихъ измѣненія эти настолько малы и слабы, что они почти не замѣтны, легко нами пропускаются и не мѣшаютъ относительной точности и вѣрности результатовъ, которые, въ дѣйствительности, могутъ быть принимаемы нами за постоянныя. Въ наукахъ біологическихъ строгая точность всегда гипотетична, и результаты также болѣе или менѣе измѣнчивы. Что же касается до психическихъ явленій, то, при изученіи ихъ, нужно всегда рассчитывать на большія измѣненія и случайности.

Если эти взгляды, раздѣляемые знаменитыми учеными и философами, истинны, то изъ нихъ можно уже заключить, что общія силы природы не отдѣлены отъ духа той пропастью, которая была создана, съ одной стороны, утвержденіемъ абсолютнаго детерминизма, а съ другой стороны, признаніемъ существованія

¹⁾ *Revue chretienne*, 1885.

безусловной тварной свободы. Итакъ, значить, пропасть проходима; и въ общихъ силахъ природы можно находить слабше и зачаточные проблески духа, которыми невѣжда можетъ пренебрегать, но передъ которыми истинный ученый, постоянно изучающій ихъ и могущій оцѣнить ихъ великое значеніе и чудесное вліяніе, чувствуетъ потребность преклониться съ глубокимъ благоговѣніемъ.

Итакъ, я думаю, заключаетъ Сабатье, мы имѣемъ основаніе утверждать, что какъ жизнь, такъ и духъ существуютъ повсюду; что духъ есть и всегда былъ организаторомъ жизни; и все существующее въ природѣ есть плодъ и дѣло тѣхъ высшихъ силъ, которыя всемогущая рука Создателя щедро разсѣяла въ ней, для осуществленія своихъ высшихъ цѣлей. *Да будетъ свѣтъ* книги Бытія есть не только приведеніе въ движеніе ээира, но и созданіе психо-физической среды для обнаруженія и развитія самостоятельной и независимой жизни—души.

К.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Октября № 19. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Журналъ Харьковскаго училищнаго окружнаго съѣзда духовенства 1896 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступили къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщенія о томъ, что въ память и ознаменованіе дня бракосочетанія Его Императорскаго Величества: 1) прихожане Дмитріевской церкви слободы Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, по предложенію мѣснаго священника, на пожертвованныя ими 2,000 рублей приобрѣли для названной церкви колоколь, вѣсомъ въ 106 пудовъ, съ соотвѣтствующею надписью; 2) крестьяне слободы Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи, постановили открыть въ сей слободѣ бібліотеку и читальню, съ ежегоднымъ пособіемъ на сей предметъ изъ мірскихъ суммъ въ 50 рублей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 21-й день минувшаго Августа, благоудно было Собственноручно начертать: «Прочель съ удовольствіемъ».

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 4—12 Сентября 1896 года за № 2729, постановилъ: назначить на должность Харьковскаго

епархіального наблюдателя церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты кандидата богословія С.-Петербургской духовной академіи Василя Давыденка, съ причисленіемъ его, по рукоположеніи, въ санъ священника, къ Харьковскому кафедральному собору, сверхъ штата.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

15 ноября наступаетъ срокъ взноса денегъ за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи въ общежитіи за вторую треть сего учебнаго года; посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться своевременной высылкой на имя Правленія слѣдующихъ взносовъ въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ, не получающихъ пособія, и 25 руб. съ воспитанниковъ, получающихъ таковое.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія сообщаетъ нижеслѣдующія свѣдѣнія для распространенія ихъ среди духовенства Харьковской епархіи и другихъ лицъ и мѣстъ, до которыхъ они могутъ касаться. —Управленіе Московской Синодальной Типографіи отношеніемъ, отъ 20 Сентября н. г. за № 8776, увѣдомило Харьковскую Духовную Консисторію, что 12/19-го марта сего 1896 г., за № 827, состоялось опредѣленіе Святѣйшаго Синода, которымъ гг. иногородніе покупатели губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской, а также Финляндіи приглашаются обращаться съ требованіями на книги Синодальнаго изданія и др., продающіяся въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ, въ С.-Петербургскую Синодальную Типографію, а г.г. покупатели всѣхъ другихъ губерній съ таковыми требованіями въ Московскую Синодальную Типографію; что же касается требованій на метрическіе листы и др. для церковнаго употребленія, антимянсы, вѣнчики, разрѣшительныя молитвы, грамоты священническія, діаконскія и причетническія, присяги и подписки, таковыя требованія изъ всѣхъ губерній Россійской Имперіи безъ исключенія должны быть направляемы въ Московскую Синодальную Типографію.

Условія продажи и высылки Синодальныхъ и другихъ изданій духовно-правственнаго содержанія см. ниже въ объявленіяхъ.

Журналы Харьковскаго училищнаго Окружнаго Създа духовенства 1896 года.

Уполномоченные Създа харьковскаго училищнаго округа, собравшись 18-го сего сентября, въ числѣ 10 человекъ, и избравъ единогласно предсѣдателемъ Създа слободы Дергачей Николаевской церкви протоіерея Дмитрія Региншевскаго и дѣлопроизводителемъ города Волчанска—пригородной слободы Заводъ Успенской церкви священника Александра Чернявскаго,

1) разсматривали смѣту прихода и расхода по содержанію училища и училищнаго общежитія, составленную правленіемъ училища на 1897 годъ, причемъ оказалось, что предполагаемый приходъ превышаетъ расходъ на 992 руб. 91 коп.; постановили: смѣту, какъ соответствующую во всѣхъ статьяхъ прихода и расхода дѣйствительнымъ поступленіямъ и требованіямъ училищнымъ, принять, измѣнивъ въ приложеніи къ расходу по ст. VIII, о содержаніи прислуги, пунктъ 14-й «служительницѣ для содѣйствія бастелявшѣ при уборкѣ и починкѣ бѣлья» — жалованье за 10 мѣсяцевъ вмѣсто 30 руб. назначить 50 руб. и затѣмъ смѣту передать въ правленіе училища для руководства. 2) Слушали: а) журналъ временно-ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономической отчетности по содержанію Харьковскаго духовнаго училища за 1895 годъ и по наблюденію за производствомъ расходовъ въ 1896 г., изъ котораго видно, что всѣ суммы, поступившія на содержаніе училища, записывались на приходъ своевременно, хранились въ подлежащихъ учрежденіяхъ, расходовались правильно, и никакихъ упущеній ревизіоннымъ комитетомъ не усмотрѣно. Въ журналѣ временно-ревизіоннаго комитета между прочимъ говорится, что „комитетъ при разновременныхъ своихъ посѣщеніяхъ имѣлъ возможность убѣдиться въ полной благоустроенности училища и хорошемъ состояніи его экономической части; безъ лести можно сказать, что правленіе училища всегда состоитъ на должной высотѣ своего призванія и съ любовію относится къ ввѣреннымъ имъ обязанностямъ“—постановили: отчетъ по содержанію училища за 1895 г., какъ правильный, передать въ правленіе

училища для храненія; а членамъ правленія и ревизіоннаго комитета за усердную и полезную службу выразить искреннюю благодарность съѣзда; эконому—же училища діакону Ковалевскому за семилѣтнюю усердную службу на пользу училища и умѣлое, примѣрно-ревностное исполненіе своихъ обязанностей въ награду выдать въ семь же году изъ училищныхъ суммъ 50 руб.; б) Докладъ правленія училища отъ 17-го сентября н. г. за № 248, о томъ, что осенью настоящаго года необходимо выслать асфальтомъ часть училищнаго двора надъ ледникомъ и кладовою, мѣрою 36 квадр. саж. и 6 арш.,—для того чтобы оградить означенныя помѣщенія отъ атмосферной воды, на каковую подѣлку потребуется 330 руб., считая за каждую квадратную сажень асфальтоваго пласта въ дюймѣ толщины по 9 руб. Призывая означенную подѣлку необходимою и цѣлесообразною, постановили: разрѣшить правленію училища осенью настоящаго года израсходовать изъ общихъ училищныхъ суммъ 330 руб., на вышеозначенный предметъ; в) Докладъ правленія училища отъ 17 сентября н. г. за № 247, въ которомъ оно проситъ Съѣздъ духовенства ассигновать 200 руб. изъ общихъ училищныхъ суммъ на абонементъ чтеній съ тѣневыми картинами, получаемыхъ изъ Московской комиссіи по устройству публичныхъ народныхъ чтеній и на покупку таковыхъ картинъ для пополненія коллекціи, имѣющейся при харьковскомъ духовномъ училищѣ; постановили: представить право правленію училища, по его усмотрѣнію, израсходовать на означенный предметъ до 200 руб.; г) Прошеніе надзирателей-репетиторовъ харьковскаго духовнаго училища Антолина Жадановскаго и Николая Шкорбатова, которые просятъ назначить имъ вознагражденіе за занятія ихъ съ учениками русскимъ диктантомъ въ видахъ того, что нѣкоторымъ изъ надзирателей прослужившимъ не менѣе пяти лѣтъ назначено вознагражденія Съѣздомъ духовенства 1895 г. за веденіе диктанта по 50 руб. въ годъ. Принимая во вниманіе, что надзиратели Жадановскій и Шкорбатовъ не прослужили пятилѣтія, дающаго право на полученіе означеннаго вознагражденія, постановили: предоставить право правленію училища, по его усмотрѣнію, выдавать изъ училищныхъ суммъ ежегодно за веденіе диктанта надзирателямъ—репетиторамъ, прослужившимъ менѣе пяти лѣтъ, не болѣе 25 руб. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Сентября 21. Утверждается“.

Въ утреннемъ засѣданіи 19 Сентября 1) слушали: а) докладъ комиссіи по повѣркѣ вѣнчиковыхъ вѣдомостей церквей Харьковскаго училищнаго округа за 1895 г. слѣдующаго содержанія: „за 1895 г. вѣнчиковой суммы поступило 3871 р. 88 коп.,—больше предыдущаго года на 304 р. 88 коп. Это объясняется не однимъ только увеличеніемъ числа умершихъ, а и большею продажею вѣнчиковъ и молитвъ высшихъ сортовъ противъ установленной нормы, сколько можно судить объ этомъ по вѣдомостямъ тѣхъ о. о. благочинныхъ, которые требуемыя свѣдѣнія представили полностью, такъ что съ внутренней стороны вѣнчиковая операція въ училищномъ округѣ представляетъ отрадное явленіе; но съ внѣшней, формальной стороны, одними о. о. благочинными допущены недостатки прежнихъ лѣтъ,—не прописано число умершихъ лицъ по возрастамъ, что дѣлаетъ невозможною провѣрку вѣнчиковыхъ вѣдомостей по церквамъ ихъ округовъ; другіе же представляютъ свѣдѣнія въ излишнемъ числѣ экземпляровъ, прилагая при этомъ еще и отдѣльныя вѣдомости по каждой церкви; а потому желательно, чтобы въ представляемыхъ о. о. благочинными свѣдѣніяхъ по вѣнчиковой операціи соблюдалось единообразіе, именно, чтобы представлялось двѣ вѣдомости,—одна общая, а другая—съ прописаніемъ требуемыхъ свѣдѣній по каждой церкви округа, безъ приложенія отдѣльныхъ вѣдомостей по каждому приходу. „Постановили: докладъ комиссіи принять къ свѣдѣнію и дословно пропечатать его для свѣдѣнія о. о. благочинныхъ округа; б) прошеніе надзирателя—репетитора 4-го класса Харьковскаго духовнаго училища Александра Теряева, въ которомъ онъ проситъ объ увеличеніи ему вознагражденія за веденіе диктанта, на томъ основаніи, что по распоряженію г. Смотрителя училища, онъ гораздо болѣе другихъ надзирателей трудится, что удостовѣрилъ г. Смотритель, постановили: къ получаемому Теряевымъ вознагражденію за занятія имъ съ учениками диктантамъ прибавить 25 руб. въ годъ;—в) словесное заявленіе г. Смотрителя училища о томъ, что надзиратель духовнаго училища Антонинъ Жадановскій за управленіе училищнымъ хоромъ получаетъ не значительное вознагражденіе—80 руб. въ годъ, почему ему слѣдовало бы увеличить вознагражденіе за этотъ нелегкій трудъ, постановили: увеличить вознагражденіе Надзирателю Жадановскому за управленіе хоромъ до 120 руб. въ годъ.

2) Уполномоченные Съѣзда приступили къ избранію членовъ

временно-ревизионнаго комитета для документальной повѣркв экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго обшежитія въ 1896 г. и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1897 г. и посредствомъ закрытой баллотировки избрали на означенную должность: гор. Харькова священниковъ Василія Ветухова, Николая Жебенева и Іоанна Иннокова; постановили: журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благосмотрѣніе Его Высокопрвосвященства.

3) За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Съѣзда, выразивъ благодарность Предсѣдателю Съѣзда протоіерею Дмитрію Региншевскому и дѣлопроизводителю священнику Александру Чернявскому за ихъ трудъ, постановили: засѣданія Съѣзда закрыть, а для будущаго очереднаго Съѣзда въ 1897 году назначить 24 Сентября. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція такая: „Сентября 21. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники: Соборно-Успенской г. Богодухова Дмитрій *Владыковъ*, и Троицкой Евгеній *Иономаревъ*, за усердную службу, награждены скуфіями.

— Определеніемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 18 іюля и 19 августа с. г., утверждены въ должностяхъ 1 округа Купянскаго уѣзда: духовника—священникъ церкви сл. Старовѣровки, Дмитрій *Бородаевъ*, цензора проповѣдей—священникъ церкви сл. Гусинки Василій *Соколовскій*, помощника благочиннаго церкви сл. Ново-Николаевки Іоаннъ *Нечаевъ*, денутата—сл. Сенькова священникъ Василій *Поповъ*.

— Священникъ церкви Великомученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, Иванъ *Щетровскій*, назначенъ вторымъ экзаменаторомъ по пѣнію кандидатовъ во псаломщики и діаконы.

— Протоіерей о. Николай *Лашенко*, настоятель Троицкой церкви г. Харькова, волею Божіей, скончался, а на его мѣсто определенъ протоіерей Петро-Веригской Тюремной церкви Стефанъ *Любимскій*, а на мѣсто послѣдняго—безмѣстный священникъ Теодоръ *Кіаницынъ*.

— Протоіерей сл. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Хижняковъ*, уволенъ за штатъ и на его мѣсто определенъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Іоаннъ *Подлуцкій*.

— Священникъ церкви с. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, Григорій *Ждановъ* переведенъ на праздное священническое мѣсто при Преображенской церкви с. Колонтаева, того же уѣзда.

— Окончившій полный курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Дмитрій *Вербичій* 23 сентября с. г. опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Покровской церкви с. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда.

— Священникъ церкви с. Коломитаева, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ *Криницкій*, 17 сентября, волею Божіею, умеръ.

— На праздное діакопское мѣсто при Покровской церкви с. Малой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, 20 сентября опредѣленъ окончившій полный курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Анатолій *Мухинъ*.

— Учитель Василій *Федоровскій* опредѣленъ діакономъ къ Николаевской церкви сл. Липецъ Харьковскаго уѣзда.

— Утвержденъ въ должность церковнаго старосты: къ церкви с. Гракова, Зміевскаго уѣзда, кр. Петръ *Новицкій*, на второе трехлѣтіе.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Заслуживающее вниманія духовенства архипастырское распоряженіе.—Церковно-приходская благотворительность.—Призрѣніе сиротъ.—Дѣятельность духовенства на пользу народнаго образованія.—Полезное нововведеніе въ церковно-приходской школѣ.—По поводу увеселеній подъ праздники и въ дни поста.—Древняя святыня.—Празднованіе столѣтія Волинской семинаріи.—Предстоящая всенародная перепись.—Некрологъ.

Архіепископъ Рижскій замѣтилъ, что нѣкоторые священники въ своемъ внѣшнемъ обликѣ не „отличаются духовною солидностью и степенностью и обнаруживаютъ нѣкоторую свѣтскую легкость и притязательность на модничанье и щегольство“. Такъ, иные „подстригаютъ волосы на головѣ и бородѣ,—и довольно высоко; другіе при зачесываніи волосъ не дѣлаютъ проборовъ по срединѣ головы, иные носятъ кольца, допускаютъ въ употребленіе рясы короткія, съ узкими рукавами и модными нововведеніями, а иные не отличаются въ походкѣ и движеніяхъ скромностью и священнымъ достоинствомъ, а въ бесѣдѣ—духовною степенностью“. Противъ такихъ явленій владыка, по словамъ „Рус. Сл.“, направилъ циркулярное посланіе къ духовенству епархіи, въ которомъ настоятельно требуетъ, чтобы оно „во всемъ вело себя благообразно и по чину“, чтобы, согласно установившемуся въ православной церкви обычаю, духовныя лица „не подстригали волосъ на головѣ и бородѣ, а проборъ волосъ дѣлали по срединѣ головы, чтобы не угадали себя несвойственнымъ духовному сану,—кольцами, запонками, манжетами“ и т. д., чтобы рясы употребляли длинныя до

пятокъ, съ широкими рукавами, „не отъ пестринъ и утварей мірскихъ“, чтобы „соотвѣтственно высокому своему званію, въ походкѣ отличались степенностью и скромностью, а въ рѣчахъ достоинствомъ и низидательностью безъ свѣтской игривости и шутовства“; вообще, чтобы „все въ слугителѣ Божіемъ было запечатлѣно пастырскимъ достоинствомъ и авторитетностью, но съ христіанскою вротостью, смиреніемъ и доступностью“ «Юж. Кр.».

— 15-го сентября с. г. на первомъ засѣданіи вновь открытаго Покровскаго приходскаго попечительства въ г. Псковѣ, послѣ обсужденія о порядкѣ засѣданій попечительства, было рассмотрѣно, по словамъ «Пск. Еп. Вѣд.», предложеніе члена попечительства о призрѣніи немущихъ въ Покровскомъ приходѣ такимъ способомъ, при которомъ не допускалось бы прошенія милостыни или нищенства, развращающаго, какъ извѣстно, занимающихся этимъ промысломъ, особенно дѣтей. Присутствовавшими членами попечительства единогласно признано необходимымъ принимать призрѣніе немущихъ на средства попечительства, для составленія же средствъ на этотъ важный предметъ члены попечительства приглашены сдѣлать денежный взносъ одновременно на составленіе капитала призрѣнія, въ размѣрѣ по усмотрѣнію каждаго, что и сдѣлано присутствовавшими членами. Собрано 93 р. 50 к. Затѣмъ попечительство постановило: обратиться ко всѣмъ прихожанамъ какъ домохозяевамъ, такъ и квартирантамъ, безъ различія пола, какъ о единовременномъ пожертвованіи на составленіе капитала, такъ и о ежемѣсячномъ взносѣ на призрѣніе немущихъ, взамѣнъ раздачи копейками и кусочками приходящимъ нищимъ, такъ какъ предположено устроить призрѣніе немущихъ, исключяющее нищенство, что будетъ возможно, если всѣ прихожане единодушно примутъ участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ. Признано, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ немедленно собрать подробныя свѣдѣнія о всѣхъ немущихъ, проживающихъ въ Покровскомъ приходѣ, по программѣ, одобренной попечительствомъ, для чего весь приходъ раздѣленъ на участки и въ каждомъ назначенъ для собранія свѣдѣній членъ попечительства, изъ числа присутствовавшихъ въ засѣданіи попечительства.

— Въ Духовщинскомъ уѣздѣ, по словамъ «Смол. Вѣд.», устраивается убѣжище для сиротъ на средства крестьянъ 4-хъ волостей, съ обученіемъ призрѣваемыхъ въ Пречистенскомъ земскомъ народномъ училищѣ и ремесламъ—въ самомъ убѣжищѣ. Полу-сироты

принимаются въ случаѣ безвыходнаго положенія. Средства убѣжища составляются изъ опредѣленной волостями ссыпки по 1 гарнцу ржи, овса и картофеля. Принимая среднія цѣны хлѣба, это ассигнованіе будетъ составлять отъ 10 до 13 коп. съ надѣла, а при 11.911 надѣльныхъ—отъ 1.200 до 1.500 р. въ годъ. Штатное число пріемышей—10 чел. въ первые годы, а затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ число ихъ должно быть—25 челов. и, слѣдовательно, даже впоследствии сборъ на каждого будетъ составлять отъ 48 до 60 р. въ годъ. Управленіе убѣжищемъ возлагается на совѣтъ, состоящій: изъ 4 волостныхъ старшинъ, 8 чел. выборныхъ отъ 4 волостей, предсѣдателей приходскихъ попечительствъ, земскаго врача, учителя земской народной школы и почетныхъ попечителей, избираемыхъ изъ лицъ, слѣвавшихъ въ пользу убѣжища значительныя пожертвованія. Совѣтъ собирается 1 разъ въ годъ и экстренно—по требованію 3 членовъ, или личному усмотрѣнію предсѣдателя. Такъ какъ, по уставу, вся власть—въ рукахъ предсѣдателя совѣта, мѣстнаго земскаго начальника, то, слѣдовательно, отъ послѣдняго уже будетъ зависѣть устраивать засѣданія совѣта чаще и возбудить большій интересъ къ убѣжищу; при столь же рѣдкихъ засѣданіяхъ совѣта, какія опредѣлены уставомъ, нельзя, конечно, рассчитывать на проявленіе къ этому дѣлу интереса со стороны самихъ плательщиковъ, могущихъ на 1.500 надѣловъ выбрать только одного своего представителя.

— Объ отлично-сердечной службѣ нѣсколькихъ законоучителей земскихъ школъ свидѣтельствуешь въ отношеніи на имя преосвященнаго инспекторъ народныхъ училищъ Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи. Объ одномъ изъ этихъ законоучителей инспекторъ говоритъ, что онъ „направляетъ школьное дѣло въ духъ христіанскаго чувства и религіозное настроеніе дѣтей его школъ заставляють меня преклониться предъ высокими трудами, этого дѣятеля на нивѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія“. Тотъ же инспекторъ просилъ преосвященнаго о распоряженіи, чтобы „всѣ оо. благочинные, при посѣщеніи подвѣдомственныхъ имъ селъ, посѣщали и земскія школы, провѣряли познанія учениковъ и ученицъ по закону Божію и о каждомъ своемъ посѣщеніи записывали въ ревизіонныя книжки, которыя имѣются въ городскихъ и земскихъ школахъ“. На семъ отношеніи инспектора послѣдовала такая резолюція самарскаго преосвященнаго. „Названнымъ оо. законоучителямъ земскихъ школъ и завѣдующимъ

церковно-приходскими школами, за ихъ усердное отношеніе возложенныхъ на нихъ обязанностей, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ выразить мною искреннюю благодарность, съ призваніемъ благословенія Божія... Относительно посѣщенія благочинными земскихъ школъ, для провѣрки успѣшности преподаванія закона Божія, распоряженіе было сдѣлано нами раньше. Стало быть, по Николаевскому уѣзду, въ виду настоящаго заявленія г. инспектора, оно не исполняется. Чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ снова подтвердить оо. благочиннымъ, чтобы они не уклонялись отъ возложеннаго на нихъ серьезнаго порученія относительно наблюденія за должнымъ исполненіемъ законоучителями своихъ обязанностей по преподаванію закона Божія въ городскихъ и земскихъ школахъ епархіи. «Сам. Еп. Вѣд.»

— По сообщенію «Воск. Бес.», сдѣлана попытка устроить общину сестеръ милосердія въ одномъ селѣ Новгородской губерніи, по почину одного сельскаго священника. Въ средѣ сельскихъ дѣвушекъ-грамотницъ нашлось нѣсколько охотницъ (сначала только три), которыя согласились, по предложенію священника приготовить себя къ высокому Евангельскому служенію больнымъ. Для этого нужно было поучиться подъ руководствомъ врачей уходу за больными, а также распознаванію признаковъ заразныхъ болѣзней и подацію первоначальной помощи. Мысль и хлопоты священника увѣнчались скоро желаннымъ успѣхомъ, сразу встрѣтили полное сочувствіе со стороны земства, которое дало средства дѣвушкамъ получить необходимыя для ихъ цѣлей познанія. Нашлись врачи, которые безъ всякой платы взяли на себя обученіе „сельскихъ сестеръ милосердія“: имъ читались популярныя курсы ухода за больными при разныхъ земскихъ больницахъ, или—вѣрнѣе не „читались“, а показывались приемы ухода за больными и признаки разныхъ болѣзней, особенно заразныхъ (скарлатина, корь и т. под.). Сколько пользы было принесено этими добровольцами, это можетъ легко понять всякій, кто близко стоитъ къ деревенской жизни. Земство, къ чести котораго, вообще говоря, нужно отнести его заботу о врачебной помощи народу, конечно скорѣе всѣхъ поняло ту пользу, которой можно ожидать для народа отъ сестеръ милосердія изъ самаго же народа. Земство содержитъ своихъ врачей, устраиваетъ такъ называемыя „пункты“. Но развѣ больного можно везти на пункты, а при распространеніи заразныхъ болѣзней пункты даже теряютъ всякое значеніе. Посѣщеніе врачомъ зараженной мѣстности

сти однажды въ недѣлю, а то и въ двѣ недѣли, какую пользу принесеть? Нуженъ присмотръ, уходъ за больными. Одна сестра милосердія достаточна для этой цѣли на деревню въ 10—15 дворовъ. Гдѣ же взять такихъ сестеръ милосердія, которыя были бы близки къ народу, которыя замѣнили бы фельдшера, взятаго съ пункта, иной разъ и врача, которому нельзя же быть вездѣсущимъ? Выше приведенный примѣръ сельскаго священника, можетъ быть, и найдетъ себѣ подражателей, дай Богъ! Но почему не обратиться къ другому еще лучшему контингенту Евангельскихъ сестеръ милосердія, къ женскимъ иноческимъ общинамъ? Извѣстно, что учрежденіе новыхъ монастырей и иноческихъ общинъ по закону обусловливается устройствомъ при нихъ школъ, приютовъ, больницъ и другихъ благотворительныхъ учреждений. Почему же иноческой женской общинѣ не быть въ цѣломъ своемъ составѣ благотворительнымъ учрежденіемъ; сестрамъ общины почему не быть сестрами по милосердію Евангельскому? Иноческіе подвиги поста и молитвы не только не умалятся, но еще болѣе возвысятся дѣлами милосердія, столь очевидными и назидательными для народа. Мать инокиня или послушница общины, являясь въ средѣ народа, въ семьѣ, гдѣ есть больные, является здѣсь съ утѣшеніями вѣры, съ молитвою, ободряющею больнаго и окружающихъ его, съ здоровыми наставленіями, вносящими въ крестьянскую семью, кромѣ врачеванія тѣлеснаго, еще другое врачеваніе отъ общаго недуга темной крестьянской среды—суевѣрія. Не къ соблазнамъ міра будетъ выходить сестра инокиня изъ своей обители, а къ опечаленнымъ болѣзнью близкаго человѣка; не она будетъ искать себѣ утѣшенія въ мірской семьѣ, а семья получитъ отъ нея духовное утѣшеніе въ своей печали. Открытіе все новыхъ и новыхъ иноческихъ женскихъ общинъ, въ послѣднее время (по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 30 лѣтъ) сдѣлалось довольно обычнымъ явленіемъ. Каждая обитель, обыкновенно, растетъ и крѣпится столько же внутреннею силою духовною, сколько сочувствіемъ окружающаго ее народа. Это сочувствіе быстро возрастетъ, когда обитель проявитъ силу своей духовной жизни въ такой симпатичной формѣ, о которой мы выше говорили. Школою для сестеръ могутъ быть земскіе пріемные „пункты“. Врачи не откажутся давать наставленія и объясненія готовящимся на подвигъ сестеръ милосердія. Есть хорошія книги и рисунки въ руководство желающимъ изучить искусство ухода за больными и поданія первоначальной врачебной помощи. Такъ называемый „апостольникъ“ у сестеръ милосердія и ихъ красивый на-

перснй крестъ (краснй) были бы далеко не лишними и для сестеръ инокеской общины, когда онѣ будутъ выходить на служеніе сестеръ милосердія. „Апостольникъ“ у сестеръ милосердія по формѣ своей похожъ на подобную принадлежность инокескаго жеяскаго одѣвнй, только у сестеръ милосердія онъ — бѣлый, а у иноквнй — чернй. Не слѣдуетъ ли и иноквнймъ при выходѣ въ мйръ для отправления дѣла сестеръ милосердія надѣвать также бѣлый апостольникъ. Наковецъ, не лишнимъ будетъ въ данномъ случаѣ указать близкій примѣръ для организаціи новаго учрежденія въ инокеской женской общинѣ. Въ Тульскомъ Успенскомъ женскомъ монастырѣ должность врача исполняетъ женщина врачъ г-жа Четыркина. Она обучила нѣсколько монахинь уходу за больными, составленію простѣйшихъ лѣкарствъ, завѣдыванію монастырской аптекой. Все это необходимо для такого многолюднаго монастыря, какъ Тульскій Успенскій. Почему бы нѣчто подобное не могло быть и въ Богородицкой общинѣ? Если нѣтъ средствъ имѣть своего врача—женщину, то, можетъ быть, найдется изъ числа монахинь Тульскаго Успенскаго монастыря настолько опытная въ фельдшерскомъ дѣлѣ, чтобы могла съ пользою подѣлиться своимъ знаніемъ съ монахинями Богородицкой общины. Со стороны земства можно бы еще и такой помощи ожидать: одинъ изъ пріемныхъ пунктовъ оно могло бы открыть близъ общины. Въ этомъ пунктѣ сестры могли бы поучаться нужному имъ искусству ухода за больными и пр.

— Интересно нововведеніе, по словамъ «Моск. Церк. Вѣд.», въ Лапотковской церковно-приходской школѣ, Тульской губерніи, состоящее въ томъ, что обучающіеся въ ней дѣти знакомятся съ пріемами первой помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ. Лапотковская школа построена и содержится на средства дочери мѣстной помѣщицы—княжны Урусовой и учреждена для дѣвочекъ. Ученицы, въ числѣ отъ 30 до 40, проходятъ установленный программой курсъ и обучаются руководѣлю (шитью, вышиванью и др.); изъ дѣвочекъ составленъ церковный хоръ съ участіемъ взрослыхъ, который и привлекаетъ крестьянъ въ значительномъ количествѣ въ храмъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Кроме того, княжной Урусовой пріобрѣтенъ для школы наборъ картинокъ, изображающихъ пріемы и способы оказанія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ съ людьми, напр. при переломѣ или вывихѣ членовъ, угарѣ, пораненіи, обморокѣ, обмираніи, для оживленія и приведенія въ чувство утопленниковъ и т. д. Для разъ-

ясненія изображеннаго на этихъ картинахъ и указанія практическіе приемы помощи пригласень фельдшеръ, который указываетъ наглядно соотвѣтствующіе приемы въ несчастныхъ случаяхъ. Въ школу собираются слушать объясненія фельдшера не только учащіяся въ ней, но и окончившія уже курсъ; эти занятія въ высшей степени интересуютъ дѣтей, и они быстро усваиваютъ все имъ показанное и объясненное. Нельзя не порадоваться отрадному почину въ столь полезномъ дѣлѣ и не пожелать, чтобы во всѣхъ школахъ какъ въ земскихъ, такъ и церк.—приходскихъ объяснялись способы и приемы первой помощи въ тѣхъ несчастныхъ случаяхъ, въ которыхъ населеніе деревень является совершенно безпомощнымъ и по своему невѣдѣнію часто вмѣсто помощи причиняетъ вредъ, какъ, напр., при достаточно уже всѣмъ извѣстномъ откачиваніи утопленниковъ. Безъ сомнѣнія, введеніе всего этого въ жизнь школъ было-бы въ высшей степени полезно, конечно, если для этого есть на лицо матеріальныя средства и др. благопріятныя условія какъ въ Ланотковской школѣ.

— «Рус. Сл.» по вопросу о допущеніи театральныя зрѣлищъ и иныхъ увеселеній въ кануны праздниковъ и въ дни поста и покаянія высказываетъ слѣдующія соображенія. — Церковь очень опредѣленно высказывается на этотъ счетъ, считая допущеніе въ эти дни всякихъ увеселеній оскорбленіемъ святыни праздника или поста. Наши законы тоже содержатъ ясныя постановленія на этотъ счетъ. Въ нихъ прямо запрещаются театральныя представленія на русскомъ языкѣ наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней и въ теченіе постовъ Великаго и Успенскаго. Многократно указывалось также, что законы эти нуждаются въ нѣкоторомъ разсмотрѣніи и дополненіи. Запрещеніе должно простираться и на спектакли на иностранныхъ языкахъ; должно быть также увеличено и число праздничныхъ дней, въ кануны которыхъ театры не должны открывать своихъ дверей. Не мѣшало бы еще обратить вниманіе и на хитрость, придуманную нынѣ неразборчивыми на средства антрепенерами въ обходъ закона, а именно на назначеніе въ кануны праздниковъ и постомъ не „спектакля“, а „полнаго чтенія“ изъ какой-то піесы. Но и тѣ статьи закона, которыя хоть немного ограждаютъ у насъ святыню праздниковъ, нарушаются сплошь да рядомъ. Запрещаются спектакли въ теченіе Успенскаго поста, а между тѣмъ они преисправно даются во всѣхъ лѣтнихъ театрахъ и садахъ. Такое неуваженіе устройствелей зрѣлищъ къ постановленіямъ

закона и къ явному неодобренію со стороны Церкви, происходящее, конечно, не безъ вѣдома начальства, не можетъ, разумѣется, не являться весьма большимъ соблазномъ для всѣхъ мало и слабо-вѣрующихъ, т. е. для тѣхъ именно, которыхъ мы, по слову Божию, всячески должны оберегать отъ соблазновъ. По мнѣнію газеты, особенно это вредно на нашихъ окраинахъ, гдѣ мы должны поддерживать авторитетъ нашей Церкви въ глазахъ иновѣрцевъ. Между тѣмъ, что же мы видимъ? Русскіе драматическіе спектакли, къ счастью запрещаемые повсемѣстно въ Имперіи во время Великаго поста, разрѣшены въ эти скорбные дни въ Варшавѣ—на соблазнъ русскимъ, живущимъ тамъ и на радость католикамъ, не упускающимъ, конечно, случая поглумиться надъ тѣмъ, съ какимъ неуваженіемъ русскіе люди относятся къ постановленіямъ церковнымъ и гражданскимъ.

— Въ «С.-Пет. Вѣд.» описывается храмъ, гдѣ почиваютъ мощи свят. чудотворца Николая. Въ старой части города, рассказываетъ корреспондентъ, среди лабиринта закоулковъ и неуклюже-толпическихъ небольшихъ площадей, высится слишкомъ восьмисотъ-лѣтній храмъ, гдѣ хранятся мощи великаго святителя, перенесенныя въ Бари изъ Миры-Ликійской. Храмъ изъ сѣраго камня, цвѣта развалинъ, снаружи кажется совсѣмъ запущеннымъ. Плоскій фасадъ угрюмъ, украшенъ неряшливымъ скульптурнымъ изображеніемъ Богородицы, св. Николая и св. Антонія. Когда мы вошли, въ церкви совершалась служба римско-католическая, непонятная для насъ. Въ глубинѣ, у огромнаго алтаря, раздавались одновременно голоса нѣсколькихъ священнослужителей. Молящихся было мало и ихъ почти не было замѣтно въ свѣжей полутьмѣ. Не стѣсняясь богослуженіемъ, гиды захопотали, съ шумнымъ предложеніемъ услугъ. Первое впечатлѣніе—какъ бы тяжелое, не соответствующее принесенному настроенію. Но внизу, въ другой, почти подземной церкви, тамъ, гдѣ стоитъ серебряный алтарь, прикрывающій мощи св. Николая—было тише. У алтаря священникъ провозносилъ послѣднія слова обѣдни передъ колѣнопреклонною толпой. Русскихъ паломниковъ не было. Да ихъ вообще немного здѣсь бываетъ, по словамъ мѣстныхъ жителей. Намъ сказали, что мощи намъ дадутъ увидѣть только съ разрѣшенія священника, къ которому я и обратился по окончаніи обѣдни. Намъ онъ немедленно ввелъ за рѣшетку, близко окружающую алтарь; тутъ былъ отслуженъ краткій молебенъ. Затѣмъ пришлось намъ

поочереди впалзывать въ узкій проходъ, подъ алтаремъ, чтобы чрезъ узкое отверстіе увидѣть, съ большимъ трудомъ разглядѣть святыя мощи. Вслѣдъ за нами хотѣла подойти старуха-италіанка, но патерь не допустилъ ея, объяснивъ, что за молебень не она платила. Каково же тутъ должно быть русскимъ паломникамъ-крестьянамъ, которымъ и дома-то подчасъ нечего заплатить за молитву священника...

— Съ разрѣшенія Св. Синода, Волынская духовная семинарія 27 и 29 сентября праздновала 100-лѣтіе своего существованія. Семинарія эта основана въ г. Острогѣ Волын. губ. 1796 года, при находившейся тамъ кафедрѣ волынскаго епархіальнаго архіерея. Въ 1812 г., въ тяжкую годину отечественной войны, она, по Высочайшему новелѣнію, должна была уйти изъ г. Острога и цѣлый годъ укрываться въ уѣздномъ гор. Кобелякахъ, Полтавск. губ. Въ 1821 г. 18 апрѣля сильный пожаръ окончательно разстроилъ острожскія семинарскія зданія, и семинарія, пробывъ въ Острогѣ 29 лѣтъ, принуждена была, за отсутствіемъ въ немъ пригоднаго помѣщенія, перейти въ 1825 г. въ м. Аннополь, острожскаго у. (въ 32 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Острога) и помѣститься здѣсь. Въ Аннополѣ семинарія, испытавая невѣроятныя лишенія, пробыла 11 лѣтъ. Въ 1836 году она была переведена въ Кременецъ и помѣстилась въ зданіяхъ бывшаго Волынскаго лицей, построенныхъ въ 1743 г. іезуитами для іезуитской коллегіи. Въ этихъ зданіяхъ она помѣщается уже 60 лѣтъ, терпѣливо ожидая перевода въ губернской и епархіальный городъ Житомиръ, — въ зданія, имѣющія быть нарочито для нея построенными «Кіев. Еп. Вѣд.».

— Однимъ изъ крупнѣйшихъ мѣропріятій правительства, по словамъ «Нов. Врем.», долженствующихъ осуществиться нынѣшнею зимою, является предстоящая первая всеобщая перепись населенія Россійской имперіи; производство переписи населенія принадлежитъ къ числу жгучихъ вопросовъ, наиболѣе возбуждающихъ толки среди самаго населенія. Это вполне понятно. Въ переписи заинтересовано все населеніе государства отъ мала до велика. Каждое жилое помѣщеніе, будетъ ли то роскошная квартира или лачужка, одиноко стоящая въ лѣсу, должно быть посѣщено счетчикомъ, который поговоритъ съ его обитателями и гдѣ самъ запишетъ, а гдѣ попроситъ записать необходимыя для правительства свѣдѣнія. Главная переписная коммиссія выработала формы переписныхъ листовъ, наставленій и инструкцій ли-

цамъ, долженствующимъ принять активное участіе въ переписи. Организация переписи, въ общихъ чертахъ, такова: общее руководство переписью принадлежитъ главною переписной комиссіи, которая въ каждой губерніи имѣетъ свой особый органъ въ лицѣ губернской переписной комиссіи. На этой послѣдней лежитъ обязанность полученія о правильномъ устройствѣ и выполненіи переписи въ губерніи. Сама комиссія эта, однако, стоитъ еще очень далеко отъ непосредственнаго исполненія переписи, такъ какъ между нею и лицами, долженствующими производить перепись, стоятъ уѣздныя и городскія комиссіи, на которыя, между прочимъ, возлагаются заботы о снабженіи лицъ и учреждений, участвующихъ въ переписи, матеріалами для ея производства, наблюденіе за равномернымъ распредѣленіемъ уѣзда или города на переписные и счетные участки и провѣрка полученнаго переписью матеріала. Для самаго производства переписи Россійская имперія будетъ раздѣлана на переписные участки, размѣры которыхъ частью опредѣляются границами административнаго дѣленія уѣздовъ, частью количествомъ населенія. Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, переписные участки приурочиваются къ ихъ участкамъ. Впрочемъ, и здѣсь могутъ быть случаи, когда такой участокъ будетъ раздѣленъ на два и болѣе переписныхъ участка, а именно, когда число жителей въ немъ превышаетъ 30,000 человекъ, или когда его территорія слишкомъ обширна. Для другихъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ земскихъ начальниковъ, размѣры участковъ опредѣляются количествомъ жителей—отъ 15 до 30 тысячъ человекъ въ каждомъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Обязанности завѣдывающихъ предположено возложить на земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ, чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, комиссаровъ, земскихъ засѣдателей, податныхъ инспекторовъ и др. Въ завѣдывающіе также могутъ быть приглашаемы вообще лица, знакомыя съ мѣстными условіями, наприм., мѣстные землевладѣльцы и въ частности лица, принадлежащія къ составу земскихъ и городскихъ общественныхныхъ учреждений. Обязанность завѣдывающаго, какъ это всегда бываетъ, считается почетною. Завѣдывающій не получаетъ особаго вознагражденія за свой трудъ, а ему отпускается только опредѣленная сумма въ его безотчетное распоряженіе на нужды переписи. Перепись является дѣломъ настолько интереснымъ и польза ея настолько очевидна, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, несмотря

на довольно сложныя обязанности завѣдывающаго участкомъ, найдутся люди, которые пожелаютъ принять на себя это званіе и трудъ. Завѣдывающій переписнымъ участкомъ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ органовъ при производствѣ переписи; на немъ лежитъ, между прочимъ, весьма серьезная обязанность—подборъ надлежащаго контингента счетчиковъ, которыхъ онъ долженъ подготовить къ исполненію ими своихъ обязанностей. Въ счетчики предполагается приглашать священно-и-церковно-служителей, учителей мѣстныхъ школъ, мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приказчиковъ и конторщиковъ владѣльческихъ усадебъ, а также другихъ лицъ изъ числа хорошо грамотныхъ мѣстныхъ обывателей. Города, въ отношеніи выбора счетчиковъ, поставлены въ сравнительно лучшія условія и инструкціи для нихъ не намѣчаютъ контингента счетчиковъ. Каждому счетчику будетъ назначенъ особый счетный участокъ, размѣры котораго для внѣ-городской переписи опредѣляются 400 хозяйствами или до 2,000 жителей. Впрочемъ, эти числа, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ быть и увеличиваемы и уменьшаемы. Въ городахъ счетные участки должны заключать въ себѣ около 150 квартиръ или до 750 жителей. Къ обязанностямъ счетчиковъ относится раздача переписныхъ листовъ во всѣ городскія квартиры и владѣльческія усадьбы, независимо отъ того, находятся ли онѣ въ чертѣ селеній или стоятъ отдѣльно, и въ объясненіи, какъ слѣдуетъ заполнять эти листы свѣдѣніями. При переписи крестьянскихъ дворовъ и хозяйствъ дѣятельность счетчика усложняется тѣмъ, что онъ долженъ будетъ самъ заполнить переписные листы требуемыми о каждомъ лицѣ свѣдѣніями. Въ дворахъ этихъ счетчикъ уже не оставляетъ переписныхъ листовъ, а, закончивъ заполненіе ихъ за три дня до дня переписи, представляетъ листы на просмотръ завѣдывающему переписнымъ участкомъ. Этотъ просмотръ, при которомъ завѣдывающій можетъ убѣдиться, правильно ли счетникъ заполнилъ листы, долженъ до нѣкоторой степени обезпечить болѣе или мѣнѣе правильное пониманіе и примѣненіе правилъ для заполненія переписныхъ листовъ. Чтобы гарантировать успѣхъ переписи во владѣльческихъ усадьбахъ и вообще въ поселкахъ, расположенныхъ на земляхъ, не принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, инструкціей предлагается счетчику посѣтить вторично за два, за три дня до дня переписи эти усадьбы и поселки, съ цѣлью удостовѣриться, что и тамъ всѣ листы заполнены. Первый обходъ свой сельскіе счетчики дол-

жны начать за мѣсяць до того дня, къ которому приурочивается перепись, а городскіе—за 5—10. дней. Наибольше важная часть работы начинается въ день, назначенный для переписи. Въ этотъ день всѣ показанія на переписныхъ листахъ должны быть приведены къ паличному составу населенія назначеннаго для переписи дня. Приведеніе это состоитъ въ исправленіи и дополненіи уже имѣющихся въ переписныхъ листахъ отмѣтокъ, соотвѣтственно тѣмъ измѣненіямъ въ составѣ хозяйствъ которыя произошли въ періодъ времени отъ заполнения переписныхъ листовъ до разсвѣта того дня, къ которому приурочивается перепись. Сообразно съ этимъ вычеркиваются умершіе за это время, вписываются родившіеся, исправляются показанія о семейномъ положеніи записанныхъ и дѣлаются отмѣтки о прибывшихъ и выбывшихъ лицахъ. Въ назначенный для переписи день, а также въ теченіе двухъ или трехъ слѣдующихъ дней, счетчики должны вновь обойти всѣ хозяйства, просмотрѣть и отобрать переписные листы, причемъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ и вообще въ тѣхъ, гдѣ счетчики сами заполняли листы, они должны сами же сдѣлать и всѣ необходимыя исправленія. Въ виду облегченія счетчикамъ этой послѣдней провѣрки, инструкціи допускаютъ производство ея путемъ опроса хозяевъ на сходѣ. Этимъ въ значительной степени сокращается работа счетчика. Этой провѣркой, собственно говоря, и заканчивается самое производство переписи и наступаетъ періодъ приведенія матеріала въ порядокъ и сдача его завѣдующимъ, которые, послѣ тщательной провѣрки, пересылаютъ матеріаль въ уѣздныя и городскія комиссіи. Разработка всего матеріала будетъ произведена Центральнымъ статистическимъ комитетомъ, по плану, выработанному главной переписной комиссіей. Перепись предполагено произвести по отдѣльнымъ хозяйствамъ, считая за таковыя въ городахъ отдѣльныя квартиры, а въ селеніяхъ — совокупность лицъ, стоящихъ въ родственныхъ отношеніяхъ или въ экономической зависимости отъ хозяина. Свѣдѣнія, относящіеся ко всѣмъ членамъ одного хозяйства, будутъ записаны на одномъ и томъ же листѣ. Такимъ образомъ, перепись населенія Россійской Имперіи будетъ произведена на хозяйственныхъ вѣдомостяхъ. Для переписи выработано нѣсколько формъ переписныхъ листовъ, которые различаются между собою только наружной стороной, гдѣ даются свѣдѣнія о самомъ дворѣ или домѣ. Внутрен-

няя сторона этихъ листовъ, гдѣ заносятся свѣдѣнія объ отдѣльныхъ лицахъ, совершенно одинакова во всѣхъ формахъ. При производствѣ переписи предположено получить нѣкоторыя данныя относительно домовъ и квартиръ, для чего ставятся вопросы: 1) о числѣ жилыхъ строеній, 2) о матеріалѣ постройки и крышъ, а въ городахъ, сверхъ того, 3) о числѣ квартиръ въ домѣ и 4) о числѣ незанятыхъ квартиръ. Для того, чтобы облегчить занесеніе свѣдѣній въ листы, главная переписная коммиссія составила весьма подробныя правила для заполнения переписныхъ листовъ и помѣстила ихъ какъ въ наставленіяхъ счетчикамъ, такъ и на самыхъ переписныхъ листахъ тѣхъ формъ, которыя, согласно Положенію, должны заполняться самимъ населеніемъ, а не счетчикомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ счетчикамъ будутъ розданы примѣрно заполненные переписные листы. Производство переписи на такой обширной территоріи, какова Россійская имперія, недостаточно гарантируется изданіемъ разнообразныхъ инструкцій и наставленій, такъ какъ всего въ инструкціи предусмотрѣть нельзя, почему главная переписная коммиссія раздѣлила имперію на 27 районовъ и въ каждой изъ нихъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, особый уполномоченный для объединенія дѣйствій по переписи. На обязанности этого лица лежитъ забота объ установленіи возможно полнаго единства въ пониманіи наставленій и инструкцій, а также разъясненіе на мѣстахъ могущихъ встрѣтиться недоразумѣній.

ПРОТОІЕРЕИ Н. А. ЛАЩЕНКОВЪ

(НЕКРОЛОГЪ).

24-го сентября, въ 7 часовъ вечера, на 67-мъ году жизни, скончался одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ протоіереевъ г. Харькова, настоятель Троицкой церкви *Николай Алексеевичъ Лащенко*. Смерть его была неожиданною не только для знакомыхъ, но и для семьи его. Еще 20 сентября о. Николай чувствовалъ себя настолько хорошо, что въ этотъ день совершалъ седмичное богослуженіе въ приходскомъ храмѣ, былъ на урокахъ въ мужской прогимназіи, въ которой онъ состоялъ законоучителемъ,

и занимался текущими дѣлами; но въ этотъ же день, вечеромъ, сталъ жаловаться на нездоровье. На другой день приглашенными врачами было констатировано у покойнаго воспаленіе легкихъ; приняты были медицинскія мѣры противъ болѣзни; состоялся консилиумъ изъ четырехъ врачей; подана была надежда на выздоровленіе, но на третій день о. Николай... тихо и безболѣзненно скончался.

Покойный—уроженецъ Харьковской епархіи: сынъ священника сл. Гавриловки, Изюмскаго уѣзда. Въ 1851 году онъ окончилъ курсъ въ мѣстной духовной семинаріи со степенью студента и награжденіемъ за отличные успѣхи и примѣрное поведеніе серебряною медалью. По окончаніи курса, два года состоялъ учителемъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ—въ 1853 г., чувствуя недостаточность полученнаго образованія, отправился въ Кіевъ, выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ кіевской академіи, въ которой въ 1857 году и окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія. По окончаніи курса въ академіи Н. А. возвратился въ Харьковъ, которому и посвятилъ всю свою почти сорокалѣтнюю службу. Первые восемь лѣтъ (1859—1867 гг.) онъ состоялъ священникомъ при харьковской кладбищенской Усѣкновенской церкви и законоучителемъ училища дѣвицъ духовнаго званія. Въ должности законоучителя, а затѣмъ и предсѣдателя совѣта этого училища, преобразованнаго въ епархіальное женское училище, о. Николай много потрудился на пользу этого училища: при немъ и подъ его непосредственнымъ руководствомъ впервые составлялись программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ этомъ училищѣ; при его дѣятельномъ участіи устраивались помѣщенія для этого училища и вводились порядки общежитія; онъ привлекалъ лучшія силы для преподаванія учебныхъ предметовъ въ училищѣ, онъ всѣми мѣрами изыскивалъ средства къ содержанію учащихся и учащихся—преимущественно сиротъ духовнаго званія. Онъ главнымъ образомъ положилъ прочное основаніе этому училищу въ его учебномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и безпристрастный историкъ этого училища непременно отведетъ о. Николаю одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи этого училища. А что, дѣйствительно, его служебная дѣятельность при училищѣ была полезна и благотворна, доказательствомъ этого служатъ тѣ благодарности, которыя покойный получалъ отъ епархіальнаго начальства со внесеніемъ въ

послужной списокъ. Наконецъ, о. Николай въ 1867 году, «за лично-усердную и полезную дѣятельность при училищѣ, переведенъ священникомъ къ харьковской Троицкой церкви»; этимъ переводомъ о. Николай награжденъ былъ преосвященнымъ Макаріемъ, который съ отеческимъ вниманіемъ относился къ училищу дѣвицъ духовнаго званія и особенно заботился о немъ. Но и послѣ перевода въ Троицкую церковь покойный не прерывалъ связей съ излюбленнымъ имъ училищемъ: шесть лѣтъ состоялъ (1870—1875) предсѣдателемъ совѣта этого училища; а когда епархіальнымъ начальствомъ призванъ былъ къ другимъ довольно многосложнымъ обязанностямъ и вынужденъ былъ оставить службу при училищѣ, онъ не переставалъ до самой кончины слѣдить за развитіемъ этого училища и всегда радовался его успѣхамъ.

Занявъ мѣсто приходскаго священника при Троицкой церкви, о. Николай около 30 лѣтъ—до самой кончины—состоялъ при этой церкви и никогда не высказывалъ даже желанія перейти на другое мѣсто. Какъ приходскій священникъ, о. Николай пользовался любовью и уваженіемъ своихъ прихожанъ; особенную любовь онъ заслужилъ отъ прихожанъ за свое безкорыстное пастырское служеніе и отеческое къ нимъ отношеніе: онъ всегда отзывчиво относился къ ихъ нуждамъ и во всѣхъ случаяхъ жизни давалъ имъ необходимые совѣты и наставленія и оказывалъ свою помощь.

Состоя приходскимъ священникомъ, о. Николай занималъ и другія должности по епархіальному и учебному вѣдомствамъ; такъ, онъ состоялъ учителемъ (1866—1871 гг.) и членомъ правленія отъ духовенства (1867—1869 гг.) харьковскаго духовнаго училища, законоучителемъ мужской прогимназіи (съ 1871 г. по день смерти), законоучителемъ харьковскаго музыкальнаго училища (1883—1894 гг.), членомъ Испытательнаго Комитета при Харьковскомъ Учебномъ Округѣ (съ 1891 года по день смерти); занималъ болѣе 20-ти лѣтъ (1869—1891 гг.) почетную должность цензора проповѣдей и около 20 лѣтъ (1871—1890 гг.) состоялъ членомъ духовной консисторіи. Во всѣхъ этихъ должностяхъ о. Николай показалъ себя ревностнымъ и добросовѣстнымъ исполнителемъ возлагаемыхъ на него обязанностей; вездѣ онъ оставилъ о себѣ память, какъ ревностнаго исполнителя и безпристрастнаго общественнаго дѣятеля. И начальство цѣнило его полезную службу и не оставляло его безъ поощренія: онъ получилъ всѣ награды до ордена св. Владиміра 4 степ. (1886 г.) и палицы (1892 г.) включительно.—

Отличительною чертою въ характерѣ покойнаго была стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, безпристрастное отношеніе къ окружающимъ и отсутствіе всякаго искательства предъ высшими: онъ не искалъ популярности, не старался выдѣляться между сослуживцами и обращать на себя вниманіе начальства; исполнил свои обязанности честно—по совѣсти, занимая довольно видное и почетное положеніе среди духовенства епархіи, пользуясь довѣріемъ своего начальства, онъ всегда держалъ себя скромно; къ сослуживцамъ относился по—товарищески, а къ подчиненнымъ и своимъ ученикамъ всегда былъ справедливо—требователенъ; требованія его были всегда справедливы, и отъ исполнителей онъ всегда требовалъ сознательнаго и разумнаго отношенія къ своему дѣлу.

Занимая, кромѣ обязанностей приходскаго священника, еще и другія разныя должності по епархіальному и учебному вѣдомствамъ, о. Николай находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Любимымъ его научнымъ предметомъ была отечественная и преимущественно церковная исторія. Къ архивамъ, къ стариннымъ книгамъ и рукописямъ о. Николай чувствовалъ особенную любовь; послѣдніе 3—4 года онъ все свое свободное время употреблялъ на чтеніе рукописей, пересмотръ архивныхъ дѣлъ (конспсторскихъ, церковныхъ, университетскихъ и др.), чтеніе историческихъ сочиненій и мемуаровъ. Результатомъ этихъ занятій были между другимъ его работами слѣдующіе печатные его труды: „*О. В. Н. Каразинъ*“, „*Домовія церкви въ покаяхъ Слободско-Украинскихъ дворянъ—помѣщиковъ*“, „*Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулакъ-Артемовскаго*“, „*Высокопреосвященный Филаретъ, Архіепископъ Харьковскій, по письмамъ къ его другу ваковскому помѣщику Н. Н. Романовскому*“, „*Христофоръ, первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій*“, „*Аполлосъ, второй епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій*“. Послѣдніе два труда написаны о. Николаемъ какъ матеріалъ къ столѣтію Харьковской кафедры (16 окт. 1799—16 окт. 1899 г.г.). Кромѣ того въ настоящее время находятся въ редакціяхъ принятыя къ печати слѣдующія его литературныя работы: „*Аполлосъ, второй епископъ....*“ (окончаніе)—въ Харьковскомъ Сборникѣ прв Харьковскомъ календарѣ, „*Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарецъ—украинецъ*“ (тамъ-же) и „*Евстафій Ивановичъ Станевичъ*“ (историко-литературный очеркъ, пмѣющій

быть напечатаннымъ въ трудахъ Историко-Филологическаго Общества Харьковскаго Университета). Пишущему эти строки известно, что о. Н. собиралъ матеріалы и приступилъ уже къ написанію исторіи Харьковской Троицкой церкви. Въ послѣдніе два года о. Н. состоялъ въ перепискѣ съ профессоромъ кievской духовной академіи Н. И. Петровымъ, секретаремъ церковно-археологическаго музея при кievской академіи, которому покойный прислалъ въ даръ нѣсколько важныхъ рукописей; въ числѣ ихъ особенно интересна—экземпляръ журнала, издаваемаго студентами кievской академіи—современниками о. Николая (1853—1857 г.г.); въ этомъ журналѣ довольно типично выведены нѣкоторые изъ профессоровъ и студентовъ тогдашней академіи. Эту рукопись, какъ довольно цѣнную для исторіи академіи, проф. Петровъ предполагаетъ напечатать въ извлеченіи. Въ годовыхъ печатныхъ отчетахъ г. ректора Харьковскаго университета за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ упоминается о дѣятельномъ участіи о. Николая въ работахъ по разбору архивныхъ дѣлъ (бумаги покойнаго профессора Платонова) въ архивѣ университета.—За свои литературные труды о. Николай избранъ былъ членомъ нѣкоторыхъ ученыхъ Обществъ; такъ онъ состоялъ членомъ Историко-Филологическаго Общества Харьковскаго Университета, членомъ (дѣйствительнымъ) Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета; въ прошломъ году избранъ былъ членомъ церковно-археологическаго музея при кievской духовной академіи.—Говоря о заслугахъ покойнаго, нельзя пройти молчаніемъ объ его особенныхъ трудахъ по отношенію къ бібліотекѣ Троицкой церкви: онъ въ продолженіе почти тридцатилѣтняго своего служенія при этой церкви ежегодно затрачивалъ довольно значительную сумму (частью самимъ изысканную) на пополненіе церковной бібліотеки. Въ настоящее время бібліотека эта заключаетъ въ себѣ 1160 названій и болѣе 2000 томовъ; въ эту бібліотеку вошли между прочимъ многія цѣнныя книги изъ бібліотеки покойнаго преосвященнаго Иннокентія (Александрова), которыя были пріобрѣтены о. Николаемъ у наслѣдниковъ преосвященнаго. Въ числѣ книгъ этой бібліотеки есть довольно цѣнныя и рѣдкія изданія; есть здѣсь изданія прошлаго столѣтія (сюда относятся между прочимъ книги мистическаго характера и книги масонскія), есть—книги на иностранныхъ (латинскомъ и греческомъ) языкахъ; много періодическихъ изданій (съ 1821 года) духовнаго содержанія. Въ этой бібліотекѣ даже

нѣкоторые изъ профессоровъ университета находили для своихъ работъ такія книги, которыхъ не могли найти ни въ одной Харьковской библіотекѣ.—Библіотека эта содержится образцово: помѣщается въ свѣтло-сухой комнатѣ (въ колокольнѣ); книги хранятся въ застеклянныхъ шкафахъ; существуетъ полный матеріальный каталогъ (съ 1871 года) и составляется новый—систематическій. Если покойный позволялъ себѣ иногда гордиться, то только своею библіотекою.

27-го сентября происходили похороны о. Николая. Заупокойную литургію совершалъ о. ректоръ семинаріи прот. І. Знаменскій, въ сослуженіи двухъ протоіереевъ и двухъ священниковъ. Обширная Троицкая церковь не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ отдать послѣдній долгъ покойному. На литургіи присутствовалъ г. директоръ прогимназіи со всѣми преподавателями и воспитанниками, законоучителемъ которыхъ состоялъ покойный. По окончаніи литургіи приходскимъ священникомъ—сослуживцемъ покойнаго—о. П. Тимофеевымъ произнесено было приличное случаю церковное поученіе.—Отпѣваніе усопшаго совершалъ о. архимандритъ Іосифъ въ сослуженіи почти всего Харьковскаго духовенства. Въ концѣ отпѣванія сказана была бывшимъ сослуживцемъ покойнаго по Троицкой церкви и по прогимназіи—священникомъ о. Николаемъ Любарскимъ прощальная рѣчь. Отпѣваніе окончилось во второмъ часу. Въ 2^{1/2} часа длинная похоронная процессія приближалась къ городскому кладбищу; здѣсь—противъ воротъ епархіальнаго женскаго училища гробъ встрѣченъ былъ предсѣдателемъ Совѣта Училища, прот. о. Т. Буткевичемъ, въ облаченіи и съ крестомъ, начальницей училища Е. Н. Гейцыгъ, учащими и воспитанницами; при приближеніи гроба воспитанницы встрѣтили покойнаго умиленнымъ пѣніемъ церковной пѣсни: „Со святыми упокой...“, а потомъ, съ пѣніемъ прмосовъ: „Помощникъ и покровитель“, проводжали до могилы. Около церкви о. предсѣдателемъ отправлена была литія. При опускавіи гроба въ могилу однимъ изъ бывшихъ ученикомъ покойнаго, г. Бѣляевымъ, произнесена была глубоко-прочувствованная рѣчь.

Миръ праху твоему, честный человѣкъ, добрый пастырь и неутомимый труженникъ!

Условія продажи и высылки Синодальныхъ и другихъ изданій ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Отпускъ книгъ въ кредитъ:

а) Отпускъ книгъ въ кредитъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ производится на сумму по соглашенію съ Управленіемъ Московской Синодальной Типографіи при уплатѣ денегъ за отпускаемыя книги по мѣрѣ распродажи ихъ въ опредѣленные сроки; въ такомъ случаѣ книги отпускаются съ 10⁰/о уступкою съ цѣны каталога и пересылаются на счетъ Типографіи. Если какинъ-либо изъ отпущенныхъ на этомъ условіи книгъ не будутъ имѣть спроса, то таковыя принимаются, въ неповрежденномъ видѣ, обратно въ Типографію; расходы по обратной пересылкѣ ихъ относятся на счетъ мѣстъ и лицъ, выписавшихъ книги.

б) Отпускъ книгъ въ кредитъ книгопродавцамъ и другимъ частнымъ лицамъ производится на тѣхъ же условіяхъ, но сумма кредита ограничивается размѣромъ представляемаго со стороны сихъ лицъ залога наличными деньгами или Государственными 9/0/0 бумагами.

10⁰/о уступка увеличивается до 15⁰/о, если въ теченіе года книга будетъ продана на 500 р. и болѣе, причемъ дополнительная скидка 5⁰/о дѣлается по окончаніи года.

2. Отпускъ книгъ за наличныя деньги:

а) При отпускѣ книгъ за наличныя деньги на сумму отъ 25 до 100 р. дѣлается уступка въ размѣрѣ 10⁰/о; отъ 101 до 500 руб. — 15⁰/о и отъ 501 и выше — 20⁰/о.

При этомъ по желанію покупателей допускается еще слѣдующее условіе: по каждому отдѣльному требованію книги отпускаются безъ всякой уступки въ теченіе года (съ 1-го Января по 15-е Декабря), въ концѣ же года 9/0/0 уступка исчисляется съ общей суммы всѣхъ требованій за годъ по объясненнымъ правиламъ и возвращается по принадлежности деньгами или книгами, смотря по тому, какъ кто пожелаетъ. Пересылка книгъ, отпускаемыхъ за наличныя деньги, относится на счетъ покупателей; отпущенныя книги считаются проданными и обратно приняты могутъ быть только съ особаго каждый разъ согласія со стороны Управленія Типографіи.

б) При покупкѣ книгъ за наличныя деньги на сумму не менѣе 1000 руб. въ одинъ разъ дѣлается 25⁰/о уступки, если покупаемая книга состоитъ исключительно изъ Синодальныхъ изданій.

Каталогъ книгъ высылается бесплатно.

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ ВЪ МОСКВѢ:

оптовымъ покупателямъ изъ главнаго книжнаго склада при Типографіи на Никольской улицѣ;

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

въ Синодальной книжной лавкѣ на той же улицѣ, въ Филаретовской пристройкѣ при Ивановской колокольнѣ въ Кремль, по воскреснымъ днямъ на площадяхъ— Сухаревской и Смоленской.

Кромѣ того Синодальныя изданія можно получать: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, противъ Главнаго дома, Бумажн. рядъ №№ 8—10. Въ г. Харьковѣ можно приобрести Синодальныя изданія: въ Епархіальномъ книжномъ комитетѣ и въ книжномъ магазинѣ Федоровскаго.

годъ изд. 11-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ годъ изд. 11-й.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

для чтенія въ христіанской семьѣ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“.

Адресъ редакціи: Москва, Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ журналъ допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. Вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, журналъ „Воскресный день“ остается вѣрнымъ своей задачѣ—служить полезнымъ чтеніемъ для христіанской семьѣ, чтобы каждый христіанинъ могъ найти себѣ духовную пищу сообразно съ своими потребностями. Программа журнала: 1) Церковь Христова въ ея прошлое. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значенія. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣроученіе и правоученія. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Религіозно-нравственная оценка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Цовѣсти и рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни. 10) Смѣсь.

Въ теченіе года редакція журнала дастъ читателямъ: *52 №№ журнала* въ объемѣ полутора печатныхъ листовъ каждый, со множествомъ рисунковъ религіозно-нравственнаго содержанія. *52 №№ „Воскресныхъ листковъ“* съ рисунками, весьма пригодныхъ для чтенія какъ въ церкви, такъ и въ христіанской семьѣ. Содержаніемъ листковъ будетъ служить по преимуществу толкованіе Евангелія отъ Лукк. *55 №№ газеты „Современная летопись“*. Программа газеты: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Обзоръ событій церковно-общественной жизни за недѣлю какъ въ Россіи, такъ и за границей. 3) Распоряженія епархіал. начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Разныя извѣстія.

Въ концѣ года будетъ разослано еще **ОСОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: „ВОСКРЕСНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“**, въ объемѣ 12-ти листовъ, содержаніемъ котораго будутъ служить важнѣйшія событія исторіи христіанской Церкви, съ нравственными приложеніями.

Подписная цѣна на журналъ со всеми приложеніями, съ доставкой и пересылкой на годъ **4 р.** на полгода **2 р. 50 к.**

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

Въ редакціи журнала „Воскресный День“ продаются слѣдующія книги: 1) „Воскресные листки“, въ 8 книжкахъ, по 50 листковъ каждая. Цѣна каждой книжки 40 коп., съ перес. 45 коп. Цѣна листковъ не въ книжкахъ 70 к. за 100 листковъ. Всѣхъ листковъ вышло 400 №№. Выписывающіе на 5 р. за пересылку не платятъ. 2) „Воскресный собесѣдникъ“, въ 4-хъ книгахъ. Цѣна каждой книги съ перес. 65 коп., безъ перес. 50 к. 3) Полное иллюстрированное описаніе жизни, чудесъ и яконъ св. Николая чудотворца. Цѣна съ перес. 75 коп.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. П. Корсувскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованіе еврей въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Г. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго, М. Остроумова, В. Спегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи пздержекъ деньгамъ или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, иль будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто ерокн. за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.